

Жерар Клейн

Боги войны

Перевод: Елена Болашенко Нина Хотинская

Это история о приключениях убийцы, единственной профессией которого была война. Но на Эргистале, где преступников судят и исправляют временем, где чтобы стереть войну, пользуются теми, кто воевал, Жорж Корсон начинает ненавидеть войну достаточно сильно, чтобы захотеть уничтожить ее любой ценой.

Познать войну... Сохранить войну... Искоренить войну... Эргистал оставляет выбор тебе.

1

Бестия плакала как ребенок. Не от раскаяния, что погубила три дюжины человек, а потому, что оказалась так далеко от родной планеты. Корсон сочувствовал ей и прилагал все усилия, чтобы самому не впасть в отчаяние.

В темноте он осторожно ощупывал землю, боясь пораниться о траву, судя по Инструкции, острую как бритва. Почувствовав свободное от травы пространство, он очень медленно двинулся вперед. Дальше трава была мягкой, как мех. Удивленный, Корсон отдернул руку. Трава должна была быть твердой и острой. Урия была враждебной планетой, и, согласно Инструкции, мягкая трава означала ловушку. Урия враждовала с Землей, и между ними постоянно возникали вооруженные конфликты.

Однако важнее всего был вопрос: обнаружили туземцы прибытие Бестии и Жоржа Корсона или нет. Бестия могла от них спрятаться, Корсон — нет. В двадцатый раз он обдумывал создавшееся положение. Туземцы видели, как корабль развалился в океане огня, и, вероятно, решили, что экипаж погиб. Будь джунгли Урии хотя бы вполовину так опасны, как утверждала Инструкция, аборигены никогда не стали бы искать их ночью.

Корсон знал — он должен противостоять трем смертельным опасностям: Бестии, туземцам и фауне Урии. Подумав, он решил встать — на четвереньках далеко не уйдешь. Пока рядом с ним Бестия, его жизнь в опасности. Он мог определить, в какой стороне находится Бестия, но не мог оценить разделяющего их расстояния. Ночь поглощала все звуки, а может, он просто оглох от страха. Он медленно поднялся, не желая касаться травы. Над его головой спокойно светили звезды, чужие, но совсем не враждебные, похожие на те, что он десятки раз видел с планет, рассеянных по всей Галактике. Зрелище звездного неба успокаивало, но было лишено смысла. Когда-то люди на Земле придумали названия для созвездий, думая, что они неизменны, но это было всего лишь временное расположение небесных тел, видимых из определенной точки. Точки смещались, и привычный звездный узор исчезал.

«Положение безнадежно», — подумал Корсон. Оружие у него было хорошее, но зарядов осталось мало; перед самой катастрофой он успел поесть и выпить воды — слава Богу, хоть об этом пока не надо было думать. Но самое главное заключалось в том, что ему невероятно повезло, — он единственный из всего экипажа уцелел. Кроме того, он не был ни ранен, ни контужен.

Плач Бестии становился все громче, это отвлекло его от невеселых мыслей, и он вновь сосредоточился на ближайшей проблеме. Если бы он стоял рядом с клеткой Бестии, когда та начала атаку, то сейчас дрейфовал бы легким облачком в верхних слоях атмосферы Урии. Пока что главная проблема заключалась в том, чтобы найти с Бестией общий язык. С другой стороны невидимой стенки Бестия вглядывалась в него шестью из восемнадцати глаз,

расположенных на том месте, которое принято называть талией. Лишенные век глаза ритмично меняли цвет. Это был один из многих способов, с помощью которых Бестия общалась с Корсоном. Шесть длинных, вооруженных когтями пальцев на каждой из шести ее ног колотили по полу клетки, а заунывный монотонный стон раздавался из верхнего отверстия, которое Корсон не мог разглядеть. Бестия была почти в три раза выше его, а ее морду обрамляли многочисленные отростки, которые издавна можно было принять за гриву, но на самом деле это были крепкие как сталь нити-антенны.

Корсон всегда был уверен в том, что Бестия обладает разумом. Впрочем, это же утверждала Инструкция. Может быть, ее разум даже превосходил человеческий. Впрочем, вид, к которому принадлежала Бестия, имел одно уязвимое место — все его особи были индивидуалистами и не признавали того, что сделало человека могучим, — общественных отношений. В инструкции говорилось, что это был не единственный случай. Даже на самой Земле, еще до начала космической эры и глобального освоения океанов, в море существовал вид, который так и не смог создать цивилизацию: дельфины. Их вымирание было результатом такого же пренебрежения к коллективным отношениям. Однако создание общества вовсе не было гарантией выживания вида, и доказательством этому была война между Землей и Урией.

Глаза, пальцы и голос Бестии с другой стороны невидимой стены весьма недвусмысленно пытались донести до Корсона одну и ту же мысль: «Я уничтожу тебя при первом же удобном случае». И такой случай наконец представился. Он не мог поверить, что вышли из строя генераторы корабля. Вероятнее всего, уриане обнаружили «Архимед» и открыли огонь. На одну пикосекунду, понадобившуюся компьютеру для создания защитной сферы, понизился энергетический потенциал клетки — и вот тут-то Бестия проявила небывалую активность. Используя свои возможности в манипуляции временем и пространством, она отбросила часть своего окружения далеко в космос, что и вызвало катастрофу. Все это было бесспорным доказательством того — если, конечно, доказательства вообще требовались, — что Бестию недаром считали самым совершенным оружием землян в войне против Урии.

Ни Корсон, ни Бестия не пострадали при первом взрыве, поскольку ее защищала энергетическая клетка, а его — сфера, предохранявшая от возможной атаки Бестии. «Архимед» нырнул в атмосферу Урии, и из всего экипажа уцелели только Корсон и Бестия. Корсон мгновенно сообразил, что, если он хочет выжить, ему следует соединить свою сферу с клеткой Бестии. Когда корабль оказался в нескольких сотнях метров над землей, Бестия закричала и отреагировала на грозящую ей опасность. Потянув за собой часть окружающего ее пространства, она переместилась во времени на долю секунды. Частью этого пространства был Корсон — другими словами, он оказался в чужом мире с чужой тварью. Излучение его энергетической сферы смягчило падение, а Бестия, заботясь о собственной безопасности, сделала остальное. Корсон приземлился рядом с ней и, пользуясь темнотой, удрал.

Бестии представилась прекрасная возможность продемонстрировать свои возможности. Корсон знал о некоторых из них, а о других догадывался, однако никогда не отважился бы написать в рапорте, что она практически неуязвима.

Представьте себе зверя, окруженного толпой охотников, которые на мгновение замешкались. Им кажется, что зверя от них отделяет невидимый барьер. Наконец они бросаются вперед и вдруг оказываются за секунду до этого момента, а может, и за две, в тех же самых позах, в каких были перед броском через невидимую границу. Они никогда не достигнут добычу, ибо та непрерывно отбрасывает их в прошлое, а когда они уже достаточно дезориентированы, добыча сама бросается в атаку.

Теперь представьте, что этим зверем является Бестия, обладающая разумом, по крайней мере равным человеческому, с реакцией более быстрой, чем у электрического угря, воплощающая холодную жестокость и ненависть ко всему, что на нее не похоже.

Вот это и будет портрет Бестии в самых общих чертах.

Она могла контролировать вокруг себя около семи секунд локального времени как в

прошлом, так и в будущем. Могла вырвать из будущего кусочек Вселенной и отбросить его на несколько секунд в прошлое. Или наоборот. Могла предвидеть, что случится через несколько секунд. Поэтому она и напала так внезапно. Бестия знала, когда в дело вступит флот или наземные батареи Урии. С поразительной точностью и хладнокровием она вычислила ту пикосекунду, в которую прутья ее клетки из чистой энергии стали слабее, ударила в нужный момент — и выиграла.

Или проиграла. Это уж как посмотреть.

Итак, Бестия была предназначена для Урии. После тридцати лет безуспешной войны против Империи Урии Солнечная Держава разработала стратегию, которая должна была наконец уничтожить горных Князей. Точнее говоря, десять лет назад был найден союзник, стоивший Державе сначала целого флота, потом — нескольких тяжелых кораблей, космической базы, одной планеты, которую пришлось эвакуировать, плюс одной планетной системы, которую потребовалось изолировать. Точное число человеческих жертв считалось государственной тайной. Короче говоря, это был огромный военный эксперимент, хотя вся эффективность нового оружия еще не была изучена до конца.

Цель использования — спровоцировать на одной планете Империи, лучше всего на планете-столице, самую страшную из известных в истории катастроф. Предупреждение: не нарушить официально установленного Перемирия, положившего конец активному периоду войны. Способ использования: высадить Бестию в определенном месте Урии и позволить ей действовать.

Шестью месяцами позднее Бестия дала бы жизнь восемнадцати тысячам себе подобных. Через год после этого столицу Империи Урии охватила бы паника. Чтобы избавиться от Бестии, Князьям Урии пришлось бы пожертвовать своей гордостью и просить помощи у Солнечной Державы.

Любой ценой требовалось избежать опознания «Архимеда». Если Князья Урии смогут доказать, что Бестия была выпущена на их планету с корабля землян, Державе будет трудно объяснить свою акцию Галактическому Конгрессу. В этом случае Державе грозил бойкот.

Бойкот означал прекращение межзвездной торговли, конфискацию торговых кораблей, кроме кораблей местного значения, уничтожение всех встреченных военных кораблей, лишение граждан всех прав. Время действия: не ограничено.

По всем этим причинам миссия «Архимеда» была самоубийственной. И в этом смысле она увенчалась полным успехом. За одним исключением: Жорж Корсон уцелел. От корабля не осталось ни кусочка, позволяющего его опознать, и Князья Урии вынуждены будут признать, что Бестия прибыла на планету-столицу в собственном корабле. Только земляне знали точные координаты ее родной планеты и генетические возможности вида, к которому оно принадлежало. Единственный, кто знал о происхождении Бестии, был Корсон. Если туземцам удастся его поймать, он станет основной уликой против землян. Самым логичным решением проблемы было самоубийство — Корсон хорошо знал это. Однако не было никакой возможности исчезнуть без следа. Заряда в пистолете хватило бы только на то, чтобы убить себя. Бестия разорвала бы его на куски, но следов осталось бы достаточно, чтобы убедить Галактический Конгресс. Ни одна пропасть этой планеты не была достаточно глубока, чтобы там не смогли найти его тело. Оставалось одно — замаскироваться и продолжать жить.

В конце концов Бестия была доставлена к месту назначения.

2

Ночь защищала Корсона от Бестии, ее глаза не реагировали на инфракрасное излучение, зато хорошо видели в ультрафиолете. Она могла ориентироваться в темноте и с помощью ультразвука, но сейчас слишком сильно горевала о своей судьбе, чтобы выследить Корсона.

Корсон никак не мог понять причину страданий Бестии. Он был уверен, что ей неведом

страх. На ее родной планете не было никого, кто мог бы всерьез угрожать ее жизни. Она не знала неудач и, несомненно, не представляла, что существует противник более могучий, чем она сама, пока не встретилась с людьми. Единственное, что ограничивало жизнедеятельность Бестии, был голод. Она могла размножаться только тогда, когда имела достаточно пищи, если же пищи не было — оставалась бесплодной. Во время реализации проекта главной проблемой было прокормить Бестию.

Корсон до сих пор не мог поверить, что Бестия может голодать или мерзнуть. Могучий организм способен был переваривать большинство органических или минеральных соединений. Обширные прерии Урии могли в изобилии поставлять ей пищу. Климат в общих чертах напоминал климат лучших районов ее планеты. Правда, атмосфера была иной, но не до такой степени, чтобы повредить существу, которое, как следовало из опытов, могло сутками жить в вакууме и купаться в серной кислоте. Одиночество тоже не могло привести Бестию в отчаяние: психологические тесты показали, что только в очень немногих случаях бестиям нужно общество. Хотя они и собирались в орды, чтобы достичь непосильной одиночкам цели или для любовных игр, назвать их общительными существами было нельзя.

Нет, это объяснение не подходило. Голос Бестии напоминал плач ребенка, случайно или в наказание запертого в темном шкафу, — ребенка, который чувствует себя брошенным в огромном непонятном и пугающем мире, населенном кошмарами и чудовищами. Он хотел войти с ней в контакт, узнать, что ее мучает, но пока это ему не удавалось. Во время полета он уже пытался говорить с ней. Он знал, что она может общаться разными способами, но, как и его предшественники, не дошел в общении с ней до стадии осмысленного разговора. Вероятно, из-за неистребимой враждебности, с которой она относилась к людям. Причин этой враждебности никто не знал. Это мог быть запах людей, цвет, звуки, что угодно. Ксенозоологи пытались обмануть ее, но безрезультатно. Трагедией Бестии была излишняя разумность в тех случаях, когда она не пользовалась инстинктом, правда, она не могла долго бороться со своими разрушительными инстинктами, из-за которых считалось, что бестий нужно уничтожать.

Через несколько шагов Корсон споткнулся, упал и дальше пополз на четвереньках, потом устал и решил подремать, обещая себе, что не ослабит бдительности. Проснулся он, как ему показалось, через несколько минут, однако, как оказалось, прошло четыре часа. Было по-прежнему темно, но Бестия почему-то замолчала. Внезапная тишина и разбудила Корсона.

С опережением в несколько секунд Бестия узнала, что произойдет, и, сама того не желая, предупредила человека.

Казалось, по небу быстро движется черная туча — слева от Корсона одна за другой гасли звезды. Туча имела четкие очертания. Какое-то огромное тело, несомненно летательный аппарат, о каком Корсон никогда не слышал, хотя изучал боевые машины Князей Урии, бесшумно пролетал над ним. Аппарат был практически невидим, и оценить высоту и скорость его полета было почти невозможно. Однако, оказавшись над Корсоном, черное пятно стало быстро увеличиваться в размерах, и он со страхом понял, что через минуту будет раздавлен.

Корсон почувствовал, что кровь стынет у него в жилах, а мышцы живота сводит судорога. Он не сомневался, что корабль прибыл за ним. Знал он и то, что сопротивляться бесполезно. Теперь надо было заставить экипаж корабля взять на борт Бестию, а уж она сама сообразит, что делать. Немного везения — и чужой корабль будет уничтожен, как и «Архимед», а Князя Урии не найдут и следа Жоржа Корсона на этой планете.

3

Из темноты выступили детали корабля, потом из черного полированного корпуса вырвался луч света и прочесал заросли, где прятался Корсон. Князя Урии были настолько уверены в себе, что даже не пользовались инфракрасным локатором. Корсон инстинктивно

направил оружие на прожектор. Низ корабля был гладкий и полированный, словно зеркало. Его конструктор, вероятно, был приверженцем самонесущих конструкций, что проявлялось в способе соединения металлических плиток. Корабль ничем не напоминал военный.

Корсон ждал какого-нибудь разряда, газового облака или падающей сверху стальной сетки. Однако луч прожектора поймал его и уже не выпускал. Корабль еще больше снизился и замер. Даже не вставая, Корсон мог бы его коснуться. По периметру аппарата зажглись большие иллюминаторы. Он мог бы попробовать поразить их из своего оружия, но не сделал этого.

Корсон дрожал от страха, но был скорее заинтригован, чем обеспокоен странным поведением хозяев корабля.

Пригнувшись, он обошел его, пытаясь заглянуть в окна, но разглядеть ничего не смог; правда, ему показалось, что внутри аппарата смутно виднеется человеческая фигура, но это его совсем не удивило. Издалека туземцев вполне можно было принять за людей.

Вдруг ему в глаза ударил свет, и он от неожиданности зажмурился. В корпусе корабля, там, где кончалась висящая в воздухе складная лестница, открылся люк. Корсон прыгнул внутрь. Дверь бесшумно закрылась за ним, но он был готов к этому, даже не обратил на нее внимания.

— Входите, мистер Корсон, — донесся молодой женский голос. — Не вижу причин держать вас в коридоре.

Это был человеческий голос. Настоящий, не подражание. Уриане не сумели бы так идеально имитировать его. Быть может, это могла сделать машина, но Корсон сомневался, что его враги стали бы так утруждать себя, раз уж он все равно оказался в ловушке.

Корсон толкнул дверь, и она исчезла в стене. Он оказался в зале, пол которого был одним огромным иллюминатором. Он ясно видел и темные контуры леса, над которым они пролетали, и сверкающую гладь океана, над которым уже вставал день. Он оглянулся и увидел перед собой молодую женщину, которую окружало что-то вроде туманной дымки. Лицо ее окаймляли светлые волосы, а серые глаза улыбались. Прошло уже почти пять лет с тех пор, как Корсон последний раз видел женщин, если не считать пластоидов, выполняющих их роль на военных кораблях. Люди не решались рисковать в космосе жизнью женщины — они слишком ценили их способность к воспроизведению вида. Женщина поражала своей красотой. Корсон вздохнул, быстро просчитал ситуацию и спокойно спросил:

— Откуда вы знаете, что меня зовут Корсон?

На лице молодой женщины отразилось удивление, смешанное со страхом. Корсон понял, что события выходят из-под его контроля, и напрягся. Женщине была известна его фамилия, а это означало, что Князья Урии располагали подробной информацией о миссии «Архимеда» и даже знали фамилии всего экипажа. С другой стороны, женщина явно была человеческим существом и ее присутствие на Урии было необъяснимой загадкой. Ни один хирург не мог бы снабдить урианина подобной внешностью, ни одна операция не позволила бы заменить роговой клюв нежными губами. Если бы женщина была одета, Корсона могли бы одолевать сомнения, однако все анатомические детали ее тела выдавали земное происхождение. Он отчетливо видел у нее пупок, а уриане, рождавшиеся из яиц, его не имели. Пластоиды никогда не достигали такой степени совершенства.

— Но ведь вы только что сами сказали мне это, — ответила она.

— Нет, сначала вы назвали меня по имени, — сказал он, чувствуя бессмысленность их диалога. Он испытывал сильное желание убить женщину и завладеть кораблем, но она наверняка была на борту не одна. Кроме того, он должен был узнать у нее что к чему. Может, тогда и не придется ее убивать.

Корсон никогда не слышал, чтобы люди переходили на сторону Князей Урии. Профессия предателя не существовала на войне, у истоков которой лежала биологическая разнородность, не мешающая тем не менее особям разных видов жить на одних типах планет. Он вдруг вспомнил, что, поднимаясь на корабль, не почувствовал характерного

запаха хлора. А ведь если бы на борту был хотя бы один урианин, он обязательно источал бы этот запах.

— Вы попали в плен?

Он не рассчитывал услышать правду — он надеялся хоть что-то понять.

— Вы задаете странные вопросы. — Глаза ее широко открылись, губы задрожали. — Вы — чужой, а я думала... Почему я должна быть в плену? Разве на вашей планете женщин берут в плен?

Внезапно лицо ее исказилось, в глазах заплескался страх.

— Нет!

Крича, она пятилась назад, бессознательно пытаясь нащупать какой-нибудь предмет, которым она могла бы себя защитить. Корсон понял, что нужно делать. Он пересек зал, легко уклонился от слабого удара, которым она пыталась остановить его, закрыл ей рот рукой и прижал ее к себе. Потом большим и указательным пальцами коснулся двух точек на ее шее, и женщина обмякла в его руках. Нажми он сильнее, она была бы уже мертва, но в этом пока не было нужды. Ему надо было немного подумать.

Обойдя корабль, он убедился, что они на борту одни. Это его озадачило. Молодая женщина на борту прогулочного корабля, летящего над лесами враждебной планеты, — тут было над чем поломать голову. Он обнаружил пульт управления, но не понял его устройства. Красная точка, символизирующая корабль, двигалась по стенной карте, но он не узнал ни континентов, ни океанов Урии. Неужели командир «Архимеда» перепутал планеты? Вздор! Флора, солнце, состав атмосферы — все говорило о том, что они попали на Урию, а удар по кораблю рассеял последние сомнения.

Он выглянул в окно. Корабль летел на высоте около трех тысяч метров и, по оценке Корсона, со скоростью около четырехсот километров в час. Минут через десять они будут над океаном.

Вернувшись в зал, он сел в кресло, глядя на молодую женщину, которую опустил на пол, подложив под голову подушку. Не часто можно было найти на борту военного корабля подушку. Тем более вышитую подушку. Он пытался вспомнить, что произошло, когда он поднялся на корабль.

Она назвала его по имени, прежде чем он открыл рот.

Испугалась, прежде чем ему пришлось в голову броситься на нее.

В некотором смысле именно страх в ее глазах заставил Корсона действовать.

Телепатка? Тогда она знает о его задании и о существовании Бестии и, значит, должна умереть, особенно если работает на Князей Урии.

Но она попятилась еще до того, как он надумал ее усыпить.

Женщина зашевелилась, и Корсон принялся ее связывать, отрывая от занавесок длинные ленты. Он связал ей руки и ноги, но затыкать рот не стал. Его очень интересовала субстанция, окружавшая женщину. Это не было ни тканью, ни газом, что-то вроде светящегося тумана, такого слабого, что глаз с трудом различал его. Видимо, это было поле, но явно не защитное.

Язык, на котором она говорила, был чистейшим пангалом, но это еще ничего не доказывало — уриане владели им не хуже землян. Он сам пытался научиться основам пангала — языка, на котором общались все разумные существа, — Бестию, но безрезультатно.

Бестия и дала ему ключ к решению загадки.

У молодой женщины было, по крайней мере, одно свойство, роднившее ее с Бестией. Похоже, она обладала даром предвидения. Когда он прибыл на корабль, она знала, что он спросит: «Откуда вы знаете, что меня зовут Корсон?» Факт, что ее испуг подтолкнул Корсона к действиям, ничего не меняет, однако возникает вопрос, кто начал первым. Как и в большинстве временных парадоксов, те, кто сталкивались с Бестией, постигали это на собственном опыте, и сейчас он определил возможности женщины в две минуты. Это было лучше, чем находиться рядом с Бестией, однако не объясняло, что эта незнакомка делает на Урии.

Уже давно рассвело, а они все летели над океаном, и конца ему не было видно. Женщина пришла в себя, когда Корсон погрузился в размышления о том, почему урианский флот до сих пор не вмешался.

— Вы грубиян, Корсон, — сказала она. — С варварских времен Солнечной Державы не было более презренного негодяя. Нападать на женщину — разве это достойно гостя?!

Он внимательно посмотрел на нее. Хотя она была связана, на лице ее не было страха, только злость. Значит, она знала, что пока ей ничего не угрожает. Ее тонкие черты лица разгладились, и злость сменилась холодным презрением. Она была слишком хорошо воспитана, чтобы плюнуть ему в лицо, но сделала это другим способом.

— У меня не было выбора, — сказал он. — На войне как на войне.

Она удивленно уставилась на него:

— О какой войне вы говорите? Вы сошли с ума, Корсон!

— Жорж, — сказал он. — Жорж Корсон.

Она не знала его имени или просто не хотела произносить. Он неторопливо принялся развязывать ее и понял, что именно поэтому на ее лице было написано такое презрение. Она молча позволила ему распутать узлы, после чего быстро поднялась, растерла запястья, подошла к нему и, прежде чем он успел шевельнуться, отвесила ему две полновесные пощечины.

— Так я и думала, — презрительно сказала она. — Вы даже не обладаете способностью предвидения. Интересно, откуда такой регресс? И какая от вас может быть польза? Только со мной могло случиться такое!

Пожав плечами, она отвернулась и посмотрела на море, проносящееся под кораблем.

«Совсем как героиня старых фильмов, — подумал Корсон. — Еще довоенных. Они подбирали на дорогах разных типов, и с ними всегда происходили потрясающие истории. Чаще всего они просто в них влюблялись. Мифология — как табак или кофе. Или как корабль вроде этого».

— Это мне урок на будущее, чтобы не подбирала людей, которых не знаю, — продолжала она, как будто играя свою роль в одном из этих старых фильмов. — Посмотрим, кто вы такой, когда доберемся до Диото. До того времени можете быть спокойны: у меня могущественные друзья.

— Князя Урии, — саркастически сказал Корсон.

— Никогда не слышала ни о каких князьях. Может, в легендарное время...

Корсон проглотил слюну.

— На вашей планете мир?

— Уже тысячу двести лет, насколько мне известно, и, надеюсь, так будет до конца света.

— Вы знаете туземцев?

— Да, это интеллигентные и безвредные птицы, они проводят время в философских дискуссиях. У них слегка декадентские взгляды. Нгал Р'нда — один из моих лучших друзей. А с кем, вы думали, вы имеете дело?

— Не знаю, — признался он, и это была чистая правда.

Она смягчилась.

— Я хочу есть. Думаю, вы тоже. Посмотрим, смогу ли я что-нибудь приготовить после того, что вы со мной сделали.

— Как вас зовут? — спросил он. — В конце концов вы ведь знаете мое имя.

— Флория, — ответила она. — Флория Ван Нелл.

«Первая женщина, которая представилась мне за последние пять лет. Нет, в самом деле, неужели я не сплю, неужели все это не ловушка и не цветная предсмертная галлюцинация?»

Он едва не выронил стакан, который она ему подала.

Утолив голод, он снова погрузился в размышления. Он не понимал, что могло произойти на Урии, если в результате между миллионами живущих здесь людей и туземцев воцарился мир. Он знал, что летит в Диото — крупный город — в обществе женщины, прекраснее которой не встречал, и что Бестия бродит в лесах Урии, готовая дать жизнь восемнадцати тысячам новых бестий, которые быстро станут такими же свирепыми, как и она сама.

Корсон уже придумал для себя такую версию. Когда перед самым взрывом Бестия удалилась от корабля, она прыгнула вперед во времени не на секунду, а на тысячелетие. И потащила за собой Жоржа Корсона. Не существовали больше Князья Урии и Солнечная Держава, выигранная или проигранная война была забыта. Он мог считать себя демобилизованным и снять мундир солдата или же дезертиром, против своей воли заброшенным в будущее. Сейчас он был только человеком, затерянным среди мириадом граждан какой-нибудь Галактической Федерации, занимающей целую Галактику и переселяющейся в Туманность Андромеды, объединяющей миры, которых он никогда не увидит, хотя между ними действует транспространственная связь, позволяющая почти мгновенно переноситься с планеты на планету. Он не был больше самим собой, у него не было прошлого и никакого задания, он ничего уже не понимал. Из Диото он мог добраться до любой звезды, сверкающей на ночном небе, и делать там единственное дело, которое он умел — воевать, — или же избрать другую профессию. Он мог уйти, забыть о Земле и Урии, забыть о Бестии, о Флории Ван Нелл и навсегда потеряться на дорогах космоса, оставив новым жителям Урии заботы о Бестии и ее восемнадцати тысячах потомков.

Но он был не настолько наивен, чтобы не попытаться найти ответ на вопросы, которые не давали ему покоя.

Почему Флория Ван Нелл прибыла именно в этот момент, чтобы забрать его на корабль? Почему она произвела на него впечатление актрисы, плохо помнящей свою роль? Почему ее злость сменилась дружелюбием, как только она пришла в себя?

5

Издалека Диото походил на огромную пирамиду с основанием, висящим в километре над землей. Он напоминал потрепанную тучу, чьи потемневшие клубы громоздились одна на другую, словно геологические пласты на скальном обнажении. У Корсона захватило дух. Тем временем пирамида, казалось, рассыпалась, и туча превратилась в лабиринт. Здания, слагающие город, располагались на большом расстоянии друг от друга. Из земли вертикально поднималась двойная река, пересекавшая город, будто колонна, заключенная в невидимую трубу. Над трехмерными артериями города проносились летательные аппараты. Когда корабль поравнялся с пригородами, два больших кубических блока поднялись в воздух и улетели в сторону океана.

— Диото, — сказал себе Корсон, — прекрасный пример урбанистики, основанной на антигравитации, но несущий пятно анархической концепции общества.

До сих пор антигравитация существовала для него только на борту военных кораблей. Если говорить об анархии, она была лишь исторической категорией, которая в понятие война совершенно не вписывалась. Каждый человек и каждая вещь имели здесь свое место. Но за тысячу двести лет, а может и за многие тысячелетия, все это постепенно изменялось. Антигравитация стала таким же обычным понятием, как атомная энергия. А может, она стала и источником энергии? Корсон слышал о каких-то проектах подобного рода. На палубах военных кораблей антигравитационные машины потребляли чудовищные количества энергии, но это ни о чем не говорило.

Город этот в отличие от известных ему не был постоянным набором разных конструкций — он изменялся. Была сохранена только его основная функция: объединение людей для обмена товарами и идеями.

Корабль Флории медленно поднимался вдоль одной из граней пирамиды. Здания

размещались так свободно, что даже нижние этажи получали достаточно солнечного света. Из этого можно было заключить, что здесь была центральная власть, руководившая миграцией населения и распределением жилья для новоприбывших.

— Мы приехали, — сказала Флория Ван Нелл. — Что вы собираетесь делать?

— Мне казалось, вы хотите выдать меня полиции.

Флория заинтересовалась.

— Так случилось бы в вашей эпохе? Они сами легко вас найдут, если захотят. Хотя сомневаюсь, знают ли они, что такое арест. Последний раз это случилось десять лет назад.

— Ведь я напал на вас.

Она рассмеялась:

— Скажем так: я вас спровоцировала. А встретить человека, который не может предвидеть будущее, — это волнующее переживание.

Она подошла к нему, поцеловала в губы и отскочила, прежде чем он успел ее обнять. Корсон остолбенел от неожиданности. Потом подумал, что, похоже, она говорит правду: ее взволновала эта встреча. Она не знала мужчин такого типа, но он знал этот тип женщин. Он видел это в ее глазах, когда применил против нее силу. Основные психологические черты не меняются за тысячу двести лет, даже если эволюционируют некоторые внешние признаки.

Ему вдруг захотелось убежать. Инстинкт подсказывал ему, что он должен убежать за тридевять земель от этого мира. Инстинкт этот поддерживался образом будущего, который он себе создал. Быть может, за тысячу двести лет (или даже больше) люди продвинулись вперед достаточно, чтобы без труда справиться с восемнадцатью тысячами бестий. А узы, возникающие между ним и Флорией Ван Нелл, серьезно ограничивали его свободу.

— Спасибо за все, — сказал он. — Если когда-нибудь я смогу...

— Вы очень уверены в себе, — ответила она. — А куда вы хотите идти?

— На другую планету. Я... много путешествую. На этой планете я пробыл слишком долго.

Флория широко раскрыла глаза:

— Я не спрашиваю, почему вы лжете, Корсон, но меня интересует, почему вы лжете так неумело.

— Для удовольствия, — ответил он.

— Не заметно, чтобы вы были довольны.

— Я пытаюсь.

Ему хотелось задать ей тысячу вопросов, но он сдержался. Нужно самому открывать эту новую Вселенную. Незачем выдавать свою тайну. Лучше удовлетвориться информацией, которую он получил во время разговора.

— Я надеялась, что будет иначе, — сказала она. — Ну что ж, вы свободны.

— И все-таки я могу оказать вам кое-какую услугу. Скоро я покину эту планету и советую вам сделать то же самое. Через несколько месяцев эта планета превратится в ад. Я предлагаю вам уехать со мной.

— С вами? — насмешливо спросила она. — Вы не можете предвидеть, что случится через минуту, а строите из себя пророка. Я тоже дам вам совет: смените одежду, иначе над вами будут смеяться.

Смущенный Корсон попытался придать себе независимый вид и сунул руки в карманы своего мундира, но уже через минуту сдался и быстро переоделся в тунику, которую она ему подала. На Марсе каркай как марсианин... Корабль подлетел к причалу и остановился. В новой одежде Корсон чувствовал себя воистину смешно.

— Где у вас мусоропровод?

Флория нахмурилась:

— Не понимаю.

Корсон закусил губу:

— Устройство, которое убирает отбросы.

— Уборщик? Вот он.

Она показала ему, как действует уборщик, он свернул свой мундир и бросил в аппарат. Свободная одежда надежно скрывала пистолет под левым плечом. Он был почти уверен, что Флория заметила оружие, но не имеет понятия о его назначении.

Корсон подошел к двери, и она открылась перед ним. Уже выходя, он хотел что-то сказать, но не нашел слов и только махнул рукой на прощанье. В этот момент он думал только об одном: найти спокойное место, собраться с мыслями и как можно скорее покинуть Урию.

6

Он подумал, что нужно было остаться с девушкой подольше и собрать побольше информации. Насколько он мог оценить, торопливость была вызвана старым солдатским правилом: не оставаться в убежище ни одной лишней минуты, непрерывно передвигаться с места на место.

Его поведение диктовалось войной, что кончилась более тысячи лет назад, но он-то расстался с нею только вчера! Кроме того, Флория была молода, красива и желанна, а Корсон прибыл с войны из эпохи, в которой почти вся человеческая энергия направлялась на борьбу или экономические усилия для ее поддержания. И вдруг он обнаружил мир, где личное счастье каждого было главным законом страны. Контраст был слишком резок. Корсон покинул корабль потому, что не ручался за себя, пока был рядом с Флорией.

Асфальт под его ботинками — нет, теперь уже под сандалиями — был мягким. Он дошел до конца тротуара и недоверчиво посмотрел на узкие, лишенные поручней и к тому же сильно наклоненные мостки. Корсону казалось, что его нерешительность может насторожить окружающих, но вскоре он понял, что никто не обращает на него внимания. В его мире чужого человека сразу заподозрили бы в шпионаже, хотя было абсурдом предполагать, что урианин рискнул бы прогуляться по городу, построенному человеком. Понятие «шпионаж» в его время обозначало не только обеспечение безопасности. Его навязывали, и Корсон был достаточно умен, чтобы понимать это.

Жители Диото поразили его своей смелостью. Они перескакивали с одного уровня на другой даже тогда, когда разница между ними достигала десятков метров. Поначалу Корсон думал, что они снабжены небольшими антигравитаторами, скрытыми под одеждой, но скоро пришел к выводу, что это не так. В первый раз он прыгнул с высоты трех метров, приземлился на согнутые ноги и едва не упал. Он ждал гораздо более сокрушительного удара. Осмелев, он прыгнул на десять метров и заметил мчащийся прямо на него небольшой летательный аппарат, резко свернувший в сторону. Его пилот повернул к Корсону побледневшее от гнева или страха лицо. Корсон подумал, что нарушил какое-то правило, и быстро удалился, чтобы не встречаться со стражем порядка.

В перемещениях пешеходов, казалось, не было никакого смысла. Они роились, как насекомые, опускались на три уровня ниже, потом поднимались на шесть уровней выше, задерживались, чтобы поговорить с кем-нибудь, после чего отправлялись дальше. Время от времени кто-нибудь входил в одно из высоких зданий, составлявших скелет города.

Одиночество стало докучать ему часа через три. Он был голоден и уже устал. Возбуждение прошло. Сначала он считал, что без труда найдет какой-нибудь ресторан или общую спальню для солдат и путешественников, как это было на всех планетах Солнечной Державы, но тут его ждало разочарование. Спросить проходящих мимо людей он боялся и наконец решил войти в одно из больших зданий. За дверью был огромный зал. На широких полках были разложены товары, а по залу кружились тысячи людей.

Если он возьмет какую-нибудь вещь, будет ли это кражей? Кражи сурово наказывались в Солнечной Державе, и Корсон твердо усвоил это. Общество, находящееся в состоянии перманентной войны, не могло позволять таких явно антиобщественных поступков. Когда он нашел сектор питания, вопрос разрешился сам собой. Выбрав продукты, похожие на те, которыми угощала его Флория, он сунул их в карманы, подсознательно ожидая сигнала

тревоги, и направился к выходу, петляя, чтобы запутать следы.

Когда он собрался переступить порог, сзади раздался голос, и Корсон вздрогнул. Это был низкий голос приятного тона:

— Простите, вы ничего не забыли?

Корсон огляделся.

— Вы ничего не забыли? — настаивал бестелесный голос.

— Корсон, — сказал он. — Жорж Корсон.

Зачем скрывать свое имя в мире, где оно ни для кого ничего не значит?

— Быть может, я забыл о какой-то формальности, — признался он. — Я здесь чужой. А кто вы такой?

Больше всего его удивляло, что проходившие мимо люди, казалось, не слышали этого вопроса.

— Я бухгалтер этого учреждения. Хотите поговорить с директором?

Корсон наконец определил место, из которого шел голос. Точка на высоте плеч, в добром метре от него.

— Я нарушил какое-то правило? — спросил Корсон. — Полагаю, вы хотите меня задержать?

— На ваше имя не открыто кредита, мистер Корсон. Если не ошибаюсь, вы впервые в этом магазине. Поэтому я и позволил себе спросить вас. Надеюсь, вы на нас не в обиде?

— Боюсь, что не имею никакого кредита. Разумеется, я могу все вернуть.

— Ну зачем же, мистер Корсон? Достаточно заплатить наличными. Мы принимаем валюту всех объединенных планет.

Корсон вздрогнул:

— Как вы сказали?

— Мы принимаем валюту всех объединенных планет.

— Но... у меня нет денег, — ответил Корсон.

Слово это обожгло ему губы. Деньги были для него понятием чисто историческим и в некотором смысле ненавистным. Как и все люди, он знал, что задолго до войны на Земле пользовались деньгами как средством обмена, но сам он никогда их не видел. Армия снабжала его всем необходимым. Практически у него никогда не было желания получить больше того, что ему выделяли. Как и все его современники, он считал, что обычай платить деньги за товар неприемлем в развитом обществе. Когда он покидал корабль Флории, ему и в голову не пришло, что могут понадобиться деньги.

— Я мог бы... гм... — Он откашлялся. — Может, я отработаю за... гм... за то, что взял?

— Никто не работает ради денег, по крайней мере на этой планете, мистер Корсон.

— А вы? — недоверчиво спросил Корсон.

— Я — машина, мистер Корсон. Если позволите, я могу предложить вам решение, пока вы не получите кредит. Может, вы укажете человека, который может за вас поручиться?

— Я знаю здесь только одного человека, — сказал Корсон. — Флорию Ван Нелл.

— Отлично, этого достаточно, мистер Корсон. Простите, что остановил вас. Надеюсь, вы нас еще навестите.

Голос умолк. Корсон пожал плечами, злой оттого, что попал в дурацкое положение. Что подумает Флория, обнаружив, что ее кредит стал меньше? Впрочем, это его не очень волновало. Его потряс сам голос. Он был вездесущим, мог разговаривать одновременно с тысячей клиентов, информировать их, советовать и стыдить.

Неужели невидимые глаза, укрытые в складках пространства, непрерывно следили за ним? Он снова пожал плечами: ведь он был свободен.

Корсон нашел относительно спокойное место и открыл банку. Не откладывать обед —

тоже солдатская привычка. Поев, он принялся размышлять о будущем, но, несмотря на все усилия, ему не удалось представить его себе.

Проблема денег. Без них ему будет трудно покинуть Урию. Межзвездные путешествия, конечно, стоили дорого. Ловушку во времени дублировала ловушка в космосе. Разве что за шесть месяцев он найдет способ добыть деньги.

Но не зарабатывать, поскольку никто не работал ради денег. Чем дольше он думал, тем неразрешимое казалась ему проблема. Он не умел ничего делать и не знал, что может заинтересовать жителей Урии. Хуже того, он в их глазах будет выглядеть неполноценным. Мужчины и женщины, слоняющиеся по улицам Диото, могли предвидеть события собственной жизни, а у него не было такой способности, и все указывало на то, что он никогда ею не обзаведется. Может, это было результатом мутации, которая проявилась внезапно и быстро распространилась среди человечества? А может, эта способность присуща всем и ее можно развить упражнениями?

Как бы то ни было, это означало, что в контактах с людьми Урии он никогда и никого не сможет захватить врасплох. Впрочем, за одним исключением.

Он знал отдаленное будущее планеты.

Через шесть месяцев орда бестий радостно бросится в атаку на Диото, преследуя свои жертвы в лабиринте пространства и времени. Быть может, способность предвидеть будущее даст людям минутную передышку, но не более того.

Это была неплохая возможность поторговаться. Он может предупредить власти планеты, посоветовать полную эвакуацию Урии или попробовать усовершенствовать придуманные Солнечной Державой методы борьбы против Бестии. Однако это было рискованно — уриане могли его просто-напросто повесить.

Он выбросил за ограждения пустые банки и смотрел, как они падают. Ничто не тормозило их падения. Значит, антигравитационное поле действовало только на живые организмы. Может, нервная система подсознательно посылала нужные импульсы. Корсон не мог представить себе устройства, которое могло бы это делать.

Он встал и снова пошел бродить по городу, надеясь найти межзвездный космопорт, место, где стартуют галактические транспорты или садятся транспространственные корабли, и попасть на борт одного из них, хотя бы и силой. Если его задержат, у него всегда есть выход — рассказать о Бестии.

Корсон уже познакомился в общих чертах с планом города, и он показался ему на редкость хаотичным. В его эпоху все военные базы были построены по единому проекту: одни дороги предназначались для машин, другие — для пешеходов. Здесь этого не было. Возможность предвидеть события повлияла и на правила движения. Он вспомнил экипаж, с которым недавно едва не столкнулся. Водитель не предвидел его появления на дороге; значит, чтобы предвидеть, уриане должны были прилагать какое-то усилие. А может, этой способностью обладают не все?

Он попытался сосредоточиться и представить, что произойдет в следующий момент. Вот идет пешеход. Он может пойти прямо, повернуть направо, прыгнуть вверх или вниз. Корсон решил, что тот повернет, но человек пошел прямо. Корсон повторил попытку, но опять безуспешно. И еще раз, и еще.

Неудач было слишком много! Может, какой-то блок в его нервной системе делал предвидение невозможным?

Он стал вспоминать давние интуитивные решения, которые в решающий момент какой-нибудь схватки, словно молния, вспыхивали у него в мозгу. Случаи, которые скоро забываются и которые называют простыми совпадениями.

У него была твердая репутация счастливицы. Его товарищи часто подшучивали над его везением, и, похоже, напрасно: он был жив, а они все погибли. Может, на Урии везение стало измеримой величиной?

Легкий экипаж остановился перед ним, и Корсон инстинктивно отпрянул. Мышцы напряглись, ноги согнулись, рука метнулась к левому плечу. Он не тронул оружия,

поскольку в аппарате была только одна пассажирка — молодая красивая брюнетка — и явно безоружная. Она улыбнулась ему.

Корсон выпрямился и вытер пот со лба. Молодая женщина жестом пригласила его в экипаж.

— Жорж Корсон, не так ли? Прошу вас.

Чтобы дать ему войти, борт аппарата как бы смялся, как если бы был изготовлен из ткани или искусственного материала, подвергнувшегося действию термических лучей.

— Кто вы? Как меня нашли?

— Антонелла, — ответила она. — Это мое имя. А сказала мне о вас Флория Ван Нелл. Мне захотелось с вами встретиться.

Он заколебался.

— Я знаю, что вы войдете, Корсон. Не будем терять времени.

Он едва удержался, чтобы не уйти. Можно ли обмануть способность предвидения? Но женщина была права — он действительно хотел войти. Ему уже надоело одиночество, и он испытывал потребность с кем-нибудь поговорить. Для опытов еще будет время. Он сел в аппарат.

— Приветствую вас на Урии, мистер Корсон, — несколько церемонно сказала Антонелла. — Мне поручили принять вас.

— Это официальная миссия?

— Можете считать и так, если хотите. Но мне это доставляет удовольствие.

Аппарат легко набрал скорость, казалось, он двигался сам по себе, без видимого участия молодой женщины. Она улыбнулась, показав ослепительные зубы.

— Куда мы летим?

— Предлагаю небольшую прогулку вдоль берега моря.

— Вы меня куда-то забираете?

— Но не в те места, где бы вы не хотели оказаться.

— Пусть будет так, — сказал Корсон, опускаясь на подушки, а поскольку они покидали Диото, добавил: — Вы не боитесь? Флория рассказала вам обо мне?

— Она сказала мне, что вы обошлись с ней немного грубо, и она не знает, обижаться на вас или нет. Пожалуй, больше всего она обиделась на то, что вы ее оставили. Это здорово задевает самолюбие.

Она снова улыбнулась, и он расслабился. Он ей верил, непонятно почему. Если ее выбрали для приема иноземцев, выбор, следует признать, был единственно верным.

Корсон повернул голову и снова увидел огромный пирамидальный гриб Диото, который, казалось, покоился на двух сверкающих колоннах вертикальных рек. Море дышало, прибой омывал прибрежную полосу. Небо было безоблачное. Прозрачная радуга, словно разноцветная лента, висела над городом.

— Что вы хотите обо мне знать? — резко спросил он.

— Ваше прошлое нас не интересует, мистер Корсон. Нас интересует ваше будущее.

— Почему?

— Вы не догадываетесь?

Он закрыл глаза.

— Нет. Я ничего не знаю о своем будущем.

— Сигарету?

Он взял из ее рук овальную коробочку, вынул сигарету. Сунул ее в рот и затянулся, ожидая, что она зажжется сама. Антонелла щелкнула зажигалкой, и Корсона на мгновение ослепило.

— Что вы собираетесь делать?

Он потер глаза и затянулся. Это был настоящий табак, совершенно непохожий на водоросли, которые он курил во время войны.

— Покинуть эту планету, — машинально ответил он и тут же прикусил язык. Светящаяся точка двигалась перед его глазами, словно попавший на сетчатку блеск

зажигалки выгравировал на ней сложный узор. Внезапно Корсона осенило, и он потушил сигарету о пульт управления корабля. Потом закрыл глаза, сильно нажал на них пальцами и вдруг увидел стартующие ракеты и взрывающиеся солнца. Его правая рука поползла под тунику к оружию. Блеск зажигалки не был простым блеском. Его гипнотическое воздействие вместе с наркотиком в сигарете должно было развязать ему язык. Но тренировки сделали его психику устойчивой к таким сюрпризам.

— Вы очень сильны, мистер Корсон, — спокойно сказала Антонелла. — Однако едва ли вы настолько сильны, чтобы покинуть эту планету.

— Почему вы не предвидели, что ваша хитрость не удастся?

— А кто вам сказал, что она не удалась?

Она улыбалась так же мило, как и тогда, когда приглашала его в аппарат.

— Я сказал только, что собираюсь покинуть эту планету. Это все, что вы хотите знать?

— Возможно. Сейчас мы уверены, что вы действительно собираетесь это сделать.

— И хотите помешать мне?

— Не знаю, как мы могли бы это сделать. Вы вооружены и опасны. Мы хотим отговорить вас.

— Конечно, для моего же блага.

— Конечно, — ответила она.

Аппарат снизился и сбросил скорость, замер над небольшой бухточкой, затем начал медленно опускаться и наконец сел на песок. Края его опали, как расплавленный воск. Антонелла прыгнула на землю, потянулась и прошла танцующим шагом.

— Разве это не романтично? — спросила она.

Она подняла с песка причудливую раковину, которая, вероятно, когда-то служила убежищем морскому ежу. «Ежу из другого мира», — подумал Корсон. Подержав ее несколько секунд, Антонелла бросила раковину в волны, что лизали ее босые ноги.

— Вам не нравится эта планета?

Корсон пожал плечами:

— На мой вкус, она слишком декадентская.

— Догадываюсь, что вы предпочитаете войну — жизнь жестокую и грубую. Может, и здесь вы найдете что-нибудь похожее на это, Жорж.

— И любовь, — с сарказмом добавил он.

— Почему бы и нет?

Она прикрыла глаза и ждала, приоткрыв губы. Корсон сжал кулаки. Он не встречал другой такой притягательной женщины, даже во время своих отпусков в центрах отдыха. Отбросив воспоминания, он шагнул к женщине и обнял ее.

8

— Я не думала, Жорж, что ты можешь быть таким нежным, — сказала она сдавленным голосом.

— На вашей планете всех чужеземцев так принимают? — В его голосе звучало глухое раздражение.

— Нет, — ответила она, и в уголках ее глаз он заметил слезы. — Нет, наши обычаи, конечно, очень свободны... по сравнению с обычаями твоего мира, но...

— Любовь с первого взгляда?

— Ты должен понять меня, Жорж. Я не могла противиться. Уже так давно...

Он засмеялся:

— Несомненно, с нашей последней встречи?

Она взяла себя в руки, и лицо ее вновь стало спокойным.

— В некотором смысле да, Жорж. Ты поймешь это позднее...

— Когда вырасту, да?

Он встал и подал ей руку.

— Теперь, — сказал он, — у меня есть еще одна причина покинуть эту планету.

Она покачала головой:

— Ты не должен этого делать.

— Почему?

— После выхода из транспространства, окажись ты на любой планете, тебя задержат и подвергнут определенной процедуре. Нет, тебя не убьют, но ты уже никогда не будешь таким, как прежде. Ты лишишься воспоминаний и забудешь о многих своих желаниях. Это почти то же, что умереть.

— Хуже, — сказал он. — И что — этому подвергают всех межзвездных путешественников?

— Нет, только военных преступников.

Корсон вздрогнул. Окружающий мир начал расплываться перед его глазами и стал почти неразличим. В какой-то мере он понимал поведение этой женщины, хотя смысл ее слов он понять не мог. Ее поведение было не более абсурдным, чем вздымающийся к небу город, вертикальные реки или все это сумасшедшее общество, совершающее прогулки по воздуху на палубах воздушных яхт. Но в словах Антонеллы звучала и угроза.

Военный преступник... Потому что принимал участие в войне, закончившейся более тысячи лет назад.

— Не понимаю, — признался он наконец.

— Но это же очевидно. Органы безопасности не занимаются контролем на планетах и вмешиваются только тогда, когда какой-нибудь преступник переносится с одной планеты на другую. Если ты воспользуешься транспространственным транспортом, хотя бы для того, чтобы долететь до спутника этой планеты, тебе конец. Есть всего один шанс из миллиона, что ты останешься в живых.

— Но почему они хотят со мной расправиться?

Антонелла нахмурилась:

— Я уже сказала тебе. Думаешь, мне приятно называть военным преступником человека, которого я люблю?

Он сильно сжал ее запястья.

— Антонелла, прошу тебя, скажи, о какой войне идет речь?

Она вырвала руки из его ладоней и отшатнулась:

— Грубиян! Пусти меня. Как ты можешь требовать, чтобы я это говорила? Ты должен знать это лучше меня. В прошлом были тысячи войн, и ты мог участвовать в любой из них.

В глазах у него потемнело:

— Антонелла, я прошу тебя — помоги мне. Ты слышала о войне между Солнечной Державой и Князьями Урии?

Она задумалась:

— Наверное, это было очень давно. Последняя война, коснувшаяся этой планеты, закончилась больше тысячи лет назад.

— Между людьми и туземцами?

Она покачала головой:

— Наверняка нет. Люди больше шести тысяч лет делят эту планету с туземцами.

— Значит, — спокойно сказал он, — я последний человек, спасшийся во время войны, которая велась больше шести тысяч лет назад. Полагаю, за давностью лет все забыто.

Она подняла голову и с удивлением посмотрела на него.

— Это невозможно, — сказала она бесцветным голосом. — Это было бы слишком легко: проиграть войну, прыгнуть в будущее так далеко, чтобы избежать наказания, и начать все сначала.

— Ты хочешь сказать... — начал он и замолчал.

Правда медленно доходила до него. Века, а может тысячелетия, человек умеет перемещаться во времени. Победенные генералы или смещенные тираны то и дело искали убежища во времени, в прошлом или будущем, предпочитая бегство капитуляции.

Спокойные века были вынуждены защищаться от этих пришельцев, иначе войны тянулись бы бесконечно. Служба безопасности охраняла время. Она не вмешивалась в конфликты на самих планетах, но, строго контролируя коммуникации, мешала им распространяться на всю Галактику. Это было головокружительное предприятие. Нужно было иметь воистину неограниченные ресурсы бесконечного будущего, чтобы придумать такое.

И Жорж Корсон, неожиданно выскочивший из прошлого, солдат, заблудившийся в веках, был автоматически приравнен к военным преступникам. Перед его мысленным взором замелькали картины разгоревшегося конфликта между Солнечной Державой и Князьями Урии. С обеих сторон это была война безжалостная и жестокая. Когда-то он даже и помыслить не мог, что можно испытывать жалость к урианам, но с тех пор прошло шесть тысяч лет, если не больше. Ему было стыдно за себя, за своих товарищей, за ту радость, которую он испытал, доставив Бестию на планету.

— Я не военный преступник в буквальном смысле этого слова, — сказал он. — Да, я участвовал в давней войне, но никто не спрашивал моего мнения. Я родился в мире, который вел войну, в определенном возрасте прошел обучение и был вынужден принимать участие в боях. Я не пытался уйти от ответственности, совершая прыжки во времени. В будущее я попал... случайно. Я охотно подвергнусь всем необходимым тестам, если они не повредят моей личности. Думаю, мне удастся убедить любого беспристрастного судью.

В глазах Антонеллы появились слезы.

— Мне так хочется тебе верить! Ты не представляешь, как я страдала, когда мне сказали, кем ты был. Я полюбила тебя с первой минуты и думала, что у меня не хватит сил выполнить эту миссию.

Теперь он был уверен: он снова встретит ее, найдет в том будущем, где она с ним еще не была знакома. Непонятным образом их судьбы пересеклись. Он видел ее впервые, но она его уже знала. И в какой-то день разыграется сцена, совсем не похожая на сегодняшнюю. Это было немного сложно, но, по крайней мере, смысл в этом был.

9

— Есть ли на этой планете правительство? — спросил он. — Я должен им кое-что сказать.

Антонелла поколебалась, прежде чем ответить, и он подумал, что она настолько взволнована, что не смогла предвидеть его вопроса.

— Ты говоришь о центральной власти? Уже тысячу лет на Урии нет ничего подобного. У нас есть машины, выполняющие кое-какие функции правительства, распределительные, например. Полиция тоже есть, но она почти ни во что не вмешивается.

— А служба безопасности?

— Она контролирует только коммуникации и, кажется, колонизацию новых планет.

— А кто обеспечивает связь Урии со службой безопасности?

— Совет. Трое людей и уриане.

— Ты работаешь на них?

— Я ни на кого не работаю. Меня попросили встретить тебя, Жорж, и предупредить, что тебя ждет, если ты покинешь планету.

— Почему ты это сделала? — резко спросил Корсон.

— Потому что, попытавшись покинуть планету, ты потеряешь свою индивидуальность, твое будущее изменится, и мы никогда не встретимся.

Губы ее дрожали.

— Это личная причина, — сказал Корсон. — А почему мною интересуется Совет?

— Этому мне не сказали. Похоже, они считают, что ты можешь пригодиться Урии. Они говорили о каком-то несчастье, которое может обрушиться на планету, и Совет думает, что только ты сможешь ее спасти.

— Кажется, я начинаю кое о чем догадываться, — сказал Корсон. — Ты можешь

проводить меня к ним?

— Это будет нелегко, — грустно ответила Антонелла. — Они живут через триста лет в будущем, а сама я не могу запросто путешествовать во времени.

10

Корсон с трудом проглотил слюну.

— Ты хочешь сказать, что прибыла из будущего, отстоящего на триста лет?

Она кивнула утвердительно.

— И какую миссию хочет доверить мне ваш Совет?

Она покачала головой, ее волосы рассыпались по плечам.

— Никакой. Они только хотят, чтобы ты остался на планете.

— И моего присутствия хватит, чтобы предотвратить катаклизм?

— Что-то в этом роде.

— Это вдохновляет. Так, значит, сейчас на этой планете никто и ни за что не отвечает?

— Нет, — сказала она. — Нынешний Совет присматривает за семью веками. Это немного. На других планетах Советы отвечают за тысячу лет и больше.

— По крайней мере, — сказал Корсон, — это обеспечивает непрерывность власти. А как ты собираешься вернуться в свое время?

— Не знаю, — ответила она. — Предполагалось, что это ты должен найти способ.

Корсон присвистнул.

— Час от часу не легче. Значит, мы оба затеряны во времени?

Антонелла взяла его за руку.

— Я не затеряна, — сказала она. — Пора возвращаться, уже темнеет.

В глубокой задумчивости они направились к аппарату.

— Пока я уверен только в одном, — сказал Корсон. — Если ты говоришь правду, то неизвестным мне способом я достигну будущего, из которого ты прибыла, и встречу тебя, причем ты увидишь меня впервые, а я тебя — во второй раз. Мои слова будут тебе непонятны, и, может, в конце этого путешествия я открою истинный смысл этой бессмыслицы.

Опустившись на подушки, Корсон сразу заснул, а аппарат нес их в сторону воздушного города, пламенеющего в лучах заходящего солнца.

11

Разбудили его крики, скрежет, топот ботинок, приказы, произносимые злыми голосами, и лязг оружия. Темнота была полная, а аппарат раскачивало из стороны в сторону. Корсон повернулся к Антонелле, но не смог разглядеть ее лица в чернильной темноте.

— Авария? — спросил он хриплым со сна голосом.

— Нас атаковали. Я предвидела только эту черную тучу, а больше ничего не смогла увидеть.

— А то, что случится сейчас?

— Я ничего не могу предвидеть. Темнота, полная темнота... — В ее голосе звучало отчаяние.

Он протянул руку и сжал ее плечо, но в этой абсолютной темноте даже самый интимный жест не мог преодолеть возникшего между ними отчуждения.

— Я вооружен, — шепнул он ей.

Бесшумно вытащив бластер из кобуры, он нажал на курок и повел стволом вокруг себя. Однако вместо знакомого серебристого луча из ствола вырвался тонкий фиолетовый лучик, исчезавший уже в полуметре. Эта туча была не просто туманом. Вероятно, это было какое-то поле, развернутое в пространстве энергетическая сеть, которая улавливала и солнечный свет, и самое жесткое излучение. Неожиданно в глубине тела Корсон ощутил неприятный зуд,

словно клетки, из которых оно состояло, начали делиться и разлетаться в разные стороны.

Голос, такой глубокий и сильный, что Корсон содрогнулся от неожиданности, выплыл из какой-то огромной далекой пещеры:

— Не стреляй, Корсон. Мы твои друзья.

— Кто ты?! — закричал Корсон, но его голос потонул во мраке.

— Полковник Веран, — ответил голос. — Ты меня не знаешь, но это не имеет значения. Закрой глаза руками, сейчас мы поднимем экран.

Корсон спрятал бластер и в темноте сжал пальцы Антонеллы.

— Слушай, это имя тебе о чем-нибудь говорит?

Она прошептала:

— Я не знаю никого с таким именем.

— Полковник — это звание. Зовут его Веран. Я, как и ты, его не знаю. Не знаю...

Полыхнула молния. Сначала Корсон видел между пальцами только сплошную белизну, которая вскоре распалась на тысячу кровавых иголок, которые впились в его сжатые веки. Наконец он смог открыть глаза и увидел, что аппарат висит над какой-то поляной. Был день. Их окружали мужчины в серых мундирах, держащие в руках оружие, тип которого Корсону был неизвестен. За цепочкой солдат он заметил то ли две машины, то ли два пригорка — деталей он не мог разглядеть. Слева и справа от него находились еще по два таких же, а когда он повернулся, увидел сзади еще два.

Их охраняли солдаты.

Танки?

Один пригорок шевельнулся, и Корсон едва сдержал крик.

Бестии!

Точно такие же, как и та, которую «Архимед» должен был высадить на Урии. Существа эти вселяли такой ужас, что люди во времена Корсона не смогли найти для них другого названия.

Корсон взглянул на Антонеллу: та казалась совершенно спокойной. От группы одетых в серое солдат отделился человек в зеленом мундире и направился к ним. Став по стойке «смирно» в трех метрах от аппарата, он резко сказал:

— Полковник Веран. Чудом уцелевший с остатками шестьсот двадцать третьего кавалерийского полка при сражении на Эргистале. Благодаря вам, Корсон. Ваш способ выхода из окружения спас нам жизни. Я вижу, вам удалось взять заложницу. Это хорошо. Мы допросим ее чуть позднее.

— Я никогда не... — начал Корсон и замолчал.

Если этот человек считал себя чем-то обязанным ему, то пусть так оно и будет. Корсон спрыгнул на землю и только тогда заметил грязь и дыры на мундирах, следы сильных ударов на потемневших защитных масках. Интересно, что ни один из солдат не выглядел даже легко раненным. Прошлый опыт автоматически подсказал ему ответ, что солдаты скорее всего убьют и его и Антонеллу.

Название Эргистал ничего ему не говорило, мундиры солдат были незнакомы, а звание «полковник» было известно людям уже пятнадцать тысяч лет. Полковник Веран мог явиться сюда из любой битвы между эпохой Корсона и современностью. Факт, что его люди пользовались дрессированными бестиями, позволял предположить, что он явился из времени более позднего, чем Корсон. Сколько потребовалось лет, чтобы установить контакт с бестиями, чтобы их выдрессировать, начиная с первых неудачных попыток Солнечной Державы? Десять? Сто? Тысячу?

— Какое у вас звание? — спросил полковник Веран.

Корсон машинально встал по стойке «смирно», хотя отлично понимал, как нелепо он выглядит в своей тунике. И нелепость ситуации тоже. Веран и он были всего лишь призраками, а Антонелла вообще еще не родилась.

— Лейтенант, — глухо сказал он.

— Именем его высочества Священного Птара Мурфи, — торжественно сказал

Веран, — произвожу вас в капитаны. — Потом добавил уже более сердечно: — Разумеется, когда мы выиграем войну, вы получите звание майора. В данный момент я не могу присвоить вам более высокого звания, ибо вы служили в чужой армии. Надеюсь, вы счастливы вновь оказаться среди крепких парней. Вероятно, часы, проведенные на этой планете, были для вас не самыми веселыми.

Он подошел к Корсону и тихо спросил:

— Как, по-вашему, найду я на этой планете рекрутов? Мне нужно около миллиона человек. И кроме того, двести тысяч гипронов. Мы еще можем спасти Эргистал.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Корсон. — Но что такое гипрон?

— Это наши скакуны, капитан Корсон. — И Веран широким жестом указал на восемь бестий. — У меня великие планы, капитан, и я не сомневаюсь, что вы захотите участвовать в них. Отбив Эргистал, я хочу ударить на Нафур, захватить арсеналы и свергнуть это ничтожество, Птара Мурфи.

— Признаться, — сказал Корсон, — я сомневаюсь, что вы найдете столько рекрутов на этой планете. Если же говорить о гипронах, то я оставил одного где-то в джунглях. Но он совсем дикий.

— Чудесно, — сказал Веран и снял каску.

На его бритом черепе начинали отрастать волосы, делая его похожим на подушечку для игл. Его серые, глубоко сидящие глаза отливали стальным блеском. Лицо покрывал загар цвета старой бронзы со светлыми пятнами шрамов. На руках у него были перчатки из гибкого блестящего металла.

— Покажите мне свое оружие, капитан Корсон, — сказал он.

Корсон после минутного замешательства протянул Верану свой бластер.

Полковник внимательно осмотрел оружие, взвесил его в руке и улыбнулся:

— Игрушка.

Веран бросил оружие Корсону, который от удивления едва не уронил его.

— Учитывая ваши заслуги, полагаю, что могу вам его оставить. Разумеется, оно должно служить только против наших врагов. Все же я думаю, что этого недостаточно, чтобы защитить вас, капитан, и потому даю вам двух своих людей.

Он сделал знак, к ним подошли два солдата и замерли по стойке «смирно».

— С этой минуты вы подчиняетесь капитану Корсону. Следите, чтобы он не попал в ловушку за пределами лагеря. Эта заложница...

— Останется под моей опекой, полковник, — сказал Корсон.

Веран быстро взглянул на нее:

— Пожалуй, это неплохая идея. Смотрите, чтобы она не шаталась по лагерю. От этого может пострадать дисциплина. Вы свободны.

Оба солдата повернулись на каблуках. Ощущая свое бессилие, Корсон сделал то же самое, прикрикнув для вида на Антонеллу. Они двинулись вперед, но их остановил суровый голос Верана:

— Капитан!

Когда тот повернулся, полковник сказал с иронией:

— Я не думал, Корсон, что встречу такую сентиментальность у закаленного солдата. Мы поговорим об этом завтра.

Корсон с Антонеллой пошли вперед, солдаты двигались размеренным шагом, словно автоматы. Усталые, но дисциплинированные. Корсон невольно пошел в ногу с ними. Он не строил иллюзий относительно своего положения, оружия и эскорта. Ясно, он был пленником.

Конвоиры привели их к серым палаткам, которые дежурные по лагерю ставили точными и быстрыми движениями. Перед тем как их поставить, солдаты старательно опалили землю, и теперь поляна была покрыта тонким слоем пепла. Там, где проходили отряды Птара Мурфи, трава росла с трудом.

Один из сопровождающих поднял полог палатки и жестом предложил всем войти. В

палатке все было оборудовано согласно уставу. Надувные сиденья окружали широкую металлическую плиту, что висела в воздухе, выполняя роль стола. Убранство завершали две узкие кровати. Однако суровость обстановки подняла настроение Корсона. Здесь он чувствовал себя лучше, чем среди роскоши Диото. На минуту он дал волю воображению. Как жители Урии отнесутся к агрессии? Хотя отряд Верана был немногочислен, он, безусловно, не встретит серьезного сопротивления. Конечно, известие об этом так или иначе дойдет до Совета будущего, но тот не сможет выставить никакого отряда. А может, его уже вообще нет? Вопрос: как может существовать в будущем правительство, если прошлое, которое его создало, изменилось? Может, уриане никогда не задавались таким вопросом, но ответ они вскоре узнают. В некотором смысле непосредственная эта угроза отодвигала на второй план угрозу нашествия бестий, которых цивилизация Верана приручила и назвала гипронами.

Ситуация была просто невероятной: вынырнувший из ниоткуда Веран утверждал, что знает Корсона и нуждается в двухстах тысячах гипронов. Через шесть месяцев, выловив все потомство Бестии, которую привез на Урию Корсон, он будет располагать восемнадцатью тысячами гипронов. Через неполный год у него их будет даже больше, чем нужно. При благоприятных условиях бестии быстро размножаются и быстро достигают зрелости.

Не было ни одного шанса на миллиард, что Веран появился в этом времени случайно. Но зачем ему нужен дикий гипрон?

Наверное, потому, что прирученные гипроны Верана не могли размножаться. Тысячелетия назад на Земле часть тягловых животных составляли волю, чье послушание обеспечивалось небольшой операцией. Можно было предположить, что гипроны Верана подверглись такой же операции. И значит, ему нужна была дикая Бестия. Полноценная.

Корсон перевел взгляд на Антонеллу. Она сидела в одном из надувных кресел и разглядывала свои руки, лежавшие на столе. Потом посмотрела на Корсона, ожидая, что тот заговорит. Лицо ее было сосредоточенно, но спокойно. Надо сказать, она вела себя лучше, чем он мог предполагать. Он сел напротив нее.

— Весьма вероятно, что нас подслушивают, — начал он, — однако я кое-что скажу тебе. Полковник Веран кажется мне человеком разумным. На этой планете нужно навести порядок. Я уверен, что с тобой ничего не случится, если ты признаешь его и мою власть. Тем более что твое присутствие может облегчить его планы.

Он надеялся, что она поймет: он не собирается предавать ее и сделает все, чтобы вытащить из этой передраги целой и невредимой, просто сейчас не может сказать больше. У Верана были другие заботы, кроме слежки за ними, но он явно был человеком предусмотрительным. Один из его помощников, несомненно, подслушивал их и все записывал. Будь Корсон на месте Верана, он поступил бы точно так же.

Какой-то солдат поднял полог и заглянул в палатку. Другой вошел и поставил на стол два подноса. Корсон сразу догадался, что это такое, — солдатские пайки во все века одинаковы. Он показал Антонелле, как разогреть консервы и как потом открыть банку, не обжигая при этом пальцев. Он быстро расправился со своей порцией. Антонелла, не колеблясь, последовала его примеру, и Корсон почувствовал уважение к людям Урии.

Ему пришло в голову, что способность к предсказанию, наверное, помогает им сохранять присутствие духа. Грозящую им опасность они смогли предвидеть. Может, они доставят Верану даже больше хлопот, чем он полагает.

Корсон встал, подошел к выходу из палатки и, стоя на пороге, обратился к Антонелле:

— Я обойду лагерь и посмотрю, совпадают ли взгляды полковника Верана на оборону с теми, что внушили мне. Не выходи отсюда ни в коем случае. Не выходи из палатки и не ложись, пока я не вернусь. Да, удобства находятся под кроватями. Через час я приду.

Она молча смотрела на него, и он попытался угадать, осуждает ли она его за то, что он делает, но потом решил не забивать себе голову посторонними мыслями. Во всяком случае, если она играла, значит, была великой актрисой.

Как он и ожидал, у входа дежурили два солдата. Корсон шагнул вперед, и полог упал.

— Я собираюсь прогуляться по лагерю, — сказал он.

Один из солдат щелкнул каблуками и встал рядом с ним. В лагере Верана дисциплина была на высоте. Это немного успокоило Корсона относительно ближайшего будущего Антонеллы. Лагерь был разбит в военное время, и Веран не допускал никаких послаблений. Именно поэтому он запретил Антонелле шататься по лагерю и оставил ее под опекой Корсона. У него хватало забот и без того, чтобы устраивать тюрьму ради одного человека. С другой стороны, женщина вполне могла стать причиной ослабления дисциплины. Если бы Веран не рассматривал ее как заложницу, он немедленно приказал бы ее ликвидировать. Впрочем, позднее, когда лагерь будет укреплен и люди отдохнут, все может измениться.

Корсон отогнал эту неприятную мысль и осмотрелся. Земля была выжжена на сотни метров вокруг. По периметру поляны солдаты вбивали колышки и соединяли их блестящим проводом. Сигнализация? Сомнительно. Люди, раскручивавшие проволоку, были в тяжелых защитных костюмах. Скорее линия обороны. Несмотря на кажущуюся ненадежность, она была, вероятно, достаточно грозной.

Половину защищенной таким образом территории занимали палатки, числом около сотни. Корсон поискал взглядом большую палатку с флажком, но напрасно. Штаб-квартира Верана ничем не отличалась от палаток солдат.

Пройдя еще несколько метров, он почувствовал под ногами глухую вибрацию: значит, Веран приказал оборудовать подземные убежища. Несомненно, он хорошо знал свое дело.

На другой стороне поляны Корсон насчитал двадцать семь гипронов. Судя по числу палаток, Веран располагал более чем шестьюстами солдатами. Если со времен Корсона звание полковника сохранило свое прежнее значение, то в начале кампании у Верана должно было быть от десяти до ста тысяч людей. Похоже, у Эргистала он потерпел поражение, и 623-й кавалерийский полк Птара Мурфи был почти полностью уничтожен. Верану пришлось проявить необычайную твердость, чтобы восстановить порядок в рядах уцелевших и заставить их разбить этот небольшой лагерь. Кроме того, он, насколько можно было судить, отличался феноменальным честолюбием, если все еще рассчитывал продолжить борьбу.

То, что он позволил Корсону спокойно гулять по лагерю, достаточно ясно говорило о характере этого человека. Так же как и намерение набрать миллион рекрутов, чтобы создать новую армию. Блеф? Возможно. Разве что он располагал резервами, о которых Корсон не подозревал.

Раздумья эти привели Корсона к вопросу (странно, что он не задал его себе раньше): с кем же сражался Веран на Эргистале?

12

Гипроны были настолько неподвижны, что издалека их можно было принять за пни огромных деревьев, а шестипалые лапы — по шесть у каждого — за корни. В глазах, расположенных по всему туловищу, то и дело вспыхивали огоньки. Время от времени какой-нибудь гипрон издавал крик, за которым следовало свиное хрюканье. Настоящие жвачные, не имеющие ничего общего с диким зверем, которого Корсон начал изучать перед катастрофой «Архимеда». Сложная упряжь оставила на их боках глубокие шрамы, как железо на коре дерева.

Как на них можно было ездить? Казалось, ни одно место на теле гипрона не годилось под седло. Сколько людей мог нести гипрон? Ответы на эти вопросы заключались в планах Верана. Миллион людей и двести тысяч гипронов. Значит, один гипрон мог нести пятерых солдат со снаряжением. Какую роль выполняли они во время битвы? До сих пор Корсон, особо над этим не задумываясь, полагал, что они заменяют боевые машины. Их подвижность и первобытная жестокость должны были творить чудеса в наземной войне, а способность предвидеть ближайшее будущее и перемещаться во времени делала их почти неуловимыми. Но гипроны, которых Корсон видел перед собой, вовсе не казались хищными. Он мог бы поклясться, что они намного тупее дикаря, который блуждал сейчас в джунглях и искал

место для размножения.

Корсону была известна концепция использования живого транспорта в военных целях. Во времена войны между Землей и Урией он встречал на союзных Земле планетах дикарей, объезжавших змей, гипногрифов и даже гигантских пауков. Но сам он привык к механизированной армии. Что его здесь удивляло, так это существование развитой техники и верховых животных. Что же представлял собой Эргистал?

Он никак не мог себе представить эту планету. Если бы у планет были названия, соответствующие их внешнему виду, эта могла бы быть миром, утыканным острыми скалами, отливающими стальным блеском. Но с тем же успехом Эргистал мог быть зеленым радостным раем. Не на Урии, а где-то там, на другой планете. Ни Флория Ван Нелл, ни Антонелла не говорили Корсону о войне, идущей на Урии, пусть даже на другом континенте. Совсем наоборот.

Нет, битва, в которой Веран потерял большую часть своих людей, велась на другой планете. Веран спешно эвакуировал остатки своих отрядов и отправился на поиски гостеприимной планеты, решив набрать новых рекрутов. Случайно он наткнулся на Урию, выгрузил людей и зверей и послал крейсер на орбиту, чтобы иметь защищенные тылы.

Но...

В этой битве Веран сражался совсем недавно. Когда Корсон попал к нему в плен, его люди были еще в боевых одеждах, грязные и усталые. Независимо от места нахождения Эргистала и скорости крейсера Верану понадобилось бы много часов, а может, и дней, чтобы преодолеть космические расстояния. Корсон попытался представить себе звездную систему, в которую входила Урия. У нее не было спутника. Система включала еще две планеты, но это были газовые гиганты, которые не могли стать полем битвы, по крайней мере для людей. Плотность звезд в этой части неба была невелика. Таким образом, Эргистал находился не меньше чем в шести световых годах от Урии, а скорее всего — намного дальше. Мысль, что крейсер мог преодолеть шесть световых лет за несколько минут, казалось абсурдной. И все же...

Корсон был единственным человеком, уцелевшим во Вселенной, что исчезла более шести тысяч лет назад. За шестьдесят веков можно много чего изобрести. Уже то, что он видел в Диото, выходило за пределы его фантазии. Крейсер, достигающий почти абсолютной скорости, был не более абсурден, чем анархическое общество или летающий город.

Корсон вдруг почувствовал ностальгию. Правда, сам он никогда не был агрессивен, но сейчас чувствовал себя как дома в этом мире постоянного напряжения. Он посмотрел на человека, охранявшего гипронов, взглянул на свою охрану. Ни одного из них, казалось, не заботили проблемы, потрясающие Вселенную. В битве на Эргистале они потеряли друзей, но не похоже было, что их это очень огорчало. Два дня назад Корсон был таким же. Удивительно, что может произойти с человеком за два дня! Два дня — и шесть тысяч лет. «Нет, — с горечью подумал Корсон, — два дня, шесть тысяч лет и две женщины».

Он остановился, охранник — тоже.

— Скажи, тяжело было на Эргистале?

Солдат и глазом не моргнул. Он тупо смотрел на невидимую точку в шести шагах перед собой. Корсон повысил голос:

— Отвечайте! Я капитан Корсон!

И тогда солдат произнес сквозь зубы:

— Полковник Веран сам вас проинформирует. Таков приказ.

Корсон не настаивал. На вопрос, где находится Эргистал, солдат наверняка не ответит. А третий — когда это было — вообще не имел смысла: Корсон был уверен, что битва разыгралась в прошлом. Крейсер Верана преодолел не только пространство, но и время. Он явно прибыл сюда из эпохи межзвездных войн, когда служба безопасности еще не следила за законом и порядком.

Корсона заинтересовало, как они отреагируют, когда обнаружат отряд Верана на Урии.

Он обошел загон гипронов. Сумерки уже сменились ночью, но заходящее солнце еще

освещало верхушки деревьев. Поднялся ветер, и Корсон вздрогнул от холода. Он впервые ощутил нелепость своей гражданской одежды. Охраннику, конечно, трудно было признать в нем офицера. Сейчас Корсон жалел, что снял и уничтожил свой мундир. Хотя он не был похож на мундиры людей Верана, ему сейчас не помешал бы более воинственный вид. Он улыбнулся — недолго же он числился в демобилизованных. Всего сорок восемь часов. Может, Веран послан ему судьбой? Корсону он, похоже, нужен для единственного дела, в котором хорошо разбирался, — солдатской службы. На риск можно было не обращать внимания. Опасность была везде: в лесу, где бродила Бестия, и в космосе, где он, Корсон, был военным преступником, поставленным вне закона. С тем же успехом он мог окончить свои дни вместе с командой «Архимеда».

Корсон подумал об Антонелле и поморщился. Верно говорили солдатам, чтобы они держались подальше от женщин и не проводили с ними больше нескольких минут. Они усложняют жизнь, а ситуация и так достаточно сложна.

И все же Корсон не мог бросить ее на произвол судьбы. Он сжал кулаки. На фоне темного леса провод ограждения горел красным огнем. О побеге нечего было и думать.

— Я возвращаюсь, — сказал он в пустоту.

Солдат двинулся следом за ним.

13

Едва заснув, он оказался на Земле. Он бежал подземным коридором меж бетонных стен, а над головой была километровая толща земли. Глаза слепил свет неоновых фонарей. Тело сотрясали отзвуки ядерных взрывов, бушующих на поверхности. Бомбы бросали со слишком большого расстояния, никуда особо не целясь. Их выпускали с орбиты Плутона урианские корабли. Девять десятых из них были перехвачены раньше, чем успели достигнуть пределов земной атмосферы. Некоторые, входя в атмосферу, сгорали, не успев взорваться. Многие, достигнув поверхности Земли, падали в море, не причинив никакого вреда. Всего одна или две из сотни попадали в континент, однако трюмы урианских кораблей, похоже, были бездонными. Впервые сама Земля подвергалась бомбардировке, и наверху, на этой стороне планеты, был ад.

Разумеется, там никого не осталось в живых. Те, кто не нашел себе места в убежищах, то есть большинство, погибли в первые же секунды атаки. На бегу он машинально повторял цифру потерь: по крайней мере, двести миллионов убитых. За десять секунд.

Он не знал, куда бежит, просто не мог остановиться, не мог даже замедлить движение. Ноги сами несли его вперед, словно шатуны какой-то машины. Он бежал, вытянув руки, будто через мгновение должен был врезаться в стену. Но подземный коридор был не менее двадцати километров длиной. Взрывы ударяли все чаще, и Корсону казалось, что они — только эхо его топота. Кто-то гнался за ним...

Разбудило его легкое прикосновение. Он резко дернулся, едва не опрокинув узкую кровать. Над ним склонилась Антонелла. Вероятно, он кричал во сне. Ноги у него болели, как после долгого бега. Не в первый раз видел он этот сон, вновь и вновь переживая страшную беду, свалившуюся на Землю, но никогда еще видение не было таким реальным.

— Сейчас что-то произойдет, — прошептала Антонелла. — Я это чувствую, но еще не очень четко.

Когда он протянул руку, чтобы зажечь свет, она добавила:

— Нет, лучше их не тревожить.

Она проявила больше здравого смысла, чем он. Корсон отбросил одеяло и так резко прыгнул на пол, что толкнул Антонеллу. Она поддержала его, а он прижал ее к себе, чувствуя, как губы молодой женщины шевелятся возле его уха.

Пока он пытался понять ее слова, в лагере поднялся переполох. Люди суетились, переругивались, лязгало оружие. Заработал какой-то двигатель, и резкая вибрация сотрясла все вокруг. Раздались первые выстрелы. Офицеры, выкрикивая команды, пытались собрать

людей. Прожекторы осветили палатку, но не стали долго задерживаться на ней — они искали иную цель. Сквозь ругань и лязг металла Корсон отчетливо слышал причитания испуганных гипронов.

Потом прожекторы погасли, тени, метавшиеся по стенам палатки, исчезли, и наступила полная темнота. Суматоха явно стихала. Стрельба прекратилась, потом кто-то споткнулся и упал на палатку, поднялся и отошел, приволакивая ногу.

В тишине раздался голос Верана, усиленный мегафоном:

— Корсон, ты там? Если это одна из твоих штучек...

Последние слова Корсон не разобрал, он не мог понять, что происходит. Он уже хотел ответить, но Антонелла приложила руку к его губам:

— Сейчас сюда кто-то придет.

Он ничего не видел в темноте, но поначалу это его не беспокоило. Глаза должны были к ней привыкнуть, и вскоре он понял, что темнота была необычной. Их окружало такое же темное облако, как и в тот момент, когда они встретились с Вераном. Что-то поглощало свет.

Лагерь подвергся атаке, которая длилась всего минуты три. В такой темноте никто не мог сражаться. Веран хотя и умел ее создавать, но рассеять не мог.

— Веран, — прошептал он на предсказание Антонеллы.

— Нет, нет, это не он. Это вообще не из лагеря. Кто-то...

Она вдруг замерла, прижавшись к нему.

Один из нападавших. Освободитель или новая опасность. Кто-то поднял ткань, закрывавшую вход, и рядом с лицом Корсона вспыхнула точка. Затем она увеличилась и превратилась в вихрь, поглощающий клубы черного тумана. Вскоре Корсон уже видел свои руки, лежащие на плечах Антонеллы. Сфера света напоминала Галактику, кружащуюся вокруг своей оси, в лоне искаженного тяготением пространства. Сфера стабилизировалась, достигнув двух метров в диаметре, и вращение прекратилось. Теперь Антонелла и Корсон оказались внутри шарообразного светлого кокона со стенами из рукотворной тьмы.

Антонелла сдавленно вскрикнула.

Из тумана высунулась рука в перчатке и поднялась, нереальная, как мираж. Она была раскрыта в жесте, демонстрирующем мирные намерения. Рука принадлежала человеку или, по крайней мере, человеческой фигуре в космическом скафандре. Шлем его был черен как ночь. Пришелец молча протянул Корсону и Антонелле два одинаковых скафандра и знаком предложил надеть их.

— Кто вы? — нарушил тишину Корсон.

Пришелец нетерпеливо указал на скафандры, которые Корсон все не решался взять. Антонелла схватила один из них и быстро начала натягивать на себя.

— Подожди, — сказал Корсон. — Нет никаких причин доверять ему.

— Он нас вытащит отсюда, — ответила она. — Мы уберемся из этого лагеря.

— Но как?

Она покачала головой:

— Этого я не знаю. Он воспользуется способом, которого я не понимаю.

Корсон наконец решился, снял свою легкую одежду и надел скафандр. Закрепив шлем, он удивился, что слышит все, как и прежде, и обменялся с Антонеллой несколькими фразами. Значит, незнакомец молчал отнюдь не по техническим причинам. Но почему космические скафандры? Может, длительное воздействие темного тумана было опасно?

Незнакомец проверил герметичность скафандра Антонеллы и повернулся к Корсону. Потом кивнул, махнул рукой в туман и взял Антонеллу за руку. Та сразу поняла и подала свободную руку Корсону. Все трое нырнули в темноту.

Незнакомец двигался уверенно. Он старательно избегал преград и следил, чтобы его спутники делали то же самое. Много раз Корсона толкали проходившие мимо солдаты, а один раз кто-то схватил его за руку. Инстинктивно он ударил кого-то свободной рукой, и противник со стоном упал на землю.

Темнота принесла с собой тишину. Тут и там еще раздавались голоса, но в этой

абсолютной темноте казалось, что люди не собираются искать друг друга иначе, чем на ощупь. Может, они боялись спровоцировать новую атаку? Офицеры тоже перестали выкрикивать приказы, и только гипроны продолжали стонать. Рыдания их напомнили Корсону его первую ночь на Урии.

Постепенно стоны становились все громче — значит, незнакомец вел их к гипронам. Корсон заколебался было, но рука Антонеллы потащила его вперед. Он злился на себя за то, что испытывал тревогу, которой не чувствовала Антонелла. Потом ему пришло в голову, что она никогда не видела Бестию в деле.

Наконец они остановились. Незнакомец что-то делал в темноте. Корсон был уверен, что он седлает гипрона. Это и был тот способ, который он выбрал для бегства. Появился небольшой шар света, и Корсон увидел, что его догадка верна. По бокам животного свисала сложная упряжь. Кавалерийское седло было чем-то вроде качелей со стремянами. Был здесь и страховочный пояс. Едва Корсон забрался в седло, как почувствовал, что грозные отростки гривы гипрона опутывают его щиколотки. Захват оказался легким, он ждал худшего. Волокна, которые могли быть прочными, как стальная проволока, даже не сковывали движений. Интуитивно он чувствовал, что они служат кавалеристу поводьями, но не имел ни малейшего понятия, как управлять гипроном.

Бестия дрожала от возбуждения. Она перестала стонать и тихо посвистывала. Поднимая голову, Корсон видел слабое свечение ее глаз. Потом он услышал, как незнакомец издал странный звук, напряг мышцы в ожидании толчка, и тут ему показалось, что он падает. Тяготение исчезло. Если бы Корсон не чувствовал страховки, а рядом — массивного тела гипрона, он мог бы подумать, что под ним разверзлась бездна. Антонелла вскрикнула от испуга. Он хотел поддержать ее, но не успел и рта раскрыть, как они вынырнули из темноты.

Над ними спокойно светили звезды. Корсон повернул голову, но не смог увидеть Антонеллу, скрытую массивным туловищем Бести. Подняв голову, он увидел второго гипрона, похожего на огромный гриб, заслоняющий большую часть неба. Глаза его мигали, как контрольные лампы испуганного компьютера. Незнакомец висел сбоку и махал руками, стараясь приободрить Корсона и Антонеллу.

Осмелев, Корсон взглянул на землю. Он ожидал увидеть пятно мрака, но в слабом ночном освещении увидел только землю поляны. Ветер колыхал высокую траву там, где несколько часов назад был только пепел. Казалось, что лагерь Верана никогда не существовал.

Гипрон умел перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Может, они отступили на одну ночь или на неделю, а может, на целый век до того, как Веран высадился на Урию. Корсон вспомнил о способностях Антонеллы.

— Что теперь произойдет?

— Я ничего не знаю и ничего не вижу, — неуверенно ответила она.

Они поднимались вертикально вверх, и поляна исчезла в черной путанице джунглей. Теперь Корсон понял, зачем нужны скафандры: при такой скорости они за несколько минут достигнут границ атмосферы.

Какое-то темное пятно стремительно двигалось по небу на долю секунды закрывая то одну, то другую звезду. Два гипрона взлетели так высоко, что за восточным краем планеты всадникам открылось солнце. Они мчались по темному небу, а Урия под ними выглядела как огромный ковш тьмы с пылающим краем.

Еще одно пятно показалось на небе. Хотя оно тут же исчезло, Корсон успел его опознать. Это был гипрон — несомненно, один из скакунов Верана. Полковник не терял времени даром. Впрочем, это выражение не имело смысла, поскольку гипроны могли легко путешествовать во времени. Мелькавшие в небе гипроны были только разведчиками, рассекавшими прошлое и будущее в поисках беглецов.

Они оказались в центре круга из гипронов. Солнце ослепило Корсона, и он зажмурился. Когда он открыл глаза, оказалось, что солнце, совершив гигантский прыжок, переместилось по небу. Корсон понял: чтобы вырваться из окружения, незнакомец совершил прыжок во

времени. Они все еще вели с кавалеристами Верана странную игру, однако исход ее не вызывал сомнений. С каждым прыжком гипроны сжимали круг. Корсону казалось, что он слышит радостные крики солдат. Солнце танцевало по небу, словно безумное, а планета пульсировала светом дня и темнотой ночи.

Внезапно Корсон увидел, что второй гипрон — гипрон незнакомца — опасно приблизился к ним. Он предостерегающе крикнул, Антонелла повторила его крик. Незнакомец наклонился и замотал на руку гриву их гипрона. Вселенная изменила цвет и форму, а все знакомые очертания исчезли.

14

Пространство вокруг них озарили разноцветные огни. Звезды исчезли, а вместе с ними — и планета. Тело гипрона казалось кроваво-красным. Атаковавшие их огни били со всех сторон, рассыпая искры, но пространство, в котором они пульсировали, не имело глубины, и Корсон не мог бы сказать, плясали они в нескольких миллиметрах от его лица или на расстоянии в несколько световых лет.

Это была картина настоящей Вселенной или, во всяком случае, ее обратной стороны. Гипроны двигались во времени с огромной скоростью, в этом Корсон был уверен, и это искажало перспективу. Человек привык к статичному образу мира. Он не замечает движения звезд. Силы, которые зажгли их и поддерживали их пламя, действовали слишком медленно, чтобы обычный человек мог их заметить. Большая часть важных событий, происходивших во Вселенной, не касалась его, он ничего о них не знал. Человек воспринимал только узкий диапазон излучений, заполняющих космос. Он был уверен, что мир состоит из вакуума, что звезды состоят из разреженного газа, концентрирующегося в определенных местах Галактики.

Но в действительности Вселенная была заполнена до краев. Не было точки в космосе, не связанной с определенным моментом времени, частицей, излучением или любым другим проявлением первичной энергии. В некотором смысле Вселенная была сплошным материальным телом, и сторонний наблюдатель не нашел бы способа воткнуть в нее даже булавку. А поскольку гипроны перемещались во времени с огромной скоростью, кавалеристам казалось, что Вселенная по своей консистенции напоминает тесто. Если бы они достигли абсолютной скорости, подумал Корсон, если бы одновременно оказались в начале и в самом конце Вселенной, их бы просто размазало по ней.

При той скорости, с которой они мчались по небу, световое излучение было невозможно увидеть. Но голубые лучи, пульсирующие в темноте, могли быть электромагнитными волнами длиной во много световых лет, а пурпурное излучение — соответствовать изменению гравитационного поля звезд или целых галактик. Они галопировали во времени, и так же как кавалерист на полной скорости не замечает камней на дороге, а только самые важные знаки, расположенные рядом с ней, точно так же только основные события в жизни Вселенной оказывали воздействие на их чувства.

Корсон понял, что ошибался, думая, что Веран располагал крейсером. И он, и его люди бежали с поля битвы при Эргистале на своих скакунах. Корсон и Антонелла увидели Верана в тот момент, когда он со своими людьми прибыл на Урию с Эргистала, который мог находиться хоть на другом конце Вселенной.

Танец разноцветных огней замедлился — они тормозили. Светящееся пространство вокруг них распадалось на их глазах на тысячи пятен, которые становились все меньше по мере того, как их пожирала пустота. Вскоре их вновь окружали только светящиеся точки — звезды. Осталось только одно пятно, сохранившее два измерения, — золотой диск солнца. Когда небосвод перестал кружиться вокруг них, они оказались над шаром, полностью покрытым тучами. Планета.

Только теперь Корсон заметил, что второй гипрон исчез. Они ушли от погони, но потеряли своего проводника и оказались над неизвестной планетой, привязанные к

животному, которым не умели управлять.

15

Отдышавшись, Антонелла спросила:

— Урия?

— Нет, — ответил Корсон. — Эта планета находится дальше от своего солнца. И созвездия другие. Мы путешествовали и в пространстве.

Они нырнули в тучи. Гипрон опускался медленно, но уверенно.

Они пробили тучи, как пробивают потолок, и увидели огромную равнину, поросшую травой. Ее пересекала дорога, покрытая голубым блестящим материалом, она начиналась за горизонтом и вела к гигантскому зданию, расположенному в нескольких сотнях метров впереди, параллелепипеду из камня и бетона, чья вершина терялась во мраке. Никаких окон. Корсон прикинул, что самая узкая часть фасада имела в ширину не менее километра. «Дом» был гол, гладок и сер.

Гипрон опустился на землю. Корсон расстегнул пояс, обошел животное и помог спуститься Антонелле. Гипрон с удовольствием принялся косить траву жгутиками своей гривы и смачно ее пожирать.

Трава была ровной, как на газоне, а равнина настолько совершенной, что показалась Корсону искусственной.

— Ты видела уже это место? — спросил Корсон.

Антонелла покачала головой.

— Тебе что-нибудь говорит этот стиль? — настаивал Корсон. — Эта равнина, трава, здание?

Поскольку она не ответила, он спросил:

— Что случится? Сейчас?

— Мы подойдем к этому зданию, войдем в него и до этого момента никого не встретим. Что будет потом, не знаю.

— Опасности нет?

— Ничего, что я могла бы предвидеть.

Он внимательно посмотрел на нее:

— Антонелла, что ты думаешь о нашем положении?

— Я с тобой, «и этого мне пока хватает».

— Ну хорошо, пойдем, — сказал он, пожав плечами.

Он двинулся к зданию большими шагами, и ей пришлось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Заметив это, он сбавил темп. Пока что Антонелла была единственным его союзником во всей Вселенной — именно поэтому ее присутствие так нервировало его.

Дорога кончилась перед герметически закрытой огромной дверью. Когда Корсон прикоснулся к ней, она бесшумно поднялась вверх. Корсон прислушался, но все было тихо.

— Когда мы войдем, дверь за нами закроется?

Антонелла закрыла глаза.

— Да. Однако внутри нам ничто не грозит. По крайней мере, в первые минуты.

Они переступили порог, и дверь начала опускаться. Корсон рванулся к выходу. Дверь замерла и поднялась вверх. Обычный фотоэлемент. Корсон вздохнул с облегчением. У него не было желания осматривать здание, о котором он знал так мало, но нельзя же было вечно стоять на одном месте! Рано или поздно они проголодаются, да и солнце уже клонилось к закату. Неизвестно, что могло с ними случиться ночью, а потому необходимо было как можно скорее найти убежище. Им следовало действовать по старому солдатскому правилу: не стоять на месте, а попытаться застать противника врасплох.

Когда их глаза привыкли к полумраку, они увидели овальные контейнеры, стоящие по обе стороны дороги, уходящей в глубину здания, их ряды исчезали в голубоватой дымке.

В ближайшем контейнере находилось десять нагих женских тел, погруженных в

фиолетовый газ, который не рассеивался, хотя, казалось, его ничто не удерживало. Женщины казались мертвыми. Все они были очень красивы, и по виду им можно было дать от восемнадцати до двадцати пяти лет. Они казались чем-то похожи друг на друга. Корсон глубоко вздохнул и попробовал подсчитать: если в каждом контейнере было по десять женщин, тогда только в тех из них, которые он видел, могло находиться около миллиона тел.

Антонелла тихо спросила:

— Они мертвы?

Корсон протянул руку и осторожно погрузил ее в туман, который, похоже, выполнял роль антисептика. Рука, которую он нащупал, была теплой и мягкой, температура ее была не ниже двадцати градусов. Можно было сказать, что в некотором смысле женщина жива. Он осторожно взял ее за запястье. Пульс не прослушивался, но сердце, кажется, билось. Правда, очень медленно.

— Нет, — сказал Корсон, — они не совсем мертвы.

Слабый ритмичный свет танцевал над ступнями спящих, как семицветная радуга. Корсон задумался, и ему показалось, что он понял значение этого ритма. Это напоминало энцефалоскоп, хотя он его никогда и не видел. Две первые цветные полосы были неподвижны.

— Они в коме, — прошептал он. — Тело живет, но мозг спит.

Он видел уничтоженные города и опустошенные планеты, пылающие флотилии и людей, гибнущих тысячами и даже миллионами, но никогда не встречал ничего похожего на этот мавзолей. Может, какой-то народ весь, целиком, выбрал себе такой конец? Может, газон перед зданием был кладбищенским газоном? Имело ли смысл поддерживать жизнь этих людей, если они обречены на растительное прозябание? Сколько времени это могло продолжаться? Непрерывность процесса, конечно, обеспечивалась автоматически, о чем свидетельствовали тонкие, как волос, проводки, уходящие под кожу.

Корсон побежал вдоль ряда контейнеров и остановился, только пробежав почти километр. Он не заметил ни одного мужского тела. Разумеется, он не мог видеть содержимого контейнеров, расположенных выше, громоздящихся до самого потолка зала, но был почти уверен, что и там только женщины. Ни одной из тех, кого он видел, не было на вид больше двадцати пяти лет, и все были поразительно красивы. Они принадлежали ко всем известным Корсону расам. Замеченное вначале сходство было вызвано определенной системой классификации. Волосы той, которую он потрогал, были черными, волосы последней, против которой он остановил свой бег, были более светлого оттенка. По другую сторону в контейнерах были негритянки с иссиня-черной кожей.

Это была коллекция, собранная со скрупулезностью энтомолога. Корсон вспомнил один эпизод из своего прошлого. Однажды он сражался в музее бабочек. В витринах были бабочки не только с Земли, но и с сотен других планет. Выстрелы и взрывы взметали облака из крыльев мертвых насекомых. Воздух стал тяжелым от сухой разноцветной пыли, обжигавшей легкие, даже несмотря на защитные маски. Потом в музее начался пожар, и в вихрях теплого воздуха он увидел стаи бабочек, отправившихся в свой последний полет.

Разумеется, цвет кожи и волос были не единственными критериями классификации. В вертикальных рядах женщины могли различаться цветом глаз, но Корсон не мог проверить эту гипотезу.

Может быть, мужчины находились в другом блоке? Или же коллекционера интересовали только женщины? Это, несомненно, означало бы, что он человек. Невероятно извращенный, но человек; у чужака, например урианина, не было никаких причин коллекционировать именно женщин.

Корсон медленно повернул к выходу. И вдруг он остановился, потрясенный внезапно пришедшей ему в голову мыслью, — это был лагерь невольниц. Где-то там, в пространстве и времени, боги, ведущие жесточайшие войны, захватывали толпы невольниц. Они истребляли целые народы, оставляя себе, согласно древнейшему закону, самых красивых пленниц. Жизнь хуже смерти — здесь это выражение обретало зловещий смысл. Богов войны мало

волновал комфорт своего стада, а контейнеры давали возможность не заботиться о жилье, пропитании и охране. В истории планет было много примеров, когда невольницы убивали своих захватчиков. Боги войны неплохо изучили прошлое и нашли гениальный выход из положения — затормозили сознание своих жертв. Когда им хотелось, они могли вернуть их к жизни, снабдив искусственной, механической индивидуальностью, больше подходящей для робота. Обработанные таким образом женщины не были способны на самостоятельные решения, даже малое усилие мысли было им недоступно. Если говорить о разуме, то у них его было меньше, чем у человекообразных обезьян. Но богов войны это не заботило. Они не ждали от невольниц ни шуток, ни чувств, ни понимания. Пожалуй, они были психопатами и некрофилами в буквальном смысле этого слова.

Отвращение и ненависть. Корсон попытался убедить себя, что земляне в период войны с урианами вели себя иначе. Он порылся в памяти и вспомнил генерала, приказавшего ликвидировать тысячи урианских заложников в первые же часы войны. Вспомнил он и другого вождя, которого видел танцующим на развалинах разбомбленного города. Это был город людей, но его жители пытались вести с урианами переговоры. Потом он вспомнил бежавшего с Эргистала Верана, который, ни на секунду не задумавшись, сделал бы то же самое, если бы увидел в этом какую-нибудь выгоду для себя.

Корсон почувствовал, как в нем растет желание убивать, и стиснул кулаки. Свет померк у него перед глазами. Вскоре ярость прошла, и только нервная дрожь еще долго сотрясала его тело. Неужели насилие вызывает только насилие? Неужели у человечества такое кровавое лицо и оно носит на плечах, словно кривляющегося демона, призрак отчаяния и смерти?

Диото. Он подумал об утопии, выросшей на руинах войны, о мире, не знающем принуждения, у которого было одно правительство на семь веков и вообще не было армии. Об одном человечестве, которое стоило защищать, но не ценой насилия и крови. Но как победить насилие, не пользуясь насилием? Как выйти из заколдованного круга справедливых войн?

Антонелла уселась прямо на дорогу и заплакала. Когда он увидел ее, все мрачные мысли растаяли, как сосулька под лучами солнца. В этом сумасшедшем мире только она и была настоящей. Он встал перед нею, загородив собой зловещие контейнеры, мягко поднял ее с земли и нежно прижал к себе.

16

Корсон был голоден. Машинально он направился к двери, как будто там, за дверью, он мог найти какую-то пищу. Конечно, пищу найти было можно, но он содрогался при мысли о ней. Будь он один, ему было бы легче. Солдаты во время войны едят то, что добудут, они не умирают от голода, причем достают пищу любым способом. Корсон знал, что в его организме содержатся гигантские запасы протеина, но не желал рисковать, объясняя Антонелле, каким образом они могут прожить некоторое время.

Может, даже бесконечно долго.

В мифологические времена это имело свое название.

Согласно легендам, вурдалаки пожирали на кладбищах трупы. В истории такое тоже случалось, и не только во время войн. Корсон задумался, не были ли боги войны скорее людоедами, чем некрофилами. Монгольские завоеватели подавали на пирах красивейшую из своих наложниц, а ее украшенная драгоценностями голова стояла на золотом подносе, чтобы все могли оценить щедрость хозяина. То, что один человек придумал, другой может претворить в жизнь.

Дверь поднялась, открыв зеленую равнину, покрытую ковром свежей травы, по которому тянулась голубая дорога. Пасущийся гиппон виднелся вдали расплывчатым пятном. Корсон позавидовал ему и тут увидел на дороге какой-то предмет.

Это был мешок. В профильтрованном сквозь тучи свете блестела прикрепленная к нему

металлическая пластинка. В три шага Корсон оказался рядом и, не касаясь мешка, внимательно осмотрел его. Должно быть, его подбросили, пока они были в здании.

На пластинке виднелась надпись. Корсон не сразу ее разобрал — буквы плясали перед глазами.

КОРСОН, В ЭТОМ МЕШКЕ ПРОДУКТЫ. ДАЖЕ ПУСТАЯ УПАКОВКА МОЖЕТ ЕЩЕ ПРИГОДИТЬСЯ. СУЩЕСТВУЕТ МНОГО СПОСОБОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ, ЗАПОМНИ ЭТО. ТЫ ДОЛЖЕН ОТПРАВИТЬСЯ НА ЭРГИСТАЛ. ТАМ ПРЕСТУПНИКОВ СУДЯТ И ИСПРАВЛЯЮТ ВРЕМЕНЕМ. НАЗОВИ ЭРГИСТАЛ. ГИПРОН ПОЙМЕТ.

Незнакомец с ним играл. Помог бежать, потом исчез, теперь этот мешок и письмо. Почему незнакомец не показывается, если они союзники? А если он враг, то почему не убил их?

Он взвесил мешок в руке и открыл его. Внутри лежало двадцать солдатских пайков. Корсон машинально забросил ремень мешка на плечо и вернулся в мавзолей. Антонелла ждала его. Щеки ее запали, под глазами легли тени. Она все еще всхлипывала, но, похоже, уже начала успокаиваться.

— С голоду мы не умрем, — сказал Корсон, подавая ей мешок. — Кто-то кормит нас, словно птиц.

Прежде чем приступить к трапезе, он посмотрел, как она открывает паек. Она разорвала мешочек с водой в нужном месте, как он показывал, и подала ему. Он покачал головой и сказал:

— У нас их много.

Только после этого она согласилась попить, а он сел на землю и принялся за еду. Он пил маленькими глотками и старательно жевал. Если следовать письму, он должен попасть на Эргистал, где преступников судят и исправляют временем. Может, на Эргистале он сможет откупиться от приговора, который его ждал?

С другой стороны, это может быть поле битвы, а он вовсе не хотел забирать туда Антонеллу. Но и здесь ей нечего было делать. Он не знал в этой Вселенной ни одного места, где мог бы спокойно оставить ее.

Когда они поели, он старательно собрал все остатки и поискал, куда бы их выбросить. Вскоре нашелся небольшой колодец, из него, едва Корсон снял крышку, донесся шум бегущей воды. По крайней мере, они не оставят видимых следов на этой планете. Впрочем, если в здании были детекторы, все это не имело смысла.

Наконец он решился.

— Мы отправляемся на Эргистал, — сказал он, показывая сообщение. — Не знаю, что нас там ждет. Даже не уверен, что мы туда доберемся.

Он ожидал, что Антонелла испугается, но она осталась спокойной. «Вероятно, она полностью доверяет мне, — с горечью сказал себе Корсон. — И это хуже всего».

Он обнял ее и поцеловал.

Потом они вышли из здания и направились к гипрону. Корсон привязал Антонеллу, потом закрепился сам. На мгновение он заколебался — таким абсурдным показалось ему выкрикивать слово «Эргистал» вместо обычного понукания. Откашлявшись, он неуверенно произнес:

— ЭРГИСТАЛ!

И мир вокруг вновь изменил цвет и форму.

17

Они вынырнули над широкой равниной, с которой вверх устремлялись столбы дыма. Пульсирующие молнии метались по небу, придавая ему зловещий вид. На горизонте виднелись невысокие горы, над ними к небу вздымались три столба пламени.

Они быстро спускались, а под ними, на земле, сустились какие-то сверкающие насекомые. Корсон с удивлением узнал гарцующих на лошадях рыцарей в латах. С копьями

наперевес они атаковали высокие травы. Внезапно саванна вздрогнула — это индейцы с орлиными перьями в волосах поднялись, хрипло крича, и выпустили тучу стрел. Кони встали на дыбы, началась свалка, но гипрон проскочил мимо. Потом в воздух взвилась высокая струя гейзера, и гипрон отскочил во времени и пространстве. Горы слегка изменили свое положение. На этот раз равнина была пуста и изрыта кратерами, но небо осталось таким же.

Какое-то движение привлекло внимание Корсона. В сотне метров от него медленно двигался огромный валун. Только геометрическая форма выдавала его механическую природу. Это был танк — такого большого Корсон никогда еще не видел. Ему показалось, что машина движется к пригорку, где могли быть спрятаны какие-то укрепления, или же он сам был укреплением. На боку у гипрона Корсон чувствовал себя совершенно беззащитным. Ему очень хотелось ступить на твердую землю и поискать убежища на этом поле, распаханном войной. От пригорка оторвался черный предмет, похожий на линзу с вибрирующими краями, описал сложную кривую и понесся к танку. Он ударил в броню, и во все стороны брызнули искры. Через мгновение снаряд взорвался, ничем не повредив танку, — на нем осталась лишь ровная блестящая царапина. Танк как ни в чем не бывало полз вперед.

И вдруг совершенно неожиданно земля расступилась, обрушилась под тяжестью машины, как волчья яма. Танк наклонился и выбросил манипуляторы в надежде зацепиться за край, но тщетно. Тогда танк попытался отступить и повернулся на месте, но не сумел остановиться и начал сползать по обрыву. В его бортах открылись люки, из них начали выскакивать люди, едва заметные в камуфляжных накидках, цвет которых менялся в зависимости от цвета местности. Люди бросили в яму фанаты, и оттуда вырвались клубы огня и дыма. Крышка ловушки опустилась и вдруг замерла. Однако наклон был слишком велик, а поверхность слишком гладкой, чтобы танк мог по ней подняться. Он перестал сопротивляться и почти вертикально завис в яме. Моторы оглушающе взвыли и заглохли. Еще несколько человек высочили из люков и присоединились к тем, что старались выбраться на равнину. Неожиданно из пригорка вылетело пять ракет, они взорвались, заливая все вокруг огнем, сжигая людей и растения. Уцелевшие поспешно укрылись в воронках.

Весь этот ад продолжался не более тридцати секунд. Гипрон круто отклонился вправо, оставив поле сражения в стороне, и летел так низко, что чуть не задевал лапами холмы и кустарники. Наконец он приземлился, спрятавшись под защиту скального гребня.

Корсон подумал, что зря он навязывал свою волю гипрону. Он вполне мог довериться его инстинкту самосохранения, если он удержал бы их за пределами досягаемости любого оружия в пространстве и времени. Но у гипрона могло быть совершенно другое представление об опасности, нежели у его седоков. Ему незачем было прятаться от ядовитых газов, способных прожечь насквозь скафандры.

Наконец Корсон решил воспользоваться минутой относительного затишья. Он отстегнулся сам и освободил Антонеллу.

Местность походила на полигон. Камни, скатившиеся со склона, образовали у его подножия что-то вроде пещеры. Корсон взял Антонеллу за руку, и они побежали к укрытию. Оглянувшись на бегу, он увидел красный цветок, распутившийся на равнине, и бросился на землю, потянув за собой Антонеллу. Кувыркаясь по склону, они докатились до углубления между подножием горы и каменным валом. Снаряд ударил в склон горы, словно молот циклопа. Когда пыль рассеялась, Корсон обнаружил, что гипрон исчез.

— Это не ядерный заряд, — сказал он и посмотрел на равнину. — Эргистал... Это похоже на поле битвы. Самое большое из всех, какие я видел.

Антонелла вытерла пыль с лица.

— Но кто сражается? И с кем?

— Понятия не имею, — сказал Корсон. — Все это выглядит совершенно бессмысленным.

Впрочем, ни меньше и ни больше, чем любая война. Обычная война по крайней мере

означала хорошо укрепленные лагеря и четко определенных противников. Здесь же, казалось, все сражаются со всеми. Почему рыцари в латах бились с индейцами? Где находились города и империи, что вели эти войны и одновременно были желанными трофеями? Что скрывало это розовое пульсирующее небо, лишенное солнца и лун? Даже горизонт казался фальшивым, уходящим в бесконечность, как будто поверхность Эргистала была плоскостью, не имеющей границ. А если это была огромная планета, то почему притяжение было нормальным или близким к нему?

— Воздух, кажется, пригоден для дыхания, — сказал Корсон, взглянув на вшитые в рукав анализаторы. Он снял шлем и сделал глубокий вдох. Воздух был холодный, без всякого запаха. Лицо овеял легкий ветерок.

Корсон снова отважился поднять голову над камнями. До самого горизонта равнина выглядела одинаково уныло. Тут и там поднимался к небу дым. Потом он заметил блеск молнии и снова спрятался за камень.

Идти им было некуда.

— Нам нужно перевалить через гребень, — сказал он. — Может быть, наткнемся на...

У него не было ни малейшей надежды встретить союзников или даже просто разумное существо. Они с Антонеллой оказались в самой гуще бессмысленной войны.

В небе появилась черная точка, за ней тянулась полоса дыма. Она причудливо извивалась, меняла очертания, и казалось, что на небе возникают какие-то непонятные символы. Первая серия знаков была совершенно непонятной. Во второй Корсон с трудом распознал буквы кириллицы. Третья состояла из одних точек, зато четвертую он прочел, не дожидаясь, пока аппарат закончит свою работу.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ЭРГИСТАЛ!

Черная точка быстро исчезла за гребнем горы, а символы и буквы лениво поплыли по небу, теряя свои очертания.

Корсон пожал плечами.

— Пойдем, — сказал он.

Они поднялись по крутому склону. Корсон осторожно выглянул из-за гребня, отлично сознавая, что представляет собой прекрасную мишень. Оглядевшись, он замер от удивления. Противоположный склон горы полого понижался и переходил в идеально ровный пляж. Голубое, абсолютно спокойное море тянулось до горизонта. В нескольких кабельтовых <i><кабельтов — морская мера длины, равная 185,2 м>> от берега около дюжины парусных судов обменивались артиллерийскими залпами, в стороне пылал корабль со сбитой мачтой. На пляже, в нескольких сотнях метров друг от друга, были разбиты два лагеря. Палатки одного были голубые, другого — красные. На ветру трепетали боевые знамена. Между лагерями стояли напротив друг друга две шеренги солдат и по очереди посылали залпы в противника. Корсон слышал выстрелы, громкие команды офицеров, рев труб и время от времени — глухой грохот корабельных орудий.

Вдруг он заметил, что из углубления в грунте начал подниматься огромный, серый, мягкий и почти круглый предмет, невидимый в обоих лагерях из-за складок местности. Какой-нибудь заблудившийся зверь?

Недалеко от них, метрах в ста за лагерем голубых, у деревянного стола сидел какой-то человек и спокойно писал. На голове у него была синяя треуголка с белой кокардой, а одет он был в странный бело-голубой сюртук с золотыми эполетами. К поясу была прицеплена длинная сабля.

Корсон спустился с горы и вместе с Антонеллой направился к писарю. Когда они были от него в нескольких метрах, тот повернул голову и сказал совершенно спокойно, не выказывая ни удивления, ни страха:

— Хотите завербоваться, молодые люди? Недавно у нас повысили жалованье. Еще до того как вы наденете эти роскошные мундиры, я вручу вам по пятьсот талеров.

— Я не... — начал Корсон.

— Я вижу, что вы умираете от желания служить нашему доброму королю Виктору

Бородатому. Кормят у нас хорошо, офицеры быстро продвигаются по служебной лестнице. Война будет длиться век или два, и вы можете надеяться, что закончите ее в звании маршала. Что касается дамы, то вы будете иметь успех у наших парней, и я предсказываю вам скорое богатство.

— Я хотел только узнать, где находится ближайший город, — сказал Корсон.

— Город Минор, как мне кажется, — сказал мужчина, — находится прямо перед нами, в двадцати или тридцати милях. Покончив с этими чудаками в красном, мы направимся именно туда. Признаюсь вам, что никогда там не был, и это вполне естественно: ведь это город наших врагов. Но теперь мы там побываем. Итак, прошу подписать вот здесь, если вы умеете писать, чтобы все было по правилам.

И он зазвенел кружками желтого металла, которые будили в памяти Корсона какие-то туманные воспоминания. Вероятно, это были деньги. Антонелла нервно сжала его запястье.

На столе перед мужчиной по обе стороны большого реестра лежали два экземпляра неизвестного ручного оружия. Корсону захотелось рассмотреть его поближе.

— А эти корабли? — спросил он, указывая на море.

— Они, приятель, не имеют с нами ничего общего. Каждый ведет здесь свою войну, не обращая внимания на соседа. И так — до самой победы над противником. Тогда победитель собирает уцелевших и ищет другого хозяина. А вы отступили, не так ли? Я никогда не видел таких мундиров, как у вас.

— Мы не хотим воевать, — решительно заявил Корсон. — Мы только хотели бы... где-нибудь поработать.

— Тогда мне придется принудить вас, друзья мои, ибо это моя работа и она меня кормит.

Он схватил лежавшие на столе пистолеты и направил их на Корсона.

— А ну вписывайте свою фамилию, пока я не разозлился и не задержал ваше жалованье!

Корсон толкнул Антонеллу на землю и пинком перевернул стол. Но его противник успел отскочить и нажать на курок. Грохот оглушил Корсона, и тут же он почувствовал сильный удар в левое плечо — ему показалось, что незнакомец ударил его кулаком. Одновременно раздался скрежет. Наверное, один из пистолетов был неисправен.

Корсон бросился вперед сквозь густой дым. Мужчина в треуголке отшвырнул пистолеты и попытался вытащить саблю. На этот раз Корсон его опередил. Перескочив через стол, он пнул вербовщика в живот и одновременно ударил локтем в висок. Он не хотел убивать. Мужчина свалился на землю, прижав руки к животу.

Корсон коснулся рукой левого плеча, ожидая увидеть кровь, но пуля, вероятно, срикошетировала от скафандра. Он едва не рассмеялся, повернулся, чтобы уйти, — и смех замер у него в горле. Грохот вызвал тревогу в лагере, и сейчас к ним спешил небольшой отряд.

Корсон помог Антонелле встать и потянул ее за собой. Но тут же передумал, вернулся, подобрал саблю, оброненную противником, и побежал, таща Антонеллу. Направление выбирать не приходилось: единственная свободная дорога вела к тому самому углублению, где он раньше заметил странный объект, похожий на дохлого зверя.

Загремели выстрелы, и пули засвистели вокруг них. К счастью, преследователи не теряли времени на прицеливание или же хотели их просто испугать. Было очевидно, что их оружие не имело автоматических прицелов, а когда пальба вдруг стихла, Корсон с удивлением понял, что оно к тому же и не автоматическое, ибо требует времени на перезарядку.

Запыхавшись, они поднялись по внешнему склону воронки и перевалили через бруствер. Кратер был гораздо глубже и шире, чем ожидал Корсон, а зверь оказался огромным шаром из прорезиненной ткани. Он был покрыт сетью и уже поднимался в воздух, таща за собой толстый канат, крепивший его к скале. Под ним лежала на земле плетеная корзина. Мужчина, одетый в красные брюки, матросскую блузу и берет, возился с какими-то

клапанами. Кожа у него была черной.

Увидев бегущих Корсона и Антонеллу, он ослепительно улыбнулся. Однако улыбка исчезла, когда он заметил саблю, которую держал Корсон. Негр бросился к оружию, ствол которого торчал из гондолы, но Корсон остановил его.

— За нами гонятся, — сказал он. — Этот аппарат может поднять троих?

— Правила запрещают... — начал было негр, но потом с беспокойством взглянул на другую сторону кратера, где уже начали появляться головы в треуголках. — Думаю, будет лучше, если мы поскорее отсюда уберемся, — решил он.

Он прыгнул в корзину, Корсон с Антонеллой последовали за ним. Все вместе они принялись торопливо выкидывать за борт мешки с песком. Гондола оторвалась от земли и начала опасно крениться.

— Ложись на дно! — крикнул Корсон Антонелле. Потом, увидев, что негр теряет время на отвязывание каната, рубанул по нему саблей. Волокна оплетки разошлись. Второй удар перерезал сердцевину каната, а резкий порыв ветра довершил дело. Освобожденный шар взмыл вверх словно ракета. Раздались выстрелы, но пули прошли слишком низко. Прежде чем ружья были заряжены вновь, беглецы улетели уже слишком высоко, чтобы пуля смогла их достать.

Корсон, держась за край гондолы, встал на ноги. Стремительный старт прижал его ко дну плетеной корзины, которая опасно потрескивала под тяжестью трех пассажиров. Посмотрев на негра, который обеими руками держался за веревки, он положил саблю на дно корзины и помог встать Антонелле.

— Независимо от того, на чьей стороне вы сражаетесь, — сказал он негру, — спасибо вам, что вы вовремя оказались здесь. Меня зовут Корсон, я был членом экипажа...

Он замолчал. Ни к чему упоминать здесь об «Архимеде», линейном космическом крейсере, участвовавшем в войне между Землей и Урией. На самом-то деле он был солдатом без армии. Если бы не огромное поле битвы Эргистала, он вообще забыл бы о своем военном прошлом.

— А я зуав Туре, — сказал негр. — Начальник взвода и временно летчик в транспортном полку. Я был инженером и пилотом вертолета. Потому мне и доверили этот шар.

Он засмеялся.

— Я сказал им, что немножко разбираюсь в аэронавтике. Мне казалось, что летать над всей этой неразберихой безопаснее, чем находиться в ее гуще. А вы из какой войны?

Корсон помолчал, не зная, стоит ли говорить правду, но потом ответил:

— Из межпланетной. Но я прибыл сюда не прямо оттуда.

— Межпланетная война, — задумчиво сказал Туре. — Значит, вы из времени гораздо более позднего, чем мое. В мое время только начинали интересоваться космосом. Я еще помню день, когда первый человек высадился на Марсе. Это было великое событие...

Он кивнул на Антонеллу:

— А она? С той же войны, что и вы?

Корсон покачал головой:

— Антонелла из мирного времени.

Негр нахмурился.

— Тогда ее не должно здесь быть, — решительно сказал он.

— Почему?

— На этой планете находятся только воины, солдаты, люди, которые по той или иной причине признаны военными преступниками. Я выпустил самонаводящуюся ракету по мирной деревне. Это было в Европе, на острове Сицилия. Я не говорю, будто знал, что делаю, но и не отрицаю своей вины. На войне как на войне.

У Корсона появилась одна идея.

— Вы говорите на пангале, а я всегда считал, что он появился уже после завоевания звезд.

— Это не родной мой язык. Я выучил его здесь. На Эргистале все говорят на пангале и нескольких его диалектах.

— А какой ваш родной язык?

— Французский.

— Ага, — сказал Корсон. Впрочем, это ему ни о чем не говорило.

В голове его роились вопросы, но ответы на них могли пока подождать. Шар летел вдоль берега, постепенно меняя направление. Вскоре под ними уже расстился плоский безбрежный океан.

18

Они пролетели над строем галер, которые упорно пытались таранить друг друга, но ветер был слаб, и они не могли хорошенько разогнаться. Немного дальше виднелись пузырчатые конструкции, за них сражались создания, похожие на пауков. На Эргистале были не только люди, хотя в районе, где они находились, людей было больше всего. Один или два раза они заметили под водой какие-то большие тени.

Шар постепенно удалялся от берега.

— От голода мы не умрем, — широко улыбнулся Туре, открывая плетеный сундук.

Корсон машинально потянулся к своему мешку с продуктами. Мешка не было, он потерял его в схватке с писарем.

— Здесь есть колбаса, вполне свежий хлеб и красное вино, — сказал негр.

Из кармана брюк он достал огромный складной нож и принялся резать хлеб и колбасу. Потом откупорил бутылку и подал Антонелле.

Корсон с интересом смотрел на него.

— Никогда не видел ничего подобного? — спросил Туре, перехватив его взгляд. — Наверное, в ваше время питались таблетками и другой химией. Но и то, что есть у меня, вовсе не плохо. На войне как на войне.

Вино разогрело Корсона. Он закусил хлебом и решил задать несколько вопросов. Перед ним сидел человек, который знал об этом странном мире гораздо больше, чем он сам.

— Меня удивляет, — осторожно начал он, — это пустое небо. Война в воздухе должна сеять разрушения на огромных территориях, а для этого нужны летательные аппараты.

— Таких правил нет, — ответил Туре. — По крайней мере, мне так кажется. В этом секторе нет ни самолетов, ни ракет, ни вертолетов. Конечно, это не значит, что в другом районе Эргистала не ведутся воздушные бои. Я бы первый удивился, будь это так.

— Правила? — Корсон перестал жевать.

— Может, вы заметили одну вещь, — продолжал Туре. — Никто здесь не пользуется ядерным оружием. Разве это вас не удивляет? Хотя вы его вполне можете и не узнать. Но по другую сторону гор атомные бомбы время от времени рвутся. Причем очень мощные.

Корсон вспомнил столбы огня и грибы дыма, видневшиеся за горами.

— А кто следит за соблюдением этих правил?

— Если бы я знал, то пошел бы к нему и вежливо попросил выпустить меня отсюда. Вероятно, какой-нибудь бог или демон.

— Вы действительно верите, что мы в аду?

Слово это не имело для Корсона особого смысла, и он употребил его, вспомнив о почти забытой в его время мифологии. В галактическом языке «ад» означал исключительно неприятное место.

— Я немало думал над метафизическими вопросами, — признался Туре. — Эргистал похож на исключительно материальный ад. Например, это небо: я бы поклялся, что оно твердо, как стеклянная плита. Я делал триангуляционные замеры, поднимаясь и опускаясь на своем шаре, и мне кажется, что оно находится на высоте от десяти до двадцати километров. Потому-то этот мир, хотя и материальный, выглядит неестественно. Отсутствие горизонта, одна сплошная плоскость... Это не поверхность какой-то планеты. У планеты с таким

горизонтом должно быть колоссальное притяжение. Мы были бы раздавлены, едва успев появиться здесь.

Корсон с некоторым удивлением согласился: этот человек из далекого прошлого знал удивительно много.

— Мы находимся не в нормальном пространстве, — сказала Антонелла. — Я ничего не могу предвидеть. Сначала я не беспокоилась, поскольку способность эта временами почти пропадает. А здесь я как будто... ослепла.

Корсон с интересом посмотрел на нее:

— И когда именно твои способности пропадают?

Антонелла покраснела:

— Прежде всего на несколько дней в месяц. Но сейчас... это совсем не то. Бывает это и во время путешествий в космосе, но это случалось со мной не часто. Бывает после прыжка во времени, но тогда это длится недолго. И наконец, когда вероятность многих событий почти одинакова. Но в любых условиях у меня оставалась хотя бы частичка этих способностей, а здесь... ничего.

— О каких способностях она говорит? — спросил Туре.

— О способности, которой обладает ее раса. Они могут заранее предвидеть события — минуты за две до них.

— Понимаю. Это так, как если бы у них был перископ, способный пробить поверхность данного времени. Близорукий перископ. Две минуты — это немного.

Корсон попробовал осмыслить все, что рассказала Антонелла. Опережающая информация была некоторым образом связана с космогоническим принципом Маха, учитывающим особенности каждой точки Вселенной относительно целого. Означало ли это, что они находились во Вселенной, с которой была синхронизирована нервная система Антонеллы? А может, они были мертвы, хотя и не помнили момента смерти?

— Разве это не удивительно? — сказал Туре. — В Африке, задолго до моего рождения, колдунов считали предсказателями будущего. В мое время им уже никто не верил, а в будущем это обернулось действительностью.

— Откуда этот хлеб? — спросил Корсон, указывая на свой бутерброд.

— Из интендантства. Сейчас, когда вы задали мне этот вопрос, я подумал, что действительно не видел нигде ни полей, ни фабрик, ни пекарен. Но разве это не естественно во время войны? Оружие, одежда, лекарства, продукты прибывают издалека, из какой-то легендарной страны. Если война длится долго, то человек над этим даже не задумывается. Только поля, которые он видит, уничтожаются, ибо принадлежат врагу.

— А где командиры? Почему они не хотят прекратить эти бессмысленные сражения?

— Над нами. Высоко, очень высоко над нами. Обычно их никто не видит.

— А если их убивают?

— Тогда их сменяют другие, — сказал Туре. — Те, которые идут за ними по старшинству. В настоящей, кровопролитной войне сражаются потому, что есть противник и нет выбора. А может, у командования есть и свои личные причины.

Корсон глубоко вздохнул.

— Но где мы находимся?! — яростно воскликнул он.

Туре спокойно посмотрел на него:

— Я мог бы сказать, что мы летим на шаре над плоским океаном, но это и так видно. Я много думал над этим вопросом и нашел только три варианта ответа. Можете выбрать любой из них или предложить что-то свое.

— Что это за варианты?

— Первый: мы просто-напросто умерли и находимся в метафизическом чистилище, где проведем неограниченное время, может, целую вечность, без всяких шансов выбраться отсюда, даже если умрем снова в этих войнах. Для этого существуют Перемирия.

— Перемирия?

— Так вы еще этого не пережили? Ах да, вы же здесь недавно. Я расскажу об этом чуть

позже. По второй моей гипотезе мы реально не существуем. Мы — только информация, замкнутая в гигантской машине, и кто-то ведет огромную Kriegsspiele, War Game или, если хотите. Военную Игру. Речь идет о результате того или иного конфликта. Это как если бы все войны Вселенной велись только в одном месте. В таком случае мы являемся чем-то вроде фигурок на макете, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю, — сухо ответил Корсон.

— А теперь — противоположная гипотеза. Мы действительно существуем, но не в этом мире. Быть может, мы лежим где-то в склепе, соединенные с машиной множеством проводов, и нам кажется, что мы все переживаем наяву. Может, речь идет о психологической терапии, чтобы отвратить нас от войны, а может, это какой-то спектакль? Или эксперимент? Моя третья гипотеза предполагает, что этот мир реален. С нашей точки зрения, это странно, но верно. Он был создан людьми или человекоподобными существами, хотя в этом я сомневаюсь, для целей, о которых я не имею ни малейшего представления. Эта гипотеза нравится мне больше всего, потому что допускает способ выбраться отсюда, причем без утраты своей личности.

— У ваших трех гипотез есть одна точка соприкосновения, — сказал Корсон. — Они одинаково хорошо подходят к другому миру, тому, из которого мы пришли.

— К миру, который остался у нас в памяти, — поправил Туре. — Это не одно и то же. Вы уверены, что мы явились из одного и того же мира? Есть еще одна точка, общая с тем... миром. У нас одинаковое понятие о свободе, и мы одинаково не способны жить так, как нам нравится.

Они помолчали.

— Как вы сюда попали? — спросил наконец Корсон.

— Я мог бы спросить вас о том же. Вам не кажется, что я говорю слишком много?

— Не знаю, поверите ли вы мне.

— Я научился верить, — просто сказал негр.

Корсон коротко описал ему свою одиссею, начав с лагеря Верана. Эпизод с планетой-мавзолеем он опустил.

— Кто-то взял на себя большой труд, чтобы вас сюда доставить, — подытожил Туре. — Вероятно, один из тех, кого я числю в моей гипотезе.

Потом он добавил:

— Я впервые слышу о ваших гипропах, животных, которые могут путешествовать во времени. Однако сомневаюсь в их возможностях преодолеть большие интервалы.

— А вы?

Негр замолчал, высунулся из гондолы и сплюнул в море.

— Честно говоря, я точно не помню. Четыре, пять, а может, и десять Перемирий назад я стрелял, как умел, с борта своего «Шмеля-5». Внезапно меня ослепило, я почувствовал страшный жар и оказался здесь, на борту той же самой машины, над такой же местностью. Я даже не сразу понял разницу между ними. Мне казалось, что я не знаю никого из окружающих, но когда я об этом сказал, меня отправили к военному врачу. Он объяснил мне, что это шок, сделал укол и отослал обратно. Через некоторое время я уже ни в чем не был уверен. Я просто хотел выжить.

— Меня удивляет вот что, — сказал Корсон. — В этих войнах армии должны нести огромные потери. Почему же они не прекращаются? Ведь живая сила должна была уже давно иссякнуть? Или для их поддержания хватает солдат, поступающих из всех эпох и со всех планет Вселенной?

Туре покачал головой:

— Существуют Перемирия. Все павшие возвращаются на свои места.

— Воскресают?

— Нет. Но когда приближается Перемирие, небо темнеет. Потом время застывает, гаснет свет, перестают работать электрические лампы и энергетические лучи. Впечатление такое, будто сам превращаешься в камень. На секунду или две сознание повисает в страшной

пустоте и тишине, а потом все начинается снова. Иногда, очень редко, оказываешься в той же ситуации, что и перед Перемирием, но чаще попадаешь в другую армию, на другую должность и плохо помнишь то, что было до него. Словно началась новая история, как будто одну пленку заменили другой. Отсюда моя вторая гипотеза. Мертвые занимают свои места и играют новые роли, но не помнят, что были убиты. Для них Перемирие наступает перед самой смертью. Может, поэтому Перемирие — чисто индивидуальное явление. Хотя нет, не думаю. Когда оно наступает, кажется, что те, кто устроил эту Вселенную, или те, кто ею управляют, сумели победить время и приходят, чтобы забрать тех, кто должен умереть, за секунду до того, как это действительно произойдет. Как видите, ничего сверхъестественного.

— Действительно, — сказал Корсон.

Он поглаживал свой заросший подбородок, удивляясь легкости, с которой этот человек — примат из эпохи первых межпланетных путешествий — признает возможность путешествий во времени. Потом он вспомнил легкость, с которой сам приспособился к новой Урии.

Он собирался задать вопрос о Перемирии, когда страшный грохот едва не разорвал его барабанные перепонки. Казалось, взорвалась Вселенная.

Шар летел над зеркально гладким океаном под необычным, но спокойным небом. Ветер был свеж, но не более того. Однако грохот продолжал усиливаться, переходил в барабанную дробь, в вибрацию, которая заставила задрожать канаты гондолы. И вдруг — словно лопнуло дерево — вибрация распалась на два тона: один поднимался все выше, пока перестал быть неслышимым, а второй, глубокий и могучий, как кулак гиганта, превратился во вздох умирающего бога.

Вода покрылась рябью. Туре что-то крикнул, но движения его губ больше напоминали отчаянные попытки глухонемого заговорить. Антонелла закрыла уши ладонями. Корсон почувствовал, что из глаз у него текут слезы.

Шаром завладел вихрь, и он поднялся на несколько сот метров — видимо, резко упало давление. Гондолу швыряло из стороны в сторону. Корсон прижал Антонеллу к канатам, держа ее обеими руками. Корзина потрескивала, а сильный ветер сминал оболочку, словно гигантская невидимая рука бешено толкала шар вперед.

Туре схватил конец каната и привязался так крепко, как только сумел. Согнувшись, он подал второй конец Корсону, и тот закрепил себя и Антонеллу.

— Это начало Перемирия?! — крикнул Корсон, стараясь перекричать рев бури.

Туре покачал головой, лицо его посерело от страха.

— Никогда... ничего... похожего...

Ветер дул теперь с нарастающей силой. Корсон наклонился над тяжело дышавшей Антонеллой. Сам он тоже дышал с трудом, ему не хватало воздуха — видимо, атмосферное давление упало еще больше.

Корсон махнул рукой Туре, указывая на шар и океан. Пилот понял и стравил газ через клапан. Шар опустился на несколько сот метров, но воздух и здесь был так же разрежен. Внизу длинные белые гребни венчали вершины водяных гор, уносившие в неизвестность обломки кораблей. Пятна разлитой по морю нефти отмечали оазисы спокойной воды.

Шар летел вперед с огромной скоростью. По движению звезд на небе Корсон и Туре определили ее в тысячу километров в час. Аэронавты едва не теряли сознание.

Корсону казалось, что они уже преодолели больше четверти окружности такой планеты, как Земля, а ветер все не прекращался. Теперь он гнал перед собой настолько высокие и мощные горы воды, что они казались отлитыми из стекла. Это было выше человеческого разума. Впрочем, как и те события, свидетелями которых они недавно были. Им казалось, что они будут вечно летать над бесконечным океаном, что в конце концов умрут в гондоле от голода, жажды или истощения, и тела их по-прежнему будут совершать это бессмысленное путешествие, разве что оборвется подвеска и гондола разобьется о поверхность моря. А может, шар, постепенно теряя газ, опустится и приклеится к склону водяной горы, как старая бородавка.

Гондола дернулась — лопнул один из канатов, — и Корсон едва не вылетел за борт. Его удержал страховочный конец, но он успел разглядеть горизонт и закричал так страшно, что на мгновение перекрыл рев ветра.

Горизонт перечеркивала быстро ширящаяся черная полоса. Вскоре она уже напоминала ленту, а затем заслонила горизонт. Это была абсолютная темнота — темнота, которая обозначала конец всего. И странное дело — края этой стены темноты не искривлялись и не шли вдоль горизонта планеты. Они были идеально прямыми.

19

Здесь был конец Вселенной. По крайней мере, этой Вселенной. Их несло в черноту, в пропасть. Тем временем ветер утратил свой напор, но волны стали еще выше, как будто разбивались внизу о невидимую преграду. Между ними разверзались пропасти глубиной во много сотен метров.

На горизонте океан кончался, обрезанный ровно, как край стола, а дальше была только пропасть, заполнявшая промежуток между небом и морем.

— У нас есть маленький шанс, — сказал Туре. — Если Перемирие наступит до того, как...

Он мог не продолжать... Как зачарованные, они смотрели на горизонт.

— Или, может, ветер утихнет, — сказал Корсон.

Туре пожал плечами:

— Эта пустота нас засасывает. Туда рушится вся Вселенная.

— Почему именно сейчас?

— Что-то разладилось в большой машине.

По мере того как они приближались, черное пространство заполнялось огнями, сверкающими и неподвижными точками. Время от времени они гасли и снова загорались, будто перемещался какой-то темный предмет перед ними. Шар мчался к черному пятну, еще более матовому, еще более темному, чем вся остальная стена. Его окружал ореол вспышек, разбегавшихся в виде ветвистых молний во всех направлениях.

«Как пробитое пулей окно», — подумал Корсон.

Именно это он сейчас и видел: окно, пробитое пулей. Неподвижные огоньки были звездами, а пропасть — космосом. Пятно матовой черноты было дырой, через которую Эргистал или, во всяком случае, та его часть, где находился воздушный шар, валился в пустоту.

У самого края стены гигантский водоворот кружил воды океана. Он тоже выливался в пространство.

Корсон задумался: бесконечно ли это пространство, или весь Эргистал, а вместе с ним и его абсурдные войны, легионы, флоты, герои и атомные грибы найдут наконец покой среди звезд? Неужели творцы — или надсмотрщики — Эргистала ничего не сделают? Неужели катастрофа им неподвластна? Действительно ли Эргистал был искусственным, гигантским, но все же ограниченным миром, что плывет в космосе и в эту минуту выбрасывает свое содержимое из-за какой-то аварии или маневра? Что произойдет, если «окно» лопнет совсем? Соединятся небо и земля? А может, архитектура этого бессмысленного мира сохранится, защищенная зеркалом ничто?

По мере того как шар приближался к пролому, температура все больше понижалась и все труднее становилось дышать. Однако пролом странно уменьшался. Еще недавно отверстие тянулось на километры, а сейчас не превышало нескольких сот метров в самом широком месте и продолжало уменьшаться. Шар был достаточно близко, чтобы Корсон мог разглядеть обтекающие внутреннюю поверхность пролома волны, гаснущие на его краях.

Море покрылось ледяной коркой, ее белизну подчеркивала прямая линия основания черной стены. Это было не окно и даже не стена, а какое-то силовое поле, поврежденное страшным ударом.

— Мы проскочим, — сказал, тяжело дыша, Туре, — если ЭТО не закроется.

Антонелла спрятала лицо на груди Корсона, и он нашел еще силы, чтобы вытянуть руку к пролому. В пустоте, чуть ниже уровня океана, виднелись обломки гигантского космического корабля. Возможно, он имел форму ракеты, об этом говорил вид его кормы, казалось приклеенной к прозрачной стене. Восстанавливая свою структуру, силовое поле встроило в нее и корабль.

Больше всего Корсона удивлял биологический характер заживления силового экрана. Он помнил поля, которые распространялись мгновенно, но там речь шла о коротких дистанциях и ограниченных возможностях человеческого восприятия. Потом он подумал, что использованная здесь энергия была столь огромна, что нарушалась непрерывность времени. Эквивалент, выраженный в единицах массы, должен быть непредставимо огромным. Теория относительности говорила, что на звездах-гигантах время течет медленнее, чем в других местах. Самым удивительным было то, что эффект этот не распространялся на пространство, окружающее барьер. Шар не был брошен на экран со всего размаха, не сгорел в атмосфере перед ударом о стену пространства.

У Корсона появилась слабая надежда. Оставалось всего несколько сот метров; заживление шло все быстрее, трещины исчезли, матово-черное пятно уменьшалось. Пространство вокруг сверкало, будто покрытое лаком, — побочный эффект поля.

Они были уже совсем близко. Корсон вытянул руку, чтобы защитить Антонеллу. Удар... Отскок... Рывок... Завязанный вокруг пояса канат врезался в позвоночник. Корсон покачнулся и упал вперед, ударившись головой о край корзины. Крутой крен, мягкий звук... Шар расплющился по барьеру, гондола раскачивалась из стороны в сторону. Удар, отскок, удар... Наконец все скрыла темнота.

20

Очнулся он от ощущения холода на лбу. Его голова лежала на коленях Антонеллы, она прикладывала ко лбу тряпку, смоченную вином. Он прикоснулся к правой брови, которая сильно болела, а когда посмотрел на руку, она была в крови. Потом его взгляд встретился со взглядом Туре.

Корсон встал, борясь с головокружением, и с трудом удержался на ногах.

— Наш шар послужил пробкой, — объяснил Туре.

Шар наполовину ушел в стену в добром километре над спокойным океаном. Подводная пробоина тоже затянулась.

Корсон перегнулся через край гондолы, разглядывая пустоту. Вверху небо, а внизу море кончались ровно, словно обрезанные ножом. Стена была совсем рядом. Корсон вытянул руку, но не достал ее, хотя почувствовал легкий укол. А может, это была только иллюзия.

Дальше был космос. Живой космос. Прежде всего звезды, мириады звезд, которые складывались в незнакомые созвездия. Звезды всех цветов, какие можно видеть только в пустоте, через стекло скафандра или из купола обсерватории. Какая-то галактика светилась красным. Но там были не только звезды и галактика.

Между ними, а иногда и перед ними плавали огромные военные крейсера. Конечно, Корсон не мог четко разглядеть их, но догадывался, что они сотрясали звезды, точнее, искажали их свет. Масса и энергия. Фотон так легок, и его так легко отклонить. Опытный взгляд Корсона распознавал в танце звезд скрытый смысл. Здесь в отчаянной схватке сошлись два флота. Во время боя какой-то крейсер, потеряв управление, налетел на стену и повредил ее. Однако другие воздушные корабли, не подозревающие о катастрофе, продолжали сражаться. С этой стороны стены сражение выглядело чистой абстракцией и проявлялось лишь дрожью пространства и танцем звезд.

По другую сторону силового экрана плавали зеленоватые глыбы. Корсон не сразу узнал их. Лед, горы льда в пустоте: миллиарды тонн воды, вырвавшейся через пролом.

Корсон понимал, что не сможет на таком расстоянии разглядеть отдельные эпизоды баталии, которая, судя по всему, велась на просторах во многие световые годы. Сейчас он стал свидетелем лишь локального столкновения. Однако стремительность битвы дала ему представление о специфике этого пространства.

Пространство это не граничило с Эргисталом, просто было его частью. Логично. Космические войны должны были вестись на Эргистале так же, как войны сухопутные, морские и воздушные. Им нужна была особая среда, и эта среда была предоставлена. Если эта Вселенная была макетом, то этот макет был близок к совершенству.

Кто же мог сражаться в космосе? Люди? Космиты? Люди против космитов? Застывший в стене корпус корабля не походил ни на один из известных Корсону типов. Однако, если он верно прикинул — расстояния и размеры в космосе сильно искажаются, — обломок этот был более километра длиной, а весь корабль — раза в три больше. Корсону показалось, что он видит безжизненное тело, кружащееся между обломками. Впрочем, с тем же успехом это мог быть и кусок металла.

Наконец вибрация прекратилась, воздух успокоился и застыл. Не нужно было кричать, чтобы слышать друг друга, хотя в ушах еще дрожал отзвук барабанной дробы.

— Наше положение не из лучших, — сказал Туре.

— Этого я и боюсь, — сказал Корсон.

Он уже обдумал все возможности и каждую из них забраковал. Канаты, оплетающие гондолу, были слишком коротки, чтобы можно было спуститься к воде. Если они разрежут оболочку шара, чтобы сделать из нее парашюты, она может отделиться от экрана, и тогда они погибнут в волнах, упав с километровой высоты. Не было никаких шансов, что шар освободится сам. Даже если им удастся спуститься, как они вернутся на сушу, удаленную на десятки тысяч километров? Они были в ловушке, словно мухи, пойманные на липучку.

«Если бы только началось Перемирие», — подумал Корсон.

Сначала, когда Туре говорил о Перемириях, он испытывал глухой, звериный страх. Перемирие походило на смерть или на конец света. Сейчас же он мечтал о нем. Но надежды не было: они не могли повлиять на решение непредсказуемых богов, которые создали эту Вселенную и управляли ею. Он вспомнил и другие слова Туре, но пока боялся сделать из них выводы.

В космосе появился какой-то клубок тьмы. Корсону показалось, что бездна оживает, что совсем рядом появился рой беспорядочно кружащихся мошек. Казалось, они с дьявольской ловкостью увертываются от выстрелов космических кораблей. Один крейсер взорвался, за ним другой. Две яркие вспышки на мгновение ослепили Корсона, хотя он и щурил глаза. С тревогой подумал он о том, что будет, если один из кораблей взорвется у самой стены. Стена, конечно, выдержит, но поглотит ли она все излучение?

Перед глазами у него заплескали какие-то мушки. И вдруг Корсон понял: это гипроны. Последние сомнения исчезли, когда один из них материализовался перед самой стеной. Корсон узнал пояс глаз, лишенных век, шесть огромных лап с торчащими когтями, гриву нитей, развевающихся вокруг головы, и упряжь, а когда Бестия повернулась вокруг своей оси — мундир солдата Верана. Человек по ту сторону стены удивленно воскликнул при виде гондолы и ее пассажиров. Губы его шевельнулись. Минуту спустя солдаты оказались у стены, а потом исчезли.

Появились они уже по эту сторону, без видимого усилия преодолев преграду. Окружив шар, солдаты направили оружие на путешественников. Антонелла схватила Корсона за руку. Туре спросил, вытирая рукой вспотевший лоб:

— Что это?

Времени для ответа не было. Мысль, возникшая на границе сознания Корсона, обрела ясные очертания. Он не мог ждать пощады от Верана. Тот попытается взять их живыми и отдаст Антонеллу солдатам.

Корсон скрипнул зубами и почувствовал во рту привкус крови. Он поднял голову к шару. Водород, соединяясь с воздухом, легко взрывается. К сожалению, температура луча

его бластера слишком мала, чтобы началась реакция.

Ему отчаянно хотелось, чтобы слова Туре оказались правдой. И он узнает это, но только в том случае, если гипотезы Туре обоснованы, если в этом аду смерть — всего лишь иллюзия.

Он вынул бластер из кобуры, спрятанной под скафандром, и спокойно открыл огонь. Оболочка шара разошлась, вспыхнуло пламя. Потом он почувствовал, как горят его руки и лицо, а лопнувшие барабанные перепонки избавили его от криков остальных. И его собственных — тоже. «Водород», — подумал он.

Он падал и чувствовал рядом тело Антонеллы, хотя сам уже тела не имел. Непонятным образом он был еще жив и даже не чувствовал себя умирающим. Хотя гигантское пламя мчалось прямо на него, свет ослаб. Небо стало пурпурным, потом черным. Он различал на нем, как на негативе, белых гипронов и лица всадников, остолбеневших от удивления. Пламя перестало расти в нескольких сантиметрах от его лица, хотя лица у него уже не было. Корсону показалось, что это чудесное равновесие будет длиться целую вечность.

Потом пламя погасло.

21

Перемирие кончилось так же внезапно, как и началось. Корсон плавал в пурпурном пространстве, хотя не помнил, чтобы открывал глаза. Огромные, спутанные и сросшиеся трубы пульсировали, растягивались, неожиданно ветвились, и ветви тоже начинали разрастаться. Не было ни верха, ни низа. Хотя он не мог оценить расстояний и размеров, они казались ему огромными.

«Я пробил потолок, — подумал он, — и попал на небо».

Руки и ноги не слушались его, но он испытывал не беспокойство, а скорее интерес. С трудом возвращались воспоминания. Оставались еще белые пятна, но память постепенно возвращалась к нему, и где-то на грани подсознания происходила реконструкция событий, свидетелем и участником которых, как ему казалось, он был.

Вскоре он сообразил, что место, где он находился, довольно странное. Он знал, что покинул Эргистал, и был уверен, что находится по ту сторону небесного свода. Было ли это место, где сражались существа, которых человек и представить себе не мог? Или же его исключили из игры, поскольку он участвовал в ней нелегально? А может, его ждет неведомая судьба?

Он был один и знал это, хоть и не мог повернуть голову.

Тишину нарушил голос. Для Корсона он прозвучал музыкой, и прошло некоторое время, прежде чем он понял, что обращаются к нему, но слова оставались в его памяти, как будто она была промыта и жаждала знаний.

— Значит, ты — военный преступник.

Подумав, он ответил:

— Значит, ты — бог.

В голосе слышалась насмешка. Он казался почти детским, но мог быть и голосом ящерицы, паука, огненным шепотом звезды, писком крысы, шелканьем хитиновых крыльев жука, вздохом ветра.

— Мы можем больше, чем боги, которых вы в состоянии придумать.

Корсон погрузился в размышления. Разговор начался странно. Не за тем же он здесь оказался, чтобы вести теологический диспут? А может, на небе существовал такой обычай? Он хотел сменить тему, но вдруг ощутил, что она затягивает его.

«Мне ввели наркотик, — подумал он, — и это все объясняет». Потом он понял, что здесь что-то другое, любопытство взяло верх, и он принял вызов.

— Боги всеильны, — сказал он.

— Всеильны, — повторил голос, — это пустые слова. Ты можешь только приписывать им помощь, которую сам в состоянии представить, а в будущем — получить.

Корсон задумался. Слова показались ему разумными. Он подумал еще и продолжал:

— Вы бессмертны.

В голосе вновь зазвучало веселье:

— И да, и нет. Ты не видишь разницы между бесконечным и неограниченным. Мы не бессмертны, если ты понимаешь под этим бесконечную жизнь. В этом смысле нет ничего бесконечного, и даже Вселенная имеет свой конец. Однако наше существование неограниченно.

— Неограниченно?

Эта концепция была выше его понимания.

— Мы можем повторять наши жизни, изменять их или проживать все новые и новые. Ничто из происходящего во время наших существования не пропадает зря.

— Понимаю, — сказал Корсон.

Для этих существ жизнь не была неповторимой формой, отлитой из бронзы прошлого и слепо продолжающейся в будущее. Существование от начала до конца было для них пластичным континуумом. Они не знали ДО или ПОСЛЕ, их жизни не имели длины. «Действительно, — задумался он, — какова ширина одной человеческой жизни? И какова ее толщина?» Их жизни составляли единое целое. В зависимости от результатов они изменяли причины. Современность была для них только точкой отсчета. Они контролировали время, и на этой способности основывалась их власть. Так же как и люди в конце концов освоили космос и начали летать между звездами, эти существа освоили время. Для них люди были никчемными, бессильными существами, точно так же, как Корсону бессильными казались его предки.

«Это страшная власть, — подумал Корсон и тут же добавил, как будто ему это предложили: — Она мне не по силам».

— Вы не люди, — сказал он.

КТО ЖЕ ОНИ, ЧТО ТАК ЗАБАВЛЯЮТСЯ НАШИМИ ЖИЗНЯМИ? ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ДРУГОЙ ГАЛАКТИКИ? ИЗ ДРУГОГО ИЗМЕРЕНИЯ? ПРОСТО ДУХИ, НАШИ СОЗДАТЕЛИ ИЛИ БОГИ ИЗ СКАЗОК?

— Ты будешь как мы, — сказал голос.

ОБЕЩАНИЕ ИЛИ КОНСТАТАЦИЯ ФАКТА? КАК Я МОГУ СТАТЬ ТАКИМ, КАК ВЫ, ОСТАВАЯСЬ СОБОЙ, КОЛЬ СКОРО ДАЖЕ НЕ МОГУ ПОНЯТЬ ВАШЕЙ МОЩИ? КУДА ДЕЛИСЬ ДАЛЕКИЕ ПОТОМКИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? МОЖЕТ, СПОСОБНОСТИ РАСЫ АНТОНЕЛЛЫ ЗАЧАТОК ЭТОЙ МОЩИ? СКОЛЬКО МИЛЛИОНОВ ЛЕТ ОТДЕЛЯЕТ МЕНЯ, ПРИМИТИВНОЕ СУЩЕСТВО, ОТ ОЦЕНИВАЮЩЕГО МОЮ ЖИЗНЬ ПОТОМСТВА?

— Вы появились после нас? — спросил Корсон.

Смех, который он услышал, успокоил его.

— Мы появились не после вас, — ответил голос. — Мы существуем в то же время, что и вы, поскольку заполняем ВСЕ ВРЕМЯ. Наши цивилизации скорее параллельны, но в узком смысле, если это может тебя успокоить, мы пришли после вас, родились из вас, произошли от вас.

ЗНАЧИТ, ЭТО НАШИ ПОТОМКИ, И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ОНИ ГОРАЗДО СТАРШЕ НАС. С ТОЙ ТОЧКИ БУДУЩЕГО, В КОТОРОЙ ИХ ВЕТВЬ ОТДЕЛИЛАСЬ ОТ НАШЕЙ, ОНИ ЗАВЛАДЕЛИ ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ, В КОТОРОЙ МЫ ЗАНИМАЕМ ДО СМЕШНОГО МАЛУЮ ЧАСТЬ. ОНИ РОДИЛИСЬ ОТ НАС, НО СУЩЕСТВУЮТ С САМЫХ НАШИХ НАЧАЛ.

— А другие виды? Уриане?

— Нет никакой разницы, — ответил голос.

НЕТ НИКАКОЙ РАЗНИЦЫ? РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ. СЛИШКОМ РАНО ТРЕБОВАТЬ ОТВЕТА НА ЭТОТ ВОПРОС.

— Где мы? — спросил Корсон.

— За пределами Вселенной, на ее поверхности или оболочке. Чтобы ее понять и

изменить, нужно ее покинуть.

ОБОЛОЧКА ВСЕЛЕННОЙ. ПО ЭТОЙ ЛИ ПРИЧИНЕ ОБЫЧНЫЕ ЗАКОНЫ ФИЗИКИ НЕ ДЕЙСТВУЮТ НА ЭРГИСТАЛЕ? ПОТОМУ ЛИ ОНИ МОГУТ ТАМ ДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО ЗАХОТЯТ? И ЧТО НАХОДИТСЯ ДАЛЬШЕ?

— А что есть кроме Вселенной?

— Вселенная обладает собственной силой, — ответил голос. — Это нечто не зависящее от пространства и времени. Внешняя часть никак не воздействует на внутренние и, значит, непознаваема.

ТУПИК. МОЖЕТ, ГРАНИЦА ВЛАСТИ ЭТИХ СУЩЕСТВ СУЩЕСТВОВАЛА, ВЫТЕКАЯ ИЗ УБОЖЕСТВА ИХ СОБСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙ?

Корсон решил выяснить, что его ждет впереди.

— Вы будете меня судить?

— Ты уже был судим, — ответил голос.

— Я вовсе не преступник, — запротестовал Корсон. — У меня никогда не было выбора...

— У тебя будет выбор. У тебя будет возможность прервать цепь преступлений. Прервать серию войн. Ты вернешься на Урию и вылечишься от войн.

— Зачем я вам нужен? Почему, обладая такой властью, вы просто не запретите войны?

— Война — часть истории этой Вселенной, — терпеливо ответил голос. — В некотором смысле мы тоже родились из войн. Мы хотим ликвидировать войну и добиваемся этого с помощью тех, кто сражается, хотим, чтобы они стали такими, какими могут стать. Но мы не можем делить нашу власть с существами, которые еще не победили войну. Теоретически мы могли бы уничтожить войну силой, но тогда возникло бы противоречие в понятиях. Мы боролись бы сами с собой. И тогда мы решили изменить эту Вселенную, а изменить ее можно, только используя тот же самый материал. Именно для этих целей и нужен Эргистал. Он выполняет три функции. Искоренение войны — воспитывает убежденных сторонников мира. Чтобы искоренить войну, нужно ее понять: на Эргистале огромное количество полей сражений. Здесь нет конфликтов между империями, между планетами или видами. Это всего лишь фон. Мы знаем, что война — это не только конфликты. Она растягивается и выходит далеко за пределы спора, даже тогда, когда ее причины давно исчезли. Война обладает многообразной структурой, но только внешне. Благодаря экспериментам Эргистала мы познаем ее и делаем все, чтобы те, кто вызывает войну, поняли ее.

ВОЙНА КАК СТРУКТУРА! НЕЧТО, ОБЛАДАЮЩЕЕ АВТОНОМИЕЙ, РОЖДАЮЩЕЕСЯ В СЛУЧАЕ КАКОГО-НИБУДЬ КОНФЛИКТА, НО ПОТОМ ЖИВУЩЕЕ ЭНЕРГИЕЙ СРАЖАЮЩИХСЯ. ЭТО ОБЪЯСНЯЕТ, ПОЧЕМУ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА БЫЛИ ВО ВСЕ ЭПОХИ, ПРИ ВСЕХ РЕЖИМАХ. ПЕРИОДИЧЕСКИ КАКАЯ-НИБУДЬ ГРУППА ЛЮДЕЙ ПОСТАНОВЛЯЛА ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ, НО БЕЗУСПЕШНО. ИМ, САМОЕ БОЛЬШЕЕ, УДАВАЛОСЬ ОТСРОЧИТЬ ЕЕ, СОЗДАТЬ ОАЗИС МИРА НА ВЕК ИЛИ ДВА, РЕЖЕ — НА ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ МЕЖДУ ДВУМЯ ОЧЕРЕДНЫМИ ВСПЫШКАМИ. А ИХ УЧЕНИКИ НАСАЖДАЛИ МИР С ПОМОЩЬЮ ВОЙНЫ.

ПОЧЕМУ МЕЖДУ СОЛНЕЧНОЙ ДЕРЖАВОЙ И ИМПЕРИЕЙ УРИИ СВИРЕПСТВОВАЛА ВОЙНА? ПО КОСМИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ? ИЗ-ЗА АМБИЦИЙ ВОЖДЕЙ? ИЗ ОПАСЕНИЯ ПЕРЕД МАССАМИ? ЭТО БЫЛИ СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ, НО НЕ ОНИ БЫЛИ ВАЖНЕЙШИМИ. ВОЙНА ПРОТИВ УРИИ БЫЛА ЗАМЕНИТЕЛЕМ ВОЙНЫ, ЧТО ГРОЗИЛА НАЧАТЬСЯ МЕЖДУ ПЛАНЕТАМИ ЛЮДЕЙ, ЧЬИ КОРНИ БЫЛИ В ДРЕВНИХ, ПЛОХО СОСТАВЛЕННЫХ ДОГОВОРАХ, КОТОРЫЕ ПОДПИСАЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЕЩЕ БОЛЕЕ ДРЕВНИХ ВОЙН. ТАКИМ ОБРАЗОМ, МОЖНО БЫЛО БЫ ВЕРНУТЬСЯ ДО ВОЙНЫ, КОТОРАЯ ОПУСТОШИЛА ЗЕМЛЮ ЗА ТЫСЯЧУ ЛЕТ ДО РОЖДЕНИЯ КОРСОНА И КОТОРАЯ ВЫВЕЛА ЛЮДЕЙ К ЗВЕЗДАМ, ЗАСТАВИВ ВРЕМЕННО ПОКИНУТЬ РОДНУЮ ПЛАНЕТУ. И ДАЖЕ ЕЩЕ ДАЛЬШЕ, К

ПЕРВОЙ ИЗ ВСЕХ БИТВ, ДО КАМНЯ, ЗАНЕСЕННОГО ОДНИМ ПИТЕКАНТРОПОМ НАД ДРУГИМ.

ТАК ЖЕ БЫЛО И С ИСТОРИЕЙ ДРУГИХ ВИДОВ. ПОЧТИ СО ВСЕМИ. С ТЕМИ, КТО БЫЛ СЕЙЧАС НА ЭРГИСТАЛЕ.

МЫ ЧАСТО ЗАДУМЫВАЛИСЬ, РАДИ ЧЕГО ВОЮЕМ, НО ПОЧТИ НИКОГДА НЕ ДУМАЛИ, ПОЧЕМУ ВЫЗЫВАЕМ ВОЙНУ. ИСТОРИЯ ЗАРАЖЕНА. МЫ — МУРАВЬИ, СРАЖАЮЩИЕСЯ МЕЖДУ СОБОЙ ПО ПРИЧИНАМ, КОТОРЫЕ КАЖУТСЯ НАМ ОЧЕВИДНЫМИ, НО НА САМОМ ДЕЛЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О НАШЕМ НЕВЕЖЕСТВЕ. ЭРГИСТАЛ — ЭТО ЛАБОРАТОРИЯ ВОЙНЫ.

— Третья функция Эргистала, — сказал голос, — это сохранить войны. Война — одна из жизненных потребностей, она составляет часть нашего наследия. Возможно, нам потребуется ее техника. Что-нибудь может явиться извне Вселенной. Эргистал — это фронт и в то же время — защитный вал.

Внезапно голос напрягся, а может, в нем зазвучала грусть. Корсон попытался представить это ИЗВНЕ, но такая чистая абстракция была ему недоступна. Непроницаемая темнота. Невремя. Непространство. Ничто, а может, что-то другое. «Если бы я был числом „один“, — подумал Корсон, — разве смог бы я представить последнее из всех чисел?»

— Искоренить войну, — продолжал голос. — Познать войну. Сохранить войну. Мы оставляем выбор тебе. Ты будешь выслан на Урию для решения проблемы. Если тебе не повезет, ты вернешься сюда. Если решишь ее, будешь свободен и перестанешь быть военным преступником. Но прежде всего ты сделаешь шаг вперед.

Воздух вокруг Корсона сгустился, материализовались стены. Он лежал в длинном ящике с металлическими стенами. Гроб... железный гроб.

Или банка консервов.

— Эй! — крикнул Корсон. — Дайте мне оружие.

— У тебя есть мозг, — сурово ответил голос. — И ты получишь необходимую помощь.

— Служба безопасности... — начал Корсон.

— Мы не имеем с ней ничего общего, — парировал голос. — Кроме того, они следят за веками только в Тройном Рое, в одной Галактике.

«Короче говоря, — подумал Корсон, прежде чем провалиться в темноту, — горсть праха...»

22

Минос, легендарный судья мертвых. Трибунал, решение которого нельзя обжаловать. Корсон грезил на грани сознания, переваривая то, что услышал. «Антонелла... Проклятые пацифисты у вершины времен, неспособные сами сделать свою работу! Мы пешки в их руках. Тираны... Я падаю и мечусь, проскальзывая между ячейками сети существования, брошенной рукой какого-то бога. „Делай что хочешь, — решил бог, — но прекрати этот шум войны, который мешает мне спать“.

Сеть была соткана из человеческих тел. Каждый узел был человеком, и каждый из них держал руками щиколотки двух других людей, и так до бесконечности... Эти нагие люди держались, выкрикивали проклятия, пробовали вырваться, кусаться. Время от времени кто-нибудь из них не выдерживал и вскоре исчезал в бездне. Возникшая дыра быстро закрывалась, а Корсон, как невидимая рыба, проплывал между расставленными конечностями...

Ему снилось, что он проснулся и блуждает по огромному прекрасному городу. Его башни стремились к небу не как мачты, а скорее как деревья, разветвляясь и делясь, чтобы их причесывал ветер. Улицы, похожие на лианы, висели над пропастью.

Сердце Корсона сжимала тревога, причины которой он не знал. Потом он вспомнил, зачем он здесь. Коробочка, висевшая у него на шее, была машиной для путешествий во времени. На запястьях обеих рук у него были часы, точнее хронометры, сконструированные

с небывалой точностью, ибо было крайне важно, чтобы он мог читать время и оставаться его господином. На стекле каждого хронометра была нарисована, а может выгравирована, тонкая красная линия, точно указывающая час, минуту и секунду. Он знал, что это была за секунда. По положению большой стрелки он мог прочесть, что, прежде чем она достигнет красной линии, пройдет больше пяти минут. И на часах машины времени мигали цифры. Они отсчитывали минуты, секунды, доли секунд и говорили то же самое. Он знал, что машина настроена так, чтобы выслать его в прошлое или будущее сразу, как только большая стрелка достигнет красной линии.

Красная линия... Сейчас произойдет что-то ужасное. Однако в городе все было спокойно, никто еще ни о чем не подозревал. По мере того как страх охватывал все его существо, Корсон думал, как дожидаться критической минуты и не закричать.

В городе все было спокойно. Подвешенные улицы и шпили башен слегка покачивались от ветра. Какая-то женщина теребила гладкую табличку, украшавшую ее шею. В саду какой-то скульптор высекал статую прямо из пространства. Дети пели и бросали в воздух цветные шары, которые потом лениво падали на землю.

Через неполные две минуты город будет уничтожен атомным мечом, который уже в пути, рычит в верхних слоях атмосферы и оставляет за собой стон рассекаемого пространства. Корсон не верил в реальность этой угрозы, и все же точное время ее исполнения было выгравировано на стеклах обоих часов. Он знал, что уцелеет, а от города останется всего лишь воспоминание. Он не увидит пламени тысячи солнц и падения тающих как воск башен, он не увидит, как разбуженная в сердце земли лава зальет огромные территории, и тела людей испарятся, не успев сгореть, и, наконец, гораздо позднее он не услышит крика разорванного воздуха. Город останется в его памяти таким, каким он был, вырванным из времени. Его уничтожение будет для него только далеким историческим и абстрактным событием.

Однако он боялся, что может произойти нечто, от чего его не спасет даже машина времени.

ЭТО пришло внезапно. Только что город был спокоен, и вдруг женщина завывала, сильно дернула за цепочку, та лопнула, и она далеко отбросила табличку из полированного металла. Дети плача разбежались кто куда. Крик, поднявшийся над городом, обрушился на пришельца. Крик этот родился в миллионах грудей, вырвался из миллионов уст, и в нем не было уже ничего человеческого.

Корсон слушал, как кричит город, и ему захотелось зажать уши и убежать, но сил не было. Теперь он вспомнил. Жители этого города умели предвидеть будущее, вырывать у него несколько мгновений и познавать ближайшие события.

Они узнали, что упадут бомбы, и будут теперь кричать, пока они не упадут. Они почувствовали огонь, ослепительный свет и бесконечную ночь.

А он, чужой, погруженный в сон, знал, что не сможет ничего сделать, что нет времени предупредить их. Не осталось времени сказать им об их смерти, прежде чем их уведомит об этом внутреннее око. Он не увидит, как умрет город, но будет слышать его крик.

Большая стрелка почти совпала с тонкой красной линией, но чужаку последние секунды показались бесконечными. Его вдруг охватило беспокойство: а может, коробочка на груди не была машиной времени? Может, он был жителем города, обреченного на гибель?

Он открыл рот, и в ту же секунду машина сработала. Он был спасен. Один-единственный из всех.

Теперь он был в другом месте, и здесь была тишина. Он попытался вспомнить. Один раз он уже видел такой сон. На запястьях обеих его рук самые точные часы отсчитывали приближение конца. Он был хозяином времени. На его глазах низкий город, рассеченный каналами, разрастался по берегам фиолетового моря.

Он закричал в тишине, нарушаемой только криками птиц, и вдалеке кто-то обернулся к нему, ничего не понимая.

Темнота и шесть металлических стен, едва позволяющих шевельнуть руками. Он лежал на спине. Гравитация была примерно такой же, как на Земле, и он не боялся.

Что было сил он надавил на крышку ящика, но ничего не произошло. А потом кто-то или что-то царапнуло металл, и вдоль одной из граней появилась блестящая полоса. Секундой позже ящик открылся, и Корсон, ослепленный ярким светом, попробовал сесть.

Воздух был насыщен запахом хлора — он попал в руки уриан. По мере того как его глаза привыкали к свету, он начал различать три склоненные над ним фигуры, слегка похожие на человеческие, три роговых клюва, три маленькие головки, худые и длинные шеи, высохшие руки и массивные туловища с выступающими грудными клетками.

Стоило облететь Вселенную, чтобы закончить жизнь подопытным кроликом под ножом какого-нибудь урианина!

— Не бойся, человек Корсон, — пропищал один из уриан.

В конце концов Корсону удалось сесть.

Он находился в обширном зале, задрапированном шелками, без окон и видимых дверей. Зал довольно точно походил на урианские жилища, как их представляли на Земле в период войны.

ВСЕГДА ЛИ БОГИ ВОЙНЫ ВЫДАЮТ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ИХ ВРАГАМ?

Один из уриан, явно старше других, сидел на чем-то вроде трона, который напомнил Корсону насест. Уриане происходили от эволюционной ветви, которую на Земле сравнивали с птицами. Они и внешне были чем-то похожи на них, и это же подтверждало вскрытие трупов (по официальной версии), которые попадали в руки землян. Кора их мозга была относительно плохо развита, и среди землян бытовали многочисленные анекдоты на эту тему, однако Корсон не был склонен им верить. Он знал, что даже на Земле некоторые птицы, ворон например, проявляют удивительную сообразительность. Кроме того, он слишком хорошо знал, чем грозит людям проницательность Князей Урии. Основная часть человеческого мозга предназначена для расшифровки и анализа наблюдений, а над абстракциями работает относительно небольшая доля. Уриане не затрудняли себя наблюдениями и анализом полученной информации, и этим они в большой мере отличались от людей. Острота зрения у них была в принципе много лучше, чем у людей, но способность к распознаванию цветов была гораздо слабее. Их слух был настолько плох, что их музыка была просто хаотическим набором звуков. У них было недоразвито осязание в связи с формой хватательных органов — скорее когтей, чем рук. Зато они проявляли большую склонность к абстрактному мышлению и философским дискуссиям. Короче говоря, если бы их знал Кондильяк, он отбросил бы сенсуалистическую гипотезу.

— Нам прислали человека, — не скрывая презрения, сказал старый урианин.

Корсон начал осторожно подниматься.

— Прежде чем ты решишь совершить действия, направленные против нас, — продолжал старый урианин, — я должен ознакомить тебя с некоторыми фактами. Не потому, что мы боимся тебя, — тут он указал на три оружейных ствола, направленных на Корсона, — но потому, что мы дорого заплатили за тебя и не хотели бы тебе навредить.

Он встал и налил себе большой стакан хлорной воды. Во времена Корсона любовь уриан к хлору была еще одной неисчерпаемой темой для острот.

— Ты военный преступник и не можешь покинуть эту планету без риска быть осужденным своими же сородичами. Даже на этой планете ты быстро поймешь, что это обвинение весьма ограничивает твои возможности. Иными словами, ты вынужден быть с нами и рассчитывать только на нас. У тебя нет выбора.

Он помолчал, давая Корсону время осознать его слова, потом продолжил:

— Нам нужен специалист по военным вопросам. Тебя мы за высокую цену купили у посредников, зная которых тебе необязательно.

Он подошел к Корсону походкой, делавшей его похожим на огромную утку, одетую в

богатый наряд и к тому же смертельно опасную.

— Меня зовут Нгал Р'нда. Ты можешь запомнить это имя, человек Корсон, ибо я не собираюсь отречься от него или подвергать себя опасности. Ты, единственный из людей, узнаешь, кто я такой на самом деле. Для твоих сородичей я мирно настроенный Нгал Р'нда, слегка разочарованный старец, заигрывающий с музами. Для них, — он широким жестом указал на своих товарищей, — я настоящий Нгал Р'нда, единственный потомок древнего рода Князей Урии, вылупившийся из Голубого Яйца. Ты даже не можешь представить, человек Корсон, что значило когда-то Яйцо в Голубой Скорлупе, и тем более того, что значит оно сейчас для горстки верных. Более шести тысяч лет назад на Урии царили Князья Голубой Скорлупы. Увы! На кораблях, полных лжи, прибыли люди, и вскоре началась война. Долгая и страшная война, в которой Земля едва не пала под клювом Урии. Но никто ее не выиграл, а Князья Урии проиграли. Бойня и истребление сменились ублюдочным миром. Люди и уриане в знак доброй воли пошли на взаимные уступки. Однако оказалось, что уриане не могли жить на Земле и поэтому отказались от своих привилегий. Зато земляне процветали на Урии, и вскоре бывшие заложники стали владыками. Их потомство было многочисленнее потомства уриан. Кроме того, они взяли на себя решение проблем, недостойных Князей Урии, занятых высшими материями. Таким-то образом Князья Урии проиграли войну, которую люди не выиграли и в которой уриане не потерпели поражения. Предательство, отвратительное предательство было тому виной. И случилось худшее. Общество Урии, потрясенное войной, а затем унижительным контактом с людьми, отвернулось от культа Голубого Яйца. Распространились легенды о мнимом равноправии, и уриане потеряли свою гордость. Они жили, дюйм за дюймом уступая людям свою землю.

Прошли века и тысячелетия, но чистейший пух Урии — земляне говорят «цвет нации» — ничего не забыл. Может быть, пришло время сбросить ярмо. Судя по тому, что мы знаем, Галактический Совет не сможет вмешаться в наши дела еще век или два. Это больше, чем потребуется, чтобы восстановить флот и начать освободительную войну. Но прежде мы должны завоевать эту планету — нашу планету! — и прогнать с нее людей.

Он замолчал, внимательно глядя на Корсона глазами с двойными веками. Тот даже не дрогнул.

— И в этот момент в акцию включаешься ты. Мы забыли, как ведется война. Теорию мы помним, а вот с практикой у нас плохо. У нас есть мощное оружие, то самое, которое прозорливые Князья Урии спрятали внутри планеты шесть тысяч лет назад. Но нам нужен советник, который благодаря своему хитрому и самонадеянному разуму, сможет сказать нам, когда и где ударить. Этим советником станешь ты. Не думай, что я недооцениваю людей — я их презираю, а это совсем другое дело. В глубокие ночи своих размышлений я решил: употреби против людей самое лучшее оружие — человека.

Не протестуй, человек Корсон. Тебе выгоднее принять нашу сторону. Ты осужден и отброшен своими сородичами, среди них тебе нет места. Если же ты будешь служить Голубому Яйцу Урии, то будешь свободен так же, как вылупившийся из яйца урианин, и сможешь распоряжаться человеческими невольниками. Если ты собираешься противопоставить себя нам, человек Корсон, это ни к чему не приведет. В запрещенных науках мы большие специалисты и не забыли ничего из опытов, проведенных шесть тысяч лет назад над некоторыми из вас. Но боюсь, что тогда ты перестанешь быть собой. Кроме того, ты не являешься незаменимым, человек Корсон. В наши дни идет большая торговля людьми войны. На многих планетах живут существа, стремящиеся к ликвидации опеки Совета и за высокую цену покупающие наемников. А те обычно думают только о мести. Ненависть к собственному виду усиливает их талант. Надеюсь, человек Корсон, что те, кто доставил тебя к нам, не ошиблись, оценивая твой талант. Ты стоишь на дороге, которая ведет только в одном направлении — сражаться на нашей стороне и победить для нас.

— Понимаю, — сказал Корсон.

У уриан была репутация болтунов, и этот не был исключением. Но Корсон не получил единственной информации, в которой нуждался: даты. Вернулся он до или после своего

первого визита на Урию? Существовала ли эта опасность одновременно с двумя другими: Бестией, бродившей по джунглям Урии, и безумными планами Верана? Не существовал ли принцип равновесия, согласно которому катастрофу можно было отсрочить, но нельзя отвести?

И это имя — Нгал Р'нда. Флория Ван Нелл упоминала его. «Нгал Р'нда — один из лучших моих друзей». Тогда он не придавал этому значения, но имя запомнил.

Корсон решил не спрашивать о дате. Все равно он не знал года своего первого визита сюда. Однако у него был ориентир.

— В последнее время на Урии встречали дикого гипрона?

— Ты задаешь странные вопросы, человек Корсон. Но это не страшно. Никакого дикого гипрона не встречали на Урии века, а то и тысячелетия.

ЕСТЬ ДВЕ ВОЗМОЖНОСТИ. СЕГОДНЯШНЯЯ СЦЕНА ПРОИСХОДИТ ПЕРЕД МОИМ ПАДЕНИЕМ НА УРИЮ ИЛИ СРАЗУ ПОСЛЕ НЕГО, КОГДА БЕСТИЯ, СКРЫВШИСЬ ПОД ЗЕМЛЮ, ГОТОВИТ СВОЕ ВОСЕМНАДЦАТИТЫСЯЧНОЕ ПОТОМСТВО, ВО ВТОРОМ СЛУЧАЕ ПЕРИОД ВЕГЕТАЦИИ ЗАЙМЕТ ОКОЛО ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ.

— О'кей, — сказал Корсон, пользуясь древней формулой, — ты меня убедил. Я — с вами. У вас есть армия?

— Армия — слишком грубый способ ведения войны.

— А какие способы есть еще?

— Шантаж, убийства, пропаганда.

— Действительно, вы — сама утонченность, — саркастически проговорил Корсон. — Но вам нужна армия.

— Наше оружие, — сказал урианин, — не требует обслуживания. Отсюда я могу стереть с поверхности планеты любой город, любой объект. Тебя, разумеется, тоже.

— В таком случае, зачем я вам нужен?

— Ты скажешь нам, в какие цели нужно стрелять, на какие точки нажимать. Все твои предложения, перед тем как пойти в дело, будут тщательно проанализированы. Твоей обязанностью будет вести переговоры с людьми. Когда до этого дойдет, они слишком сильно возненавидят тебя, чтобы ты решился предать.

— Каковы условия сдачи?

— Для начала должны быть умерщвлены девять из каждых десяти женщин. Плодовитость людей должна оставаться в допустимых пределах. Убийство мужчин ничего бы не дало, ведь один мужчина может оплодотворить многих самок. Но самки — слабое место вашего вида.

— Они не сдадутся так просто, — сказал Корсон, — и будут защищаться, как дьяволы. Если людей прижать слишком сильно, они становятся еще опаснее.

— У них не будет выбора, — сказал урианин.

Корсон скривился.

— Я устал и голоден, — сказал он. — Вы собираетесь начать войну немедленно или есть еще время отдохнуть и подкрепиться? Да и подумать тоже не мешает.

— У нас есть время, — ответил урианин.

По его знаку стражи опустили оружие и подошли к Корсону.

— Заберите нашего союзника, — сказал старый урианин, — и относитесь к нему как подобает. Он стоит больше, чем элемент сто шестьдесят четыре того же веса.

24

Урианин из низшей касты осторожно разбудил Корсона.

— Ты должен подготовиться к церемонии, человек Корсон, — сказал он и проводил его в умывальню, оборудование которой не было приспособлено для нужд людей. Вода сильно пахла хлором, и Корсон пользовался ею очень осторожно, однако сумел умыться и

побриться. Затем урианнин одел его в желтую тунику, похожую на ту, которую носил сам. Хотя ее явно готовили для Корсона, рукава были слишком короткими, а шейф — слишком длинным. Вероятно, портной плохо знал человеческую анатомию.

Урианнин проводил Корсона в столовую, и он поел. Метаболизм людей и уриан различался настолько, что пища одних была ядом для других, и Корсон с недоверием отнесся к тому, что ему подали. Но большая птица успокоила его.

— Будет представление Яйца, человек Корсон, — торжественно ответил урианнин, когда Корсон спросил его о церемонии.

— Какого яйца? — спросил Корсон с набитым ртом.

В первый момент ему показалось, что урианнину стало плохо. Из его клюва понеслось квохтанье, которое могло быть и проклятиями, и ритуальными формулами.

— Благородное Голубое Яйцо Князя, — сказал наконец урианнин, как будто горло его было полно заглавных букв.

— Понимаю, — сказал Корсон.

— До сих пор ни один человек не участвовал в представлении Яйца. Это великое счастье для тебя и большая честь, которую оказывает тебе Князь Р'нда.

Корсон кивнул головой:

— Я понимаю.

— А теперь нам пора идти, — сказал урианнин.

Они оказались в большом эллиптическом зале без окон. С тех пор как он попал в руки уриан, Корсон не видел ни одного окна, ни одного отверстия, ведущего наружу. Вероятно, тайная база находилась глубоко под землей.

В зале, где собралось около сотни уриан, было очень тихо. Толпа расступилась перед Корсоном и его проводником, и они оказались в первом ряду. Участники церемонии носили туники разных цветов и согласно им образовывали группы. Корсон и урианнин из низшей касты были единственными особами в желтых туниках в первых рядах, заполненных урианами, одетыми в фиолетовые одежды. Корсон услышал вокруг себя кудахтанье и без труда сообразил, что высокорожденные соседи возмущены его присутствием. Он повернул голову и посмотрел в глубь зала. За фиолетовыми стояли красные, за ними — оранжевые. В самом конце опускали головы уриане, одетые в желтые туники.

Перед ним, почти у вершины эллипса, замкнутого стенами зала, стоял металлический блок. Стол, или ящик, или алтарь. Корсон содрогнулся.

«Надеюсь, я не буду принесен в жертву, — подумал он. — Ни к чему играть роль молоденькой девушки из исторических повестей». Его опыт говорил, что бояться ему нечего. Уриане не обожествляли покойников и чтили их только символически. Их метафизика — если можно употребить здесь это слово — была направлена исключительно на понятие семьи. Семья считалась бессмертной, а отдельные особи были только ее временными придатками.

В стене за металлическим блоком появилось отверстие, которое постепенно увеличивалось. В зале стало тихо, и вошел Р'нда. Он был в роскошной ярко-голубой металлизированной тоге, край которой тащился по земле. Заняв место позади металлического блока, он повернулся лицом к собравшимся, поднял руки над головой и произнес несколько слов на староурианском языке.

Толпа ответила ему глухим гудением.

«И все же они похожи на нас, — подумал Корсон, — несмотря на разное происхождение. Случайно ли это? А может, разум везде идет одними дорогами?»

Нгал Р'нда вперил свои желтые глаза в Корсона.

— Смотри, человек Земли, смотри на то, чего не видел ни один человек до тебя, — сказал он свистящим голосом.

Металлический ящик открылся, и медленно появилась резная колонна, на которой, удерживаемое тремя золотыми шипами, покоилось огромное голубое яйцо.

Корсон с трудом сдержал смех.

Это было голубое яйцо, из которого вылупился Нгал Р'нда. Скорлупу яйца старательно собрали и склеили. С места, где он находился, Корсон видел швы, из-за них яйцо походило на полированный череп. Нгал Р'нда собирался напомнить верным о своем происхождении. Показывая им Голубое Яйцо, он вспоминал славную историю уриан, удачные походы воинственных Князей Урии. Без Яйца, несмотря на все свои таланты, Нгал Р'нда был бы никем. Яйцо было неопровержимым доказательством его принадлежности к легендарной семье.

Корсон и подумать не мог, что яйцо произведет на него такое сильное впечатление. Он вспомнил, что перед Первой Объединенной Цивилизацией на Старой Земле семьи играли роль, подобную той, которую исполняли сейчас в общественной жизни уриан. Человек чувствовал себя защищенным, если принадлежал к могучей семье. Внезапное уничтожение Первой Объединенной Цивилизации, вызванное войной и углубленное затем рассеянием беглецов среди звезд, привело к тому, что семьи утратили свое значение. Социологи времен первой жизни Корсона считали, что человечество миновало некий исторический этап. Но почему уриане, достигшие такого же уровня, не вышли за пределы стадии общества, основанного на прямом наследовании? С исторической точки зрения, это было парадоксом.

«Решение, — подумал Корсон, — находится передо мной. Уриане — по крайней мере высшие касты — почти с самого начала своей истории практиковали политику безжалостной генетической селекции. Они обнаружили, может, даже эмпирически, что окраска яиц имеет какую-то связь с личными особенностями будущего урианина. И несомненно, было гораздо легче с точки зрения чувств не высиживать или даже просто уничтожить неподвижное яйцо, чем потом покинуть на произвол судьбы или убить хрупкое живое существо. Однако люди и уриане сильно отличаются друг от друга».

— Смотри, человек Земли, — повторил урианин. — Когда я умру, Яйцо будет стерто в порошок, как растерлись Яйца моих предков, а порошок будет смешан с моим пеплом. Вот Яйцо, из которого я вышел и которое разбил своим клювом. Вот Яйцо, которое было колыбелью последнего Князя Урии.

В глубине зала возникло движение. Нгал Р'нда сделал знак, и яйцо исчезло в ящике. Какой-то урианин в желтой тунике с трудом проложил себе дорогу через толпу, толкнул Корсона и склонился перед Нгал Р'нда, пискливо кудахтая.

Нгал Р'нда выслушал его, повернулся к Корсону и сказал на пангале:

— Несколько минут назад отряд вооруженных людей занял позиции в пятидесяти километрах отсюда. Их сопровождают Бестии, гипроны. Они начали возведение укрепленного лагеря. Что это, измена?

«Веран», — подумал Корсон.

— Вам нужна была армия, Князь Урии, — сказал он. — Она прибыла на вашу планету.

25

Они шли сквозь лес.

Корсон почувствовал себя странно, поняв, что через несколько минут вместе с Антонеллой попадет в руки Верана.

Круг замкнулся. Там, внизу, он переживал свою жизнь впервые, еще ничего не зная, а здесь он уже знал продолжение. Тревога, лагерь, бегство под руководством замаскированного незнакомца, путешествие сквозь время и пространство, бессмысленное приземление на планете-мавзолее, галопирование по закоулкам Вселенной. Эргистал, сражения, катастрофа, другая сторона неба, слова бога — и снова Урия. Здесь и сейчас.

Там он вошел и там сейчас входит в лабиринт, тянущийся через всю Вселенную и накладывающийся сам на себя так точно, что он, Корсон, был отделен от своего прошлого лишь толщиной стены.

Лабиринт расстился перед ним, такой же непонятный, как и раньше. Но поскольку он знал, что случится с другим Корсоном — Корсоном из прошлого, та часть лабиринта,

которую он преодолел, обрела смысл. Во время существования первого Корсона он не знал третьей опасности, грозящей Урии, не знал и того, как избежать двух других. Теперь ему кое-что пришло в голову. Будущее откроет перед ним остальное, в этом он не сомневался.

У него было предчувствие, что тот человек из тумана, тот рыцарь в маске ночи, это он сам. Значит, у него есть будущее. Еще раз или даже бесконечное число раз лабиринт належится сам на себя. А он в серии возвращений будет преследовать самого себя, пока не настигнет. И этот Корсон из будущего будет знать новый отрезок лабиринта, поймет наконец его форму и цель и тогда внесет в свою жизнь необходимые поправки.

Он вспомнил слова бога. В далеком будущем они контролировали свое существование, а их предназначение было не обычной нитью, протянутой между рождением и смертью, а тканью и даже более того — многомерной массой, растягивающей пространство. «Боги, — подумал он, — создают Вселенную, создавая самих себя».

Он знал также, что в своем будущем найдет Антонеллу, ибо она помнила, что они уже встречались. И потеряет ее вновь, поскольку она любила его и жалела тогда, на улицах Диото, откуда потом забрала. Корсон подумал, что и он тоже любил и жалел ее, и надеялся, что линии их жизней в конце концов пересекутся. Возможность эта была еще скрыта в складках времени, и он еще должен был создать это будущее. Все сейчас зависело от его поведения. Он должен хорошо выполнить свое задание. Но кем же оно дано? Может, другим Корсоном, еще более удаленным от современности, который решил разогнать собравшиеся над Урией тучи? Мог ли у него быть лучший союзник, чем он сам? Чтобы человек жил завтра, вчерашние загадки должен решить человек прошлого, ничего не знающий о человеке будущего.

Он вспомнил сомнения Нгал Р'нда, и ему показалось, что разговор об этом они вели очень давно, хотя на самом деле прошло всего несколько часов. Князь Урии утверждал, что вообще не нуждается в Веране. Он не верил людям и презирал их до такой степени, что мог слушать, только купив их. По его мнению, у Князей Урии было достаточно оружия. Он показал Корсону шары из серого металла, которые могли вызывать молнии на другом полушарии, и стеклянные орудия, тонкие, как иглы, но способные пробивать горы, и картины, которые, если спроецировать их на небо, могли лишить памяти целые армии. Свистящим голосом он утверждал, что в войне шесть тысяч лет назад Князья Урии проиграли из-за измены, пробравшейся в их ряды, а не из-за слабости. Корсон почти поверил ему. Наверно, и земляне решили, что с них достаточно жертв и сражений. Может, партия свелась вничью. Но благодаря этому теперешний результат стал еще более определенным. Люди с Урии и те большие птицы, которые выступают за мир, не продержатся даже одного дня.

Корсон сказал:

— Вам нужна армия.

Его преследовало зрелище миллионов убитых женщин, миллионов мужчин в неволе, он учитывал необходимость оккупации и с нажимом повторил:

— Вам нужна армия.

Потом добавил:

— Завтра космос будет ваш. Нужен будет флот, специалисты. Сколько вы можете мобилизовать?

Урианин напряженно думал, и Корсон перехватил инициативу:

— Сколько у вас сторонников?

Урианин ответил с удивительной откровенностью, глядя на него плоскими желтыми глазами, усеянными голубыми звездочками:

— Пятьсот, может, тысяча. Но уриане, опозоренные жизнью с людьми в Диото, Сифаре, Нумере и Ридене, пойдут за мной под знаменем Голубого Яйца.

— Вероятно. Сколько их?

— Около тридцати миллионов.

— Так мало?!

Во время давней войны миллиарды уриан угрожали Солнечной Державе. Несомненно, многие из них эмигрировали на другие планеты в период галактического мира. Но Корсон догадывался еще кое о чем. Это была история расы, обреченной на мир, поскольку ужасы войны и поражения слишком глубоко въелись в их гены. Перед ним были ярость и жестокость, профильтрованные долгим упадком.

Существовали люди, обязанные своей неутолимой агрессивностью дурной наследственностью. Они имели на один ген больше и в некотором смысле были монстрами. Общество, по крайней мере когда-то, изолировало их, давая им шанс избежать гибели. Возможно ли, чтобы монстрами в этом смысле были целые виды, обреченные на войну или вымирание? Предназначение людей не было настолько противоречивым, зато у них был шанс, что их психофизическая конституция позволит им жить в мире.

Корсона вдруг поразила мысль: у уриан нет будущего. Потом появилась другая мысль: у войны нет будущего. А он все же должен ее вести.

— Вам нужна армия, — в третий раз повторил он. — Для оккупации, а потом для завоевания космоса. Веран — наемник, и ему можно пообещать битвы и власть в империи. И еще одно. Я говорил о диком гипроне. Скоро на этой планете тысячи бестий будут сеять вокруг себя смерть и опустошение. Как вы с ними справитесь? Как избежите этой опасности на планете, которая вскоре станет вашей? Загляните в архивы, расспросите экспертов. Гипроны могут поспорить с вашим оружием: им достаточно начать прыгать во времени. Только Веран может их выследить и ликвидировать: у него есть прирученные гипроны. Заключите с ним соглашение, а уничтожить его вы всегда успеете. А может, вы боитесь этого старого волка и нескольких сот солдат?

Урианин прикрыл свои двойные веки:

— Ты пойдешь и поговоришь с ним, Корсон. Тебя будут сопровождать два урианина. Если ты попробуешь обмануть меня — умрешь.

Корсон понял, что выиграл.

26

Они шли сквозь лес, и мертвые ветви деревьев, не похожих на земные, хрустели под ногами Корсона. Уриане двигались бесшумно. От своих крылатых предков они унаследовали полые кости. Он мог бы разделаться с ними двумя ударами, но они держали в когтях нацеленное на него оружие, и, кроме того, они были ему нужны.

В его первую ночь на этой планете темнота была такой же непроницаемой, и он так же прислушивался к шорохам леса, пытаясь определить, где затаилась Бестия. Сейчас он имел дело с иной Бестией. Человеком. Вераном.

Они оставили машину подальше от лагеря, надеясь, что в суматохе, вызванной атакой или, точнее, его с Антонеллой бегством, их приближение останется незамеченным. Корсон посмотрел на часы. В этот момент они проходили через лагерь в обществе незнакомца, которым был он сам, и приближались к гипронам. Незнакомец с лицом из мрака седлал одно из животных и помогал Корсону и Антонелле затягивать ремни. А люди и гипроны исчезнут на небе и во времени.

Через минуту...

Его первая ночь на планете. На этот раз он тоже не осмелился зажечь свет, но сейчас у него были контактные линзы, позволяющие видеть в инфракрасном свете. Почва казалась черной, такой же, как небо, лишенное звезд. Стволы деревьев были розовыми, камни — оранжевыми: они отдавали тепло, накопленное за день, и слабо светились. Потом он заметил небольшое светящееся пятно, тихо движущееся в зарослях. Испуганный зверь.

Наконец Корсон почувствовал запах паленой смолы и расплавленного песка. Лагерь был рядом.

«Неужели приближается исторический момент?» — подумал он. На планете многое зависело от исхода этого часа. Согласится ли Веран? Что случится, если люди Верана начнут

стрелять, если он сам будет убит? Союз не будет заключен, и бестии останутся на свободе. Бестии — люди и нелюди.

Будет война. А может, даже две. Между жителями Урии и людьми. Между Урией и Галактическим Советом или Службой безопасности, не важно, как это называется, что-нибудь наверняка есть. Что-нибудь нарушится, царапина пересечет века и потрясет будущее. В этом он был уверен. Не было других причин возвращать его на Урию. Его выслали, чтобы заделать трещину, не сказав ни как это сделать, ни зачем это нужно.

Исторический момент! Место и час, где перекрещивается много линий времени, где он встретил самого себя, не зная об этом, и где сейчас по собственной воле разминул с самим собой. Исторический момент! Как будто кто-то будет об этом помнить! Как будто история соткана из битв, из заключаемых и нарушаемых союзов и договоров! В призрачном спокойствии леса он понял: все, что заслуживало остаться в истории, было антиподом войны. История была тканью, война — ее разрывом, а битвы — яростными шипами, рвущими сукно истории, которое всегда или, по крайней мере, до этого времени восстанавливалось с биологическим упорством. Корсон ощутил себя наследником вечности, ощутил свое единство с миллиардами людей, рожденных и умерших в прошлом, которые из собственных тел соткали огромное полотно истории. Он чувствовал себя ответственным и солидарным с миллиардами людей, которые могли родиться в будущем.

Этот локальный конфликт не был бы даже большой войной. Однако из всех войн не было более важной. Битва, которая бросает миллионы звездолетов друг на друга, имеет значение не большее, чем первая схватка между питекантропами, вооруженными камнями. Все зависит от точки зрения.

Лес стал редеть, впереди замелькали огоньки. Тонкая пурпурная линия, о которой Корсон знал, что она смертельно опасна, делила ночь огненной полосой. Корсон сделал знак, и уриане молча остановились. Он едва слышал их короткое, легкое дыхание. Они договорились, что дальше он пойдет один и один будет говорить с Вераном до заключения первого договора. Но на шее у него висел передатчик, и Корсон не сомневался, что Нгал Р'нда внимательно слушает.

Прерывистая линия исчезла. Корсон заколебался.

Из лагеря донесся спокойный голос:

— Корсон, я знаю, что ты здесь.

Голос Верана. Он двинулся к толстому диску какого-то прожектора. Несмотря на то что и сзади на него было направлено оружие, Корсон изображал равнодушие.

— Итак, ты вернулся. И у тебя было время переодеться.

Голос звучал скорее с иронией, чем со злостью. Веран умел владеть собой.

— А женщину ты поместил в безопасное место?

— Я здесь, — спокойно сказал Корсон.

— Я был уверен, что ты вернешься. Достаточно было патруля, отправленного в будущее. Так же точно я знал, где тебя искать в первый раз. Ведь это ты указал мне это место. Полагаю, у тебя есть веские причины предлагать мне эту базу после поражения на Эргистале и есть что сказать мне. Подойди ближе, я не могу долго держать выключенной свою линию обороны.

Корсон прошел вперед. Позади снова вспыхнула пурпурная линия, и он почувствовал в костях характерную вибрацию.

— Итак, Корсон, что ты можешь мне предложить?

— Союз, — сказал Корсон, — который вам чертовски нужен.

Веран и бровью не повел. Его серые глаза блестели в свете прожекторов. Он выглядел грубо вырубленной статуей, и его люди были ему под стать. Двое из них находились позади Верана, неподвижные, сосредоточенные, несомненно, с пальцами на спусковых крючках небольших бластеров с заостренными стволами и без видимых отверстий в дуле. Их можно было принять за игрушки. Шестеро других встали полукругом, в центре которого оказался Корсон. Они были слишком далеко, чтобы он мог достать кого-нибудь из них отчаянным

прыжком, прежде чем они успеют выстрелить. Они были профессионалами, и это до некоторой степени успокаивало Корсона. Можно было не опасаться, что они выстрелят ни с того ни с сего до того, как прозвучит приказ или возникнет действительная угроза.

Только Веран не носил оружия. Его руки были невидимы за спиной, пальцы правой руки наверняка сжимали запястье левой. Верана будет тяжело победить.

— Я могу тебя убить, — сказал Веран. — И пока не сделал этого только потому, что ты послал то сообщение и вытащил мне проклятый шип из ноги. Я жду объяснений, Корсон.

— Конечно, — сказал Корсон.

— Это было сообщение от тебя или от кого-то другого?

— А от кого еще оно могло быть? — спокойно произнес Корсон.

Сообщение было подписано им, но он не помнил, что отправлял его. Он даже не смог бы адресовать его Верану. Но оно, несомненно, назначало встречу, место, и точное время, и способ покинуть Эргистал в момент, когда ситуация стала для Верана безнадежной. Сообщение, которое он пошлет позднее. Сообщение это может быть частью плана, который он уже начал готовить. Это означало, что в будущем его версия будет более полной и солидной. Версия, которую он, может быть, разовьет сам, когда будет знать — и уметь — много вещей, о существовании которых он пока не подозревает. Но если что-нибудь пойдет не так, если Веран не согласится на союз, сможет ли он выслать сообщение? Поскольку он знал, что сообщение будет, что без него Веран не сможет прибыть на Урию, он должен будет его послать. Но когда это пришло, когда это придет ему в голову? Сейчас или позднее? Послал бы он его, не зная точно, что Веран его получит? Трудно было разрабатывать стратегию или хотя бы теорию войны во времени. Для начала нужен был практический опыт.

— Ты слишком долго думаешь над ответом, — сказал Веран.

— Мне нужно многое сказать, а это место не из лучших.

Веран сделал знак.

— У него нет с собой ни оружия, ни бомбы, — сказал один из солдат. — Только передатчик на шее. Один звук, без изображения.

— Хорошо, — сказал Веран. — Идем.

27

— У каждого человека есть какая-то цель, — сказал Веран, — даже если сам он об этом не знает. Чего я не понимаю, Корсон, так это твоих побудительных причин. Некоторыми движет тщеславие, как в моем случае, другие действуют из страха, третьих подстегивает погоня за деньгами. Но всегда, хорошо идут дела или плохо, их поступки, как стрелы, направлены в эту цель. Однако твоей цели, Корсон, я не вижу. А я этого не люблю. Я не люблю работать с теми, чьих целей не понимаю.

— Допустим, мною движет тщеславие, а еще — страх. При помощи уриан я хочу стать важной персоной и в то же время боюсь. Я человек преследуемый, военный преступник. Так же как и вы, Веран.

— Полковник Веран.

— Как и вы, полковник! Меня не интересует возвращение на Эргистал, не интересуют его бесконечные и нелепые войны. Разве это не логично?

— Ты уверен, — медленно сказал Веран, подчеркивая каждое слово, — что на Эргистале войны не имеют смысла? Что там уже нечего завоевывать?

— У меня такое предчувствие.

— В твоих рассуждениях есть логика. Но когда враг хочет, чтобы ты поверил, будто он совершает некий маневр, он старается привести солидные причины, чтобы обосновать его. Обеспечивает себе отступление — и совершает ошибки. И тогда-то он и попадает в засаду.

— Вы хотите, чтобы я расплакался? Ведь я затерян во времени и пространстве, я — неудачник, выдернутый с Эргистала торговцем невольниками и проданный банде уриан.

— Говори о сообщении! — отрезал Веран.

Корсон уперся руками в стол и попробовал расслабиться.

— Ты утверждаешь, что выслал его с помощью уриан, но я его потерял. Ты можешь вспомнить его содержание?

— Я назначил вам встречу здесь, полковник. Объяснил, как покинуть Эргистал. Потом...

— Точное содержание, Корсон!

Корсон посмотрел на свои руки. Ему показалось, что кровь отливает от ногтей, что пальцы становятся белыми как мел.

— Я забыл, полковник.

— Полагаю, Корсон, ты его просто не знаешь, — медленно сказал Веран. — Мне кажется, ты еще не отправил этого сообщения. Если бы ты работал на кого-то, кто выслал его от твоего имени, ты знал бы содержание. Сообщение это принадлежит твоему будущему, а я не знаю, можно ли верить этому будущему.

— Примем это как гипотезу. Значит, я весьма пригожусь вам в будущем.

— Ты знаешь, что это значит.

Воцарилась тишина. Потом Веран, глядя на Корсона, нервно сказал:

— Я не могу тебя убить. По крайней мере, пока ты не отправишь это сообщение. Впрочем, это меня не беспокоит: я не убиваю ради удовольствия. Жалко, что я не могу нагнать на тебя страха. Этого я не люблю. Я не люблю пользоваться услугами тех, кого не понимаю и кого не могу испугать.

— Пат, — сказал Корсон.

— Пат?

— Это слово связано с игрой в шахматы и означает партию, зашедшую в тупик.

— Я не игрок. Я слишком люблю выигрывать.

— Это не вероятностная игра, скорее стратегическая тренировка.

— Вроде Kriegspiel? С неизвестным фактором времени?

— Нет, — ответил Корсон. — Без фактора времени.

Веран коротко рассмеялся.

— Слишком легко. Это не для меня.

«Меня защищает сообщение, — подумал Корсон, — которое я, вероятно, отправлю, но содержания которого сам еще не знаю и о котором еще час назад вообще ничего не слышал. Я иду по собственным следам, не зная, как избежать ловушки».

— А что произойдет, если я буду убит и не отправлю этого сообщения?

— Тебя беспокоит философский аспект проблемы? Понятия не имею. Может, его пошлет кто-нибудь другой. Или же я никогда ничего не получу, останусь там и дам изрубить себя на куски.

Он широко улыбнулся, и Корсон заметил, что у него нет зубов, вместо них заостренная пластина белого металла.

— Может, уже сейчас я попал в плен или со мной случилось что-нибудь похуже.

— На Эргистале недолго остаются мертвыми.

— И это ты тоже знаешь.

— Я же сказал, что был там.

— Оказаться убитым еще не самый худший вариант, — сказал Веран. — Гораздо страшнее — проиграть битву.

— Но вы же здесь.

— А мне нужно остаться там. Когда жонглируют возможностями, самым главным фактором становится время. Это открывается каждому раньше или позже. Сейчас у меня появился новый шанс, и я хочу его использовать.

— Значит, вы не можете меня убить? — сказал Корсон.

— И очень жалею об этом, — ответил Веран. — Из принципа.

— Вы даже не можете меня задержать. В избранный мной момент я должен буду уйти, чтобы иметь шанс отправить то сообщение.

— Я буду тебя сопровождать, — сказал Веран.

Корсон почувствовал, что его уверенность слабеет.

— Тогда я не пошлю сообщения.

— Я тебя заставлю.

Корсону пришла в голову новая идея:

— А почему бы вам не послать его самому?

Веран покачал головой:

— Не шути со мной, Корсон. Эргистал находится на другом конце Вселенной, и я даже не знал бы, в каком направлении нужно лететь. Без координат, переданных тобой, я никогда не нашел бы эту планету, ищи я хоть миллиард лет. А еще есть теория информации...

— Какая теория?

— Передатчик не может быть собственным приемником, — терпеливо объяснил Веран. — Я не могу дать знак самому себе. Это вызвало бы серию колебаний во времени, и все бы закончилось их подавлением. Исчезло бы расстояние между начальной и конечной точками, а вместе с ним — все, что находится в этом интервале. Потому-то я и не показал тебе текст этого сообщения. Я не потерял его, он у меня под рукой, но я не хочу уменьшать твоих шансов отправить его.

— Вселенная не терпит противоречий, — сказал Корсон.

— Это антропоморфизм. Вселенная стерпит все. Даже математика доказывает, что можно сконструировать противоречивые, взаимоисключающие системы.

— А я считал математику единой, — тихо сказал Корсон. — С точки зрения логики. Гипотеза непрерывности...

— Ты меня удивляешь, Корсон, и своим невежеством, и своими знаниями. Гипотеза непрерывности была опровергнута три тысячи лет назад. Впрочем, она не имеет с этим вопросом ничего общего. Истинно только то, что теория, основанная на бесконечном числе аксиом, всегда содержит в себе противоречие. Тогда она уничтожается, исчезает, возвращается в небытие. Однако это не мешает ей существовать. На бумаге.

«Вот почему, — подумал Корсон, — я двигаюсь по дорогам времени наугад. Мой двойник из будущего не может сказать мне, что я должен делать. И все-таки бывают утечки информации, до меня доходят их крохи, и они помогают мне ориентироваться. Должен существовать какой-то физический порог, ниже которого пертурбация не имеет значения. Если я попробую вырвать у него эту бумагу, заставить будущее...»

— На твоём месте я бы этого не делал, — сказал Веран, словно читая его мысли. — Я тоже не слишком верю в нерегрессивную теорию информации, но никогда не отваживался попробовать.

«Однако в далеком будущем боги не колеблются, — подумал Корсон. — Они играют возможностями, подняв порог до уровня Вселенной. А в этом случае барьеры падают. Вселенная открывается, освобождается, приумножается. Человек перестает быть узником туннеля, соединяющего его рождение со смертью».

— Проснись, Корсон, — резко сказал Веран. — Ты сказал, что эти птицы обладают фантастическим оружием, которое отдадут мне. Еще ты сказал, что без помощи уриан я никогда не найду дикого гипрона. И что взамен им нужен я, опытный вояка, чтобы завоевать для них планету и обезвредить дикого гипрона, прежде чем он размножится и спровоцирует вмешательство Службы безопасности, которая заодно нейтрализует и их самих. Возможно, ты прав. Все это хорошо согласуется, правда?

Внезапно он вытянул руку. Корсон не успел отреагировать. Пальцы наемника коснулись его шеи. Однако Веран не пытался его задушить. Он сорвал с шеи Корсона небольшой передатчик, висевший на цепочке, и быстро спрятал его в маленькую черную коробочку, которую уже давно держал в руке. Корсон рванулся к нему, но Веран отпрянул в сторону.

— Теперь можно поговорить откровенно. Они нас не услышат.

— Тишина их беспокоит, — со страхом и в то же время с облегчением сказал Корсон.

— Ты меня недооцениваешь, дружище, — холодно сказал Веран. — Они по-прежнему слышат наши голоса. Мы говорим о дождях и хорошей погоде, о способах ведения войны и выгодах возможного союза. Наши голоса, ритм нашего диалога, длина пауз, даже наше дыхание были проанализированы. Как ты думаешь, почему мы говорим так долго? В этот момент маленькая машинка развлекает их нашим разговором, может, несколько скучноватым, но тут уж ничего не поделаешь. А сейчас мне не остается ничего иного, как принять новые меры предосторожности. Я подарю тебе новое украшение.

Он не сделал никакого знака, но солдаты крепко взяли Корсона за руки. Чья-то рука схватила его за волосы, так что голова его откинулась назад, и в тот же миг холодный металл коснулся его шеи. Он подумал, что ему хотят перерезать горло. Но зачем им убивать его сейчас, к тому же таким жестоким способом? Может, Веран любит купаться в крови своих жертв?

«Но как же сообщение? — подумал Корсон. — Он ведь сказал, что не может меня убить».

Щелкнул маленький замок — на Корсона надели обруч. Он был широкий, изготовленный из легкого металла, не причинял неудобств.

— Надеюсь, он тебе не мешает, — сказал Веран. — Впрочем, ничего, привыкнешь. Придется тебе поносить его некоторое время, может, даже всю жизнь. Внутри находятся два независимых взрывных устройства. Если ты попробуешь его снять, они взорвутся. И можешь мне поверить, взрыв будет достаточно силен, чтобы вместе с тобой отправить на Эргистал любого, кто окажется поблизости. Если же ты попробуешь использовать против меня или моей армии любое оружие — от дубины до трансфиксера включительно, — обруч впрыснет тебе сильный яд. То же самое произойдет, если ты отдашь кому-то приказ применить оружие против нас. И даже в том случае, если ты ограничишься разработкой плана борьбы со мной. Прелесть этой вещицы в том, что ты сам заставляешь ее работать независимо от времени и пространства. Она реагирует на сознательную агрессию. Ты можешь сколько угодно ненавидеть меня и уничтожать в своих снах хоть сто раз за ночь — это тебе ничем не грозит. Ты можешь сражаться как лев — но не против меня и моих людей. В крайнем случае ты можешь прибегнуть к саботажу — но в этом случае тобой займусь я. Теперь ты видишь, Корсон, что можешь быть моим союзником или сохранять нейтралитет, но врагом моим стать ты не можешь. Если это унижает твое достоинство, утешайся тем, что моя личная охрана носит такие же обручи. — Он удовлетворенно посмотрел на Корсона и улыбнулся: — Ты это имел в виду, говоря о пате?

— Примерно, — признал Корсон. — Но уриане будут удивлены.

— Они меня поймут. Их маленький передатчик тоже был не таким уж невинным. Приняв особый сигнал, он испустит достаточно тепла, чтобы поджарить тебя. Будь они хитрее, воспользовались бы автономным устройством. Выпить хочешь?

— Охотно, — ответил Корсон.

Веран вытащил из ящика стола фляжку и две хрустальные стопки. Наполнил их до половины, подмигнул Корсону и выпил.

— Я бы не хотел, чтобы ты на меня обижался. Я люблю тебя, Корсон, — кроме того, ты мне нужен. Но я не могу тебе верить. Все складывается слишком хорошо, но только потому, что ты здесь есть, был и будешь. А я даже не знаю, что тобой движет. То, что ты мне предлагаешь, Корсон, это измена человечеству. Это означает отдать себя в распоряжение этим фанатичным птицам, которые только и мечтают об уничтожении человека в обмен на собственную безопасность и чрезвычайную власть. Допустим, я могу это принять. Но ты? Ты, Корсон, не похож на предателя человечества. Или, может, я ошибаюсь?

— У меня нет выбора, — ответил Корсон.

— Для человека, действующего под давлением обстоятельств, ты проявляешь исключительную предприимчивость. Тебе удастся убедить птиц заключить со мной союз, и ты сам приходишь договариваться об этом. Более того, для этой цели ты доставляешь меня сюда. Хорошо, допустим, ты сможешь загнать меня в ловушку. Я исчезаю, а ты остаешься

вместе с птицами. Уже сейчас ты предаешь свой вид, выдавая меня существам, которые, с твоей точки зрения, стоят не больше, чем я, и при этом они даже не гуманоиды. И ты знаешь, что тебе придется сделать это еще раз. Это не похоже на тебя. Птицы не отдают себе в этом отчета, поскольку не знают людей и принимают тебя за зверя, за дикого зверя, который будет обкрадывать их гнезда и которого можно приручить или, точнее, укротить. Но я видел тысячи солдат вроде тебя, Корсон. И все они были не способны предать свой вид, свою страну, своего вождя, причем вовсе не из какого-то благородства, хотя все в это верят, а просто подчиняясь воинской дисциплине. Тогда что же? Рассмотрим другой вариант. Ты стараешься спасти человечество. Ты решил, что выгоднее всего, если Урия, а потом и весь этот звездный район будет завоеван человеком, а не этими покрытыми перьями фанатиками. Ты доставляешь меня сюда и предлагаешь мне союз с урианами, поскольку предполагаешь, что он будет непрочен, что раньше или позже я с ними поцапаюсь, и надеешься, что я уничтожу уриан. Может, тогда ты смог бы избавиться от меня? Можешь ничего не отвечать. Было бы бессмысленно просить меня помочь в борьбе с урианами, поскольку есть риск, что я предам. Ты же знаешь, что коалиции часто распадаются.

— Есть еще дикий гипрон, — холодно сказал Корсон.

— Верно, он мне нужен. В то же время, захватив его, я освобожу Урию от второй опасности. Разве я не прав, Корсон?

— Вы принимаете мое предложение?

Веран криво усмехнулся:

— Не раньше, чем обеспечу свою безопасность.

28

На этот раз они двигались за кулисами времени. Корсон разглядывал время с помощью нервной системы гипрона. Отростки гривы животного охватывали его запястья и касались висков, отчего к горлу периодически подкатывала тошнота. Веран, висевший по другую сторону гипрона, потребовал от Корсона, чтобы тот заглянул прямо во время. Он надеялся, что Корсон сможет быть проводником в лабиринте подземного города уриан.

Они ползали по складкам действительности во все еще живой современности. Существо с очень хорошим зрением могло бы заметить движущиеся тени, а если повезет — огромный и страшный призрак. Однако прежде чем оно успело бы моргнуть, они исчезли бы, поглощенные воздушной бездной. А если бы свет был достаточно ярок, чтобы окружить ореолом какую-то деталь, оно увидело бы только плоскую прозрачную фигуру. С современностью гипрон синхронизировался лишь на долю секунды, чтобы Веран и Корсон могли осмотреться. Стены, колонны, мебель были для них как туман, а живые существа или движущиеся предметы оставались невидимыми. Это была вторая сторона медали. Нельзя было подглядывать, не рискуя, что их заметят, или оставаться невидимым, не теряя зрения.

— Жаль, что ты не знаешь этой базы, — сказал Веран.

— Я же просил у вас неделю или две, — запротестовал Корсон.

Веран пожал плечами:

— Есть риск, с которым я считаюсь, и риск, которого я избегаю. Я не буду ждать целую неделю, пока ты вместе с птицами расставишь на моем пути ловушки.

— А если нас заметят?

— Не знаю, может, ничего не случится. Или произойдет пертурбация. Нгал Р'нда может понять, что происходит, и перестанет тебе верить. Или же рискнет ускорить течение событий и начнет атаку гораздо раньше. Мы не должны допустить, чтобы нас заметили. Нельзя вносить в течение истории изменения, которые могут обернуться против нас. Мы пойдем одни, без эскорта, без тяжелого оружия. Используя любое оружие в прошлом, от которого ты зависишь, ты убьешь себя. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Значит, невозможно приготовить ловушку в прошлом?

Веран широко улыбнулся, обнажив металлическую пластину, заменяющую ему зубы.

— Мне достаточно ввести небольшую подпороговую модификацию. Ее не заметят, но я смогу воспользоваться ею в нужный момент. Ты ценный человек, Корсон. Ты указал мне слабое место Нгала Р'нда.

— И я еще должен вас сопровождать?

— Неужели я похож на безумца, который способен оставить тебя за своей спиной? Кроме того, ты знаешь здесь все закоулки.

— Уриане заметят мое отсутствие. Они же нас не слышат.

— Мы могли бы рискнуть и оставить передатчик, но, думаю, в этом случае он может послать какой-нибудь сигнал. Нет, лучше мы будем соблюдать тишину. Кроме того, в той современности мы будем отсутствовать всего несколько секунд. Как по-твоему, сколько лет этой птице?

— Понятия не имею, — поколебавшись, ответил Корсон. — Для своего вида он уже стар. А в мое время уриане жили дольше, чем люди. Думаю, ему сейчас, по крайней мере, двести земных лет, может, двести пятьдесят, если их гериатрия шагнула вперед.

— Мы нырнем, используя аварийный вариант, — сказал довольный Веран. — Благодаря этому они не получают сигналов твоей игрушки.

Сейчас они двигались по аллеям времени. Они проскользнули в подземный город и теперь преодолевали километровую толщу скал. Она была для них не плотнее тумана.

Веран прошептал на ухо Корсону:

— Как его узнать?

— По голубой тунике, — сказал Корсон. — Однако, мне кажется, здесь он бывает довольно редко.

— Это не важно. Когда гипрон на него наткнется, он пойдет за ним до момента рождения. А может, нужно говорить о вылупливании?

На мгновение мелькнула голубая тень, они попытались не терять ее из виду, но она исчезла так быстро, что Корсон с трудом осознал, что это были месяцы и годы, в течение которых Нгал Р'нда играл на планете роль уважаемого и миролюбивого урианина. Они плыли против течения жизни этого существа, как лосось плывет против течения реки. Тень изменила окраску. Нгал Р'нда был молод, и туника Князей Урии еще не покрывала его плечи. Может, он еще не начал обдумывать планы завоеваний? Корсон, впрочем, был уверен в обратном.

Другие голубые тени выныривали из глубин времени — другие Князья, вылупившиеся из Голубых Яиц и тоже мечтавшие о мести. Нгал Р'нда говорил правду — он был последним. Осознание близкого конца заставило его действовать. Князьям, жившим до него, вполне хватало мечты — на действие они решиться так и не смогли.

Нгал Р'нда исчез.

— Он точно родился здесь? — обеспокоенно спросил Веран.

— Понятия не имею, — ответил Корсон, раздраженный тоном наемника. — Но думаю, что да. Он слишком важен, чтобы родиться вдали от святилища своей расы.

И в эту секунду тень, которой был Нгал Р'нда, появилась вновь. Корсон не мог его опознать, но понял это по реакции гипрона.

— Что это за ловушка? — спросил Корсон.

— Увидишь.

Они направлялись к моменту рождения последнего Князя Урии.

«Может, Веран хочет сразу после рождения Князя впрыснуть ему бинарный генетический стабилизатор, — подумал Корсон, — который начнет действовать только через годы? А может, хочет вживить ему датчик размером не больше клетки, в таком месте, где на него не наткнется хирургический нож, который позволит следить за ним всю жизнь? Нет, наемник до этого не додумается».

Гипрон затормозил и остановился. Корсону показалось, что все частицы его тела разбегаются в разные стороны, он с трудом справился с тошнотой.

— Он еще не родился, — сказал Веран.

Глазами гипрона Корсон увидел большой эллиптический зал, похожий на тот, где заседали Князья. Оба наездника затаились в толще камня, скрытые от чужих взглядов, а из стены торчали лишь несколько отростков гривы Бестии.

В полированной стене виднелись ниши, и в каждой из них лежало яйцо. В конце зала, в самой просторной нише, лежало красное яйцо. Корсон мысленно сделал поправку: яйцо казалось красным гипрону, а для человека и урианина было голубым.

Яйцо, из которого вылупился Нгал Р'нда. Ниши были инкубаторами, и никто не смел входить в зал до конца того момента, пока из яйца не вылупился урианин.

— Нужно немного подождать, — сказал Веран, — мы заехали слишком далеко.

Гипрон скользнул к голубому яйцу. Корсон уже адаптировался к восприятию Бестии и почти овладел ее панорамным зрением. Он мог наблюдать за действиями Верана и видел, что наемник направил на голубое яйцо какой-то похожий на оружие инструмент.

— Не уничтожайте его! — невольно крикнул Корсон.

— Идиот, — сухо сказал Веран. — Я его измеряю.

Полковник нервничал. В этот ключевой момент жизни Нгала Р'нда малейшая ошибка могла привести к серьезным изменениям в истории. На лбу Корсона выступили капли пота, сбежали вниз по крыльям носа. Веран играл с огнем. Что будет, если он ошибется? Исчезнут ли они оба? А может, появятся, но в другом отрезке времени?

Голубое яйцо задрожало и раскрылось. Показалась макушка молодого урианина. Он был огромен и казался таким же большим, как яйцо. Потом скорлупа рассыпалась на кусочки, и цыпленок открыл клюв. Сейчас он издаст свой первый писк, которого с нетерпением ждет мать.

К удивлению Корсона, голова урианина была не больше кулака мужчины такого же роста. Однако он знал, что развитие нервной системы Нгала Р'нда далеко от завершения. Намного чаще, чем человеческие дети, уриане рождались преждевременно и не были приспособлены к самостоятельной жизни.

Гипрон вышел из стены и синхронизировался с современностью. Веран схватил пластиковый мешок, собрал в него осколки голубого яйца и вернулся к гипрону. Не теряя времени, он направил своего скакуна под защиту стены и дал сигнал к десинхронизации.

— Конец первой фазы, — пробормотал он сквозь зубы.

В эллиптическом зале раздались первые пискливые крики. Открылась дверь.

— Они заметят исчезновение скорлупы, — сказал Корсон.

— Ты ничего не понял, — пробормотал Веран. — Я доставлю им другую. Если твои слова верны, они хранят только голубую скорлупу, а другие цвета их не интересуют.

Они направились к поверхности. В небольшом скалистом ущелье Веран синхронизировал гипрона. Корсон спустился на землю, и на него снова накатила тошнота.

— Смотри под ноги, — сказал Веран. — Мы в нашем объективном прошлом. Неизвестно, какие изменения вызовет сломанная травинка.

Он открыл мешок и внимательно осмотрел куски скорлупы.

— Это не обычное яйцо, — пробормотал он. — Скорее составленные друг с другом плитки, как кости черепа у человека. Взгляни, четко выделяются линии стыковки.

Он отломил небольшой кусочек скорлупы, поместил его в какой-то аппарат и прильнул глазом к окуляру.

— Пигментация в массе, — заметил он. — Генетическая причуда. Может, это результат систематического скрещивания внутри одного рода. Впрочем, не важно. Я легко найду краску подобного типа, но менее долговечную.

— Вы хотите покрасить яйцо? — удивленно спросил Корсон.

Веран язвительно рассмеялся:

— Дорогой Корсон, твоя глупость неизлечима. Я заменю эту скорлупу другой, обычной, и покрашу именно ее. Для этого я воспользуюсь краской, которую в случае нужды можно будет нейтрализовать. Все могущество Нгала Р'нда основано на особом цвете его яйца. Поэтому он считает, что время от времени его полезно показывать. Чтобы избежать

подмены, никто не остается в зале при вылуплении цыплят. Оставаться запрещено, разве что у тебя есть гипрон. Я не думаю, чтобы эта замена когда-нибудь будет замечена. Чтобы в этом убедиться, я возьму скорлупу урианина, вылупившегося в то же время, что и Нгал Р'нда, и тех же самых размеров. Труднее всего будет подложить ее в течение всего одной секунды, прежде чем кто-либо успеет войти и увидеть нас.

— Но это невозможно! — воскликнул Корсон.

— Есть препараты, десятикратно увеличивающие скорость человеческой реакции. Думаю, ты слышал об этом. Ими пользуются звездолетчики во время боя.

— Они опасны, — сказал Корсон.

— А я и не заставляю тебя их принимать.

Веран перебирал кусочки скорлупы, внимательно их разглядывая, потом задумчиво сказал:

— Пожалуй, лучше обесцветить их и подбросить вместо фальшивой.

Он проделал несколько анализов, после чего распылил по обломкам какой-то аэрозоль. Через несколько секунд голубые осколки побелели.

— По коням! — воскликнул довольный Веран.

Они вновь погрузились в реку времени и довольно быстро добрались до зала, где лежали десятки лопнувших скорлуп. Веран синхронизировал гипрона, начал копать в осколках и нашел наконец почти целую скорлупу. Под струей распылителя она приобрела голубой цвет, и Веран проглотил таблетку.

— Акселератор действует через три минуты, — заметил он. — Десять секунд сверхскорости. Это больше, чем полторы минуты субъективного времени. Больше, чем нужно.

Он повернулся к Корсону и широко улыбнулся:

— Вся прелесть в том, что, если со мной что-нибудь случится, ты не сможешь отсюда выбраться. Представляю, какие рожи будут у уриан, когда они застанут в инкубационном зале одного мертвого человека и одного живого. А еще прирученную Бестию, которых они до сих пор видели только в диком состоянии.

— Мы исчезнем, — сказал Корсон. — Произойдут слишком большие изменения. Вся история этого фрагмента континуума содрогнется.

— Я вижу, ты быстро учишься, — насмешливо сказал Веран. — Но самая большая трудность — вернуться сразу после нашего старта. Я не хочу встретить самого себя.

Корсон содрогнулся.

— Кроме того, — продолжал Веран, — гипрон тоже этого не хочет. Очень трудно заставить его приблизиться к самому себе во времени. Он терпеть этого не может.

«И все же, — подумал Корсон, — я сделал это. Точнее, сделаю. Все законы физики относительны. Это значит, что однажды я пойму механизм времени. Что я отсюда выйду. Что вернется мир, и я найду Антонеллу».

Все произошло так быстро, что Корсон сохранил об этом только отрывочные воспоминания. Тень Верана двигалась так быстро, что пространство, казалось, было полно им, и перемещалось как в калейдоскопе. Голубые осколки скорлупы, ниши, заполненные цыплятами, двери, которые открываются и, вероятно, скрипят, и вдруг как бы запах хлора, хотя было очевидно, что воздух зала не может проникнуть внутрь скафандра, отступление сквозь время, голос Верана, высокий, отрывистый, такой быстрый, что слова было очень трудно понять, пируэт в пространстве, темнота — и опять падение во все стороны Вселенной...

— Конец второй фазы, — сказал Веран.

Ловушка была расставлена. Два или даже два с половиной века пройдут, прежде чем Веран подтолкнет Нгала Р'нда, последнего Князя Урии, Господина Войны, вылупившегося из Голубого Яйца, к его предназначению.

«Время, — подумал Корсон, пока сильные руки освобождали его от ремней, — время — самый терпеливый из богов».

Бестия спала сном младенца. Погребенная в пятистах метрах под поверхностью планеты, наполненная энергией, которой хватило бы, чтобы перевернуть гору, она хотела только спать. Она была поглощена созданием восемнадцати тысяч зародышей, из которых потом возникнут особи ее вида, и это обострило ее чувство опасности. Поэтому она проскользнула сквозь толщи осадков до базальтовой подошвы, где и выдолбила себе гнездо. Легкая радиоактивность скалы поставляла ей дополнительную энергию.

Бестия спала. В своих снах она вспоминала планету, которой никогда не видела, но которая была колыбелью ее вида. Там жизнь была простой и хорошей. Хотя планета эта исчезла более пятисот миллионов лет назад (земных лет, которые не имели никакого значения для Бестии), почти нетронутые образы сцен, пережитых ее далекими предками, передавались ей в мозг наследственной памятью. Сейчас, перед размножением, растущая активность хромосомных цепочек оживляла цвета и выделяла детали.

Бестия сохранила образ расы, создавшей ее род по своему образу и подобию, для которой бестии были чем-то вроде домашних животных, нетребовательных и привязчивых. Если бы люди времен первой жизни Корсона могли увидеть сны Бестии, они нашли бы ответы на многие вопросы. Они никак не могли понять, как бестии, сторонящиеся своих сородичей, могли развить некое подобие культуры и основы языка. Они знали животных антиобщественных или живущих в предобщественной стадии, почти таких же интеллигентных, как, например, дельфины. Но ни один из этих видов не развил настоящего разговорного языка. Согласно тогдашним и с тех времен еще не опровергнутым теориям, возникновение цивилизации и языка требовало определенных условий: создания иерархических орд, умения воспринимать окружающее, использовать различные предметы по назначению (каждое существо, конечности которого являются почти идеальными инструментами, обречено на застой).

Бестия не отвечала этим трем условиям. Она жила в изоляции, была, насколько могли судить люди, почти нечувствительна к окружающему и не имела понятия, как пользоваться даже простейшими инструментами. Но это не говорило о недостатке у нее ума. Можно было склонить ее к использованию довольно сложных машин, но самой ей это вовсе не требовалось. Когти и грива полностью обеспечивали все ее потребности. И все же Бестия могла говорить и даже, по мнению некоторых исследователей, пользоваться символами.

Происхождение бестий было второй неразрешимой проблемой. Во времена первой жизни Корсона экзобиологи уже знали достаточно, чтобы сравнительная эволюция стала точной наукой. Теоретически было возможно, изучая только одно существо, создать полный образ вида, к которому оно принадлежало. Но бестии обладали признаками едва ли не дюжины разных видов. Ни одна среда, возникшая в воображении какого-нибудь экзобиолога, не создала бы такого парадокса. Это была одна из причин, по которым их называли просто бестиями. По мнению одного разочарованного биолога, бестии были единственным известным доказательством существования Бога или, во всяком случае, какого-нибудь божества.

Длинный палец энергии на одну наносекунду коснулся Бестии. Она шевельнулась во сне и жадно проглотила пищу, не заботясь о том, откуда она взялась. Второй контакт, легкий как перышко, почти разбудил ее. А третий — ужаснул. Она умела различать большинство природных источников энергии, но на этот раз источник был искусственным. Что-то — или кто-то — пыталось ее поймать.

С ужасом она поняла, как ошиблась, поглотив энергию первого луча. Она выдала свое убежище. То же самое она сделала со вторым и попыталась умерить свой аппетит, когда пришел третий. Слишком испуганная, чтобы сдержаться, она боялась упустить хотя бы частицу энергии. Когда ее одолевал страх, инстинкт приказывал ей пожирать как можно больше энергии в любой форме. Она уже чувствовала твердые энергетические копыя,

вонзающиеся в ее нежное тело, и начала оплакивать свою судьбу — маленькое, бедное существо, господствующее только над жалким обрывком времени, способное анализировать всего десять элементов окружающего мира одновременно! Она оплакивала восемнадцать тысяч скрытых в ее теле невинных зародышей, которым грозила гибель.

Почти в шести тысячах километров от этого места у приборов сидели огромные птицы. Нейтронный луч, зондирующий толщу планеты, трижды был поглощен в одной и той же точке. Фаза наложенной обратной волны показывала небольшое, но явное расхождение.

— Он там, — сказал обеспокоенный Нгал Р'нда. — Вы уверены, что сможете с ним справиться?

— Абсолютно, — ответил Веран.

Договор заключили без труда, но с выгодой для него. Лагерь был в пределах урианского оружия, но самого Верана это не волновало. В рукаве у него лежал козырной туз. Он повернулся, чтобы отдать несколько приказов.

В пятистах метрах под землей Бестия собиралась с силами. Она чувствовала себя искалеченной. Процесс созревания ее потомства зашел слишком далеко, чтобы она могла перемещаться во времени. Она не сумела бы синхронизировать движения каждой из восемнадцати тысяч малюток, а они в свою очередь приобрели уже достаточную автономию, чтобы мешать своей родительнице. Если угроза станет очевидной, ей придется бросить их на произвол судьбы. Это был один из тех случаев, когда инстинкт самосохранения вступал в противоречие с инстинктом продолжения рода. Если повезет, некоторые из них выживут, но большинству не удастся точно синхронизироваться с современностью. Они внезапно столкнутся с массой материи, эквивалентной их объему. Энергия, освобожденная при этом, будет соответствовать небольшому ядерному взрыву. Это не могло серьезно повредить Бестии, но эмбрионам это грозило смертью.

Возможно, решение было в том, чтобы опуститься еще глубже в толщу планеты. Но Бестия выбрала для своего гнезда довольно удачное место. Близкая к поверхности лава притягивала ее, как огонь камина притягивает кота. В нормальном состоянии Бестия с удовольствием купалась бы в лаве, но сейчас она колебалась. Высокая температура ускорила бы созревание, и тогда она не смогла бы уйти от малюток достаточно далеко и, вероятно, стала бы их первой жертвой.

Рискнуть и выйти на поверхность? К несчастью для Бестии, планету-гигант, где родились ее предки, посещали хищники, для которых они были любимым лакомством. Те тоже умели перемещаться во времени, и, хотя исчезли пятьсот миллионов лет назад, факт этот никак не мог повлиять на поведение Бестии. Ее видовая память не принимала во внимание новых данных. Для Бестии эти пятьсот миллионов лет словно никогда не существовали. Она не знала, что их вид намного пережил своих создателей и первых хозяев и что выживанием они обязаны своей роли домашнего животного.

Итак, поверхность планеты можно было не брать в расчет, время было недоступно, глубины опасны, и Бестия вновь заплакала над своей судьбой.

Неподалеку от себя, всего в нескольких десятках километров, она почувствовала чье-то присутствие. В нормальных условиях ее первой реакцией было бы перемещение во времени, но боязнь потерять малюток подавила страх перед неизвестностью. Присутствие чужого стало более ощутимым, более многочисленным. Приближалось множество существ ее вида. Однако это не обрадовало ее. В прошлом ей самой приходилось заниматься каннибализмом, и она по опыту знала, что бестия в убежище представляет собой желанную добычу. Правда, она не знала, что в таких условиях каннибализм способствовал генетическому обмену и предохранял вид от дегенерации.

Она попыталась укрыться от погони, но безуспешно, и выскочила в атмосферу на вершине лавового выброса. Гипроны Верана предвидели такой, вариант и действовали согласно принятому плану, совершенно чуждом существам их вида. Они выскочили со всех сторон одновременно, окружив отрезок времени, который контролировала Бестия, схватили ее и обездвижили, как тысячи лет назад на Земле делали это дрессированные слоны. Бестия

оказалась в энергетической клетке, еще более мощной, чем клетка на борту «Архимеда». Сначала она расплакалась, потом, видя тщетность своих протестов, позволила забрать себя и вскоре заснула, воскрешая в снах призрачные образы уничтоженной планеты.

30

Корсон наслаждался спокойной жизнью, организованной до мельчайших деталей. По приказу Верана утром и вечером он учился ездить на гипроне и обращаться с оружием. Обучавшие его солдаты, которым, несомненно, поручили и его охрану, не удивлялись, видя у него на шее обруч безопасности, или же просто воздерживались от намеков. Наверняка они пришли к выводу, что Корсон — из личной охраны Верана. Тот, в свою очередь, составлял планы в обществе Нгала Р'нда и урианской аристократии. Он явно завоевал их доверие, и уриане охотно показывали ему экземпляры своего лучшего оружия и знакомили с принципами его действия. Исключительная дисциплина маленькой армии Верана явно произвела на них впечатление. А может, их неизлечимое чувство превосходства не позволяло им вообразить, что человек — их слуга — способен был нарушить договор и причинить им вред. Иногда они, с точки зрения Корсона, проявляли невероятную наивность. Мнимое уважение Верана они принимали за чистую монету. Полковник приказал, чтобы все его люди уступали дорогу любому встреченному урианину, независимо от его положения в обществе. Приказ выполнялся, и это было для уриан лучшим доказательством того, что люди знают свое место и умеют себя вести. По мнению Верана, дела его шли успешно.

Ситуация казалась Корсону не такой уж простой. На его глазах возникала великолепная военная машина. Для Бестии, запертой в клетку, из которой она не могла выбраться, завершался репродуктивный период. Было решено позволить малюткам сожрать ее, ибо в таком возрасте она уже не поддавалась дрессировке. Корсону казалось, что объединенные силы Верана и уриан стремятся к результату, диаметрально противоположному запланированному. Теперь он уже не мог вырваться. Он чувствовал, что эту — одну из самых страшных в истории — военную авантюру он мог бы с тем же успехом наблюдать со стороны. Будущее не давало ему никакого шанса.

Однажды ночью он разглядывал деревья и небо Урии, удивляясь, что активность лагеря до сих пор не была замечена и никто из Диото или другого города не задался вопросом, что здесь происходит.

— Прекрасный вечер, — сказал подошедший Веран.

В зубах он держал короткую сигару, хотя курил довольно редко.

— Нгал Р'нда пригласил меня на ближайшее представление Яйца, — сказал он, выпустив клуб дыма. — Это событие, которого я давно жду. Пора уже избавиться от него.

Корсон не решился ответить.

— Похоже, он с каждым днем доверяет мне все меньше. Он требует назначить точную дату начала военных действий. Этот старый стервятник думает только о войнах и крови. Я не люблю войну. Она требует огромных материальных затрат и губит хороших солдат. Я сражаюсь только тогда, когда нет другого выхода, и уверен, что, когда Нгал Р'нда исчезнет, я договорюсь с властями этой планеты. Забавно, но мне кажется, что их просто нет. Может, ты, Корсон, знаешь что-нибудь об этом?

Корсон промолчал и на этот раз.

— Я так и думал, что ты ничего не знаешь, — резко сказал Веран. — Так вот, я выслал разведку в разные города этой планеты. С ними ничего не случилось, но и узнали они немного. Это обычное неудобство децентрализованных общественных систем. Мне кажется, что эта планета, если не принимать во внимание ограниченной власти Нгала Р'нда, не имеет официального правительства.

— Вам же лучше, — сказал Корсон.

Веран угрюмо взглянул на него:

— Это хуже всего. Как ты себе представляешь переговоры с правительством, которого

нет? — Он задумчиво посмотрел на сигарету. — Но я сказал «кажется», — продолжал он. — Один из моих разведчиков, похитрее прочих, все же принес мне интересные новости. У этой планеты вроде бы есть некая политическая организация, но на редкость оригинально устроенная. Совет этой организации якобы правит на протяжении многих веков и находится в другом веке. Говоря точнее, в трехстах годах от нас. Это самая сумасшедшая история, которую я когда-либо слышал! Править умершими и еще не родившимися!

— Они явно не согласны с вашей концепцией правительства, — тихо сказал Корсон.

— Демократы, да? Может, даже анархисты! Слышал я эти басни. Сократить администрацию людей и систем до минимума. Это никогда не длится долго. Такая система рухнет при первом же вторжении.

— Здесь уже много веков не было никаких войн, — сказал Корсон.

— Что же, пусть вспомнят, что это такое. И еще одно. Я не говорил тебе, Корсон, о другом интересном факте. Один из членов этого Совета — человек.

— Это вовсе не удивительно, — осмелился заметить Корсон.

— Он очень похож на тебя. Думаю, это удивительное совпадение. Может, это кто-то из твоих родственников?

— У меня нет таких высокопоставленных родственников, — ответил Корсон.

— Мой разведчик сам не видел этого человека. Ему не удалось похитить ни один из представляющих его документов. Но он действовал очень решительно. Этот разведчик — специалист по физиогномике. Один шанс на миллион, что он ошибается. Кроме того, он хороший художник, он нарисовал по памяти твой портрет и показывал его своим информаторам. Все, кто видел этого человека, Корсон, опознали тебя. Что ты об этом думаешь?

— Ничего, — честно ответил Корсон.

Веран внимательно посмотрел на него:

— Может быть, ты и не врешь. Нужно бы проверить тебя на детекторе лжи, но тогда ты в лучшем случае станешь идиотом. А идиот не сможет отправить сообщение. К несчастью, ты мне еще нужен. Когда я обо всем узнал, то попробовал сложить два и два, но не получил искомого результата. Сначала я думал, что ты какая-то машина, андроид, но тебя исследовали всеми возможными способами, и эту мысль пришлось отбросить. Я знаю о тебе все, за исключением того, что творится в твоём мозгу. Ты не машина, и родился ты не в пробирке. У тебя способ мышления, отвага и слабости обычного человека. В чем-то старомодного, будто ты вышел из прошлого. Если ты выполняешь какое-то задание, то выполняешь его сам, не забывая при этом выторговать для себя некие гарантии. Например, это чертово сообщение. Почему ты не играешь со мной в открытую, Корсон?

— У меня нет нужных карт.

— Возможно. Но ты сам — туз в чьей-то игре. А ведешь себя так, будто ничего об этом не знаешь.

Веран бросил окурок на землю и раздавил его каблуком.

— Подведем итог, — сказал он. — Эти люди умеют путешествовать во времени. Они скрывают это, но это факт. Без этого правительство, живущее через триста лет, не смогло бы руководить современностью. Они уже знают, что я сделаю, знают, что произойдет, за исключением временной пертурбации. И они ничего не предприняли ни против меня, ни против Нгала Р'нда. Это значит, что для них ситуация еще не созрела. Они чего-то ждут, вот только чего? — Он глубоко вздохнул. — А может, они уже начали действовать? Может, ты член их Совета, выполняющий особое задание?

— Никогда еще не слышал ничего глупее, — сказал Корсон.

Веран отступил на шаг и вынул из кобуры бластер.

— Я могу убить тебя, Корсон. Может, и для меня это будет самоубийством, но ты умрешь первым. Ты никогда не пошлешь этого сообщения, а я никогда не доберусь до этой планеты и, значит, не получу возможности убить тебя, но временная пертурбация будет такова, что и тебе крепко достанется. Ты станешь другим. А что важно для человека? Его

фамилия, внешний вид, хромосомы? А может, воспоминания, опыт, собственная судьба, личность?

Они посмотрели друг на друга, и Веран спрятал оружие.

— Я надеялся тебя напугать. Признаться, не удалось. Трудно испугать человека, который был на Эргистале.

Он улыбнулся:

— В принципе я верю тебе, Корсон. Вероятно, ты тот самый человек, который будет заседать в Совете Урии через триста лет, хотя пока и не знаешь об этом. Пока ты еще не тот человек. В этот момент ты только его лучшая карта. Он сам не мог прибыть, поскольку уже знает, что произошло. Он никому не может верить и потому решил отправить самого себя, пользуясь более ранним периодом своего существования. Поздравляю! Перед тобой светлое будущее, если, конечно, ты доживешь до него.

— Подождите, — сказал Корсон, бледнея. Он сел на землю и обхватил руками голову. Веран наверняка прав. У него есть опыт во временных войнах.

— Круто, а? — сказал Веран. — Может, тебя интересует, почему я тебе все это рассказал? Не гадай. Как только избавлюсь от Нгала Р'нда, отправлю тебя посланцем к этому Совету. Имея под рукой государственного мужа, я его использую. Я говорил тебе, что собираюсь вести переговоры, и попрошу у тебя немного: оборудование, роботов, корабли. Эту планету я оставляю в покое и пальцем ее не трону, даже если мне удастся завоевать всю остальную Галактику.

Корсон поднял голову.

— А как вы избавитесь от Нгала Р'нда? — спросил он.

Веран засмеялся коротко, словно волк взлаял.

— Этого я тебе не скажу. Ты можешь меня опередить. Сам увидишь, когда придет время.

31

В прихожую Зала Представления они вошли нагими. Их подвергли ритуальному омовению, а потом облачили в желтые тоги. Корсону казалось, что невидимые лучи всевозможных детекторов обшаривают его тело, но это только казалось: уриане работали тоньше. Он догадывался, что Веран хочет использовать Представление Яйца, но понятия не имел, каким образом. Наверняка можно было сказать лишь одно — у Верана нет оружия. Уриане слишком хорошо знали человеческую анатомию, чтобы можно было использовать какие-то естественные укрытия. Если бы Веран хотел применить силу, он нанес бы удар во главе своих гипронов. Рискованное дело, поскольку урианам было чем ответить, но союзником наемника было бы время. Нет, в запасе у него наверняка был какой-то отчаянный фортель.

Второй раз прошел Корсон сквозь расступившиеся ряды, а Веран направился к постаменту.

Он долго и внимательно разглядывал металлический алтарь. Свет померк, и через открывшиеся врата вошел Нгал Р'нда. Корсону он показался гордым как никогда. Теперь под его знаменами были два наемника-человека. Несомненно, уже сейчас перед его мысленным взором над дымными развалинами человеческих городов развевались голубые знамена Урии.

Яйцо. Корсон все понял и теперь со страхом и какой-то странной жалостью к последнему Князю Урии и одновременно восхищаясь отвагой Верана следил за каждой деталью церемонии. Он слышал Нгала Р'нда и толпу, отвечавшую ему словами, которые невозможно записать, — это был список имен из какого-то генеалогического древа. Он смотрел на открывающийся ящик, на стоящее на пьедестале Яйцо, похожее на гигантский кусок бирюзы, на вытянутые шеи и двойные веки, моргающие со скоростью крыльев колибри.

Последний Князь Урии открыл клюв, но еще прежде, чем он заговорил, в толпе

возникло какое-то движение. Веран оттолкнул окружавших его аристократов, прыгнул вперед, левой рукой схватил Нгала Р'нда за шею, правой указал на Яйцо и закричал:

— Обманщик! Пекиво! Пекиво!

Корсону не нужен был словарь, чтобы понять, что на языке птиц слово это означает «обманщик».

— Это Яйцо покрашено! — кричал Веран. — Этот негодяй обманул вас. Вот доказательство!

Уриане замерли. Это был тот шанс, подумалось Корсону, на который рассчитывал Веран, поскольку даже урианская аристократия не имела права входить в Зал Представления с оружием. Веран коснулся Яйца ладонью, и в месте прикосновения скорлупа утратила свой лазурный цвет и стала белой как снег.

Корсона осенило. Даже нагой, даже трижды выкупанный и досуха вытертый шершавой тканью, Веран обладал реактивом, щелочным и кислым одновременно.

Пот на ладони.

Реакция на поверхности Яйца продолжалась: молекулярные цепочки распадались одна за другой, краска разлагалась на бесцветные составляющие. Веран не любил оставлять следов.

Из толпы раздался свист. Острые когти схватили Корсона за руки, но он не сопротивлялся. Веран отпустил Нгала Р'нда, который, широко раскрыв клюв, пытался отдышаться. Уриане в фиолетовых тогах бросились на наемника, а тот кричал:

— Я доказал вам, доказал! Яйцо белое! Он обманщик!

Наконец заговорил сам Нгал Р'нда:

— Он лжет! Он сам покрасил его! Я видел это. Теперь он умрет.

— Разбейте Яйцо! — кричал Веран. — Разбейте его! Если я лгу, внутри оно будет голубым. Разбейте Яйцо!

Нгал Р'нда пытался восстановить порядок. Вокруг него уриане стояли стеной, они еще были полны уважения, но уже нахохлились. Вассалы боялись птицы, вылупившейся из Голубого Яйца, а не военного вожды. Князь издал несколько пронзительных нот, Корсон ничего не понял, но жест урианина был ясен:

— Должен ли я разбить Яйцо?

Тишина. Потом раздался всеобщий свист, короткий и безжалостный.

Нгал Р'нда склонил голову:

— Я разобью Яйцо, которое должно было обратиться в прах только после моей смерти. Я, последний Князь Урии, буду единственным из моего древнего рода, кто второй раз в своей жизни разобьет Голубое, хранившее меня когда-то Яйцо.

Он схватил Яйцо когтями, поднял его и разбил о пьедестал. На землю посыпались осколки. Нгал Р'нда схватил один из тех, что остались на цоколе, и поднес к глазам. Потом шагнул назад и опустился на землю.

Тогда какой-то высокопоставленный урианин подошел к нему, схватил его за крап голубой тоги и резко дернул. Тога не разорвалась, но Нгал Р'нда качнулся вперед. Толпа бросилась на него. Корсон почувствовал, что хватка державших его уриан ослабла. Он рванулся вперед и едва не упал. На его глазах слепые от бешенства птицы рвали на куски последнего Князя Урии. Острый запах хлора и аммиака повис в воздухе.

Кто-то коснулся плеча Корсона. Это был Веран.

— Идем, пока они не задали себе вопрос, как я это сделал.

Они неторопливо двинулись к дверям, а яростные крики все не умолкали. Выходя, Веран оглянулся и пожал плечами.

— Вот так гибнут фанатики, — сказал он.

прохожему и спрашивал:

— Какой сейчас год?

Некоторые из них падали в обморок. Другие убегали. Кто-то просто исчезал — вероятно, они умели путешествовать во времени. Но всегда находился кто-нибудь, кто отвечал. Без тени удивления они смотрели на человека, на Бестию и улыбались. Старый человек. Молодой парень. Урианин. Какая-то женщина.

Один вопрос не давал Корсону покоя:

— Вы знаете, кто я?

Они знали. Они были, как вехи, как фонари, расставленные на его дороге, но, когда он пробовал начать разговор, ловко выкручивались, и разговор угасал. Он не мог с ними бороться. За шесть тысяч лет культура прошла большой путь, а он еще был варваром, даже если знал такое, о чем они и не подозревали.

Увидев урианина, он едва не сделал глупость: хотел убежать во время. Но большая птица знаком попросила его успокоиться. Она носила белую тогу, покрытую тонкой вышивкой, и сказала с гримасой, которую Корсон расценил как улыбку:

— Почему ты испугался, сын мой?

Сходство урианина с Нгалом Р'нда поразило Корсона, но он быстро сообразил, что это вызвано преклонным возрастом туземца.

— Мне кажется, я тебя узнаю. Однажды ты вынырнул из небытия. Я был тогда ребенком, едва вылупившимся из яйца. Если не ошибаюсь, я помог тебе умыться и подал завтрак, а потом проводил на какую-то тайную церемонию. С тех пор многое изменилось к лучшему. Я очень рад, что вижу тебя. Что ты хочешь знать?

— Я ищу Совет, — сказал Корсон. — У меня есть для них новости.

— Ты найдешь его на берегу моря, к западу отсюда. Но тебе придется подождать около ста двадцати лет.

— Спасибо, — ответил Корсон. — Мне не нужно ждать. Я путешествую во времени.

— Не сомневаюсь, — сказала птица. — У тебя отличное животное.

— Его зовут Архи, — заметил Корсон. — В память о прошлом.

Он сделал движение, собираясь усестись в седло, но урианин остановил его:

— Надеюсь, ты не в обиде за то, что случилось когда-то. Это был несчастный случай. Тирания рождает насилие, а живые существа — игрушки в руках богов. Ради своего удовольствия боги заставляют их устраивать битвы, вертят ими как хотят. Они любят балеты из огня и смерти. Ты разрешил этот вопрос очень тактично. Кто-нибудь другой спровоцировал бы бойню. Все уриане очень благодарны тебе за это.

— Уриане?.. Вы тоже? — недоверчиво спросил Корсон.

— И старая раса, и люди. Все уриане.

— Все уриане, — задумчиво сказал Корсон. — Это хорошая новость.

— Счастливого пути, сын мой, — сказал старый урианин.

«Таким образом, — подумал Корсон, вглядываясь в поднимающийся с земли туман, — уриане и люди помирились. Это хорошо. Урианам удалось прогнать демонов войны. Их вид вовсе не был обречен, как считалось когда-то».

Он все лучше узнавал планету. Однажды он вышел на пляж, который показался ему знакомым — именно сюда привела его Антонелла. Случайность?

Он решил отправиться туда через Диото. Синхронизировал гипрона над землей и поднял взгляд, разыскивая в небе пирамидальную массу города, что стоял на двух столбах вертикальных рек.

Небо было пусто.

Корсон попытался сориентироваться. Он был уверен — там, на небе, сто пятьдесят лет назад вздымался великолепный город. Теперь от него не осталось и следа.

Он посмотрел вниз, на ущелье, образованное тремя сливающимися долинами, со склонами, поросшими лесом, и дном, покрытым травой. Там было озеро. Чтобы лучше видеть, Корсон прищурился. На середине озера острый гребень рассекал воду, в других

местах короткие волны разбивались о какие-то сооружения, затопленные водой. Под растительностью, покрывавшей берег, он узнал остатки геометрических форм.

Корсон с грустью вспомнил оживление на вертикальных и горизонтальных улицах, рои машин, жужжащих, словно пчелы, магазин, в котором он взял еду, чтобы утолить голод, но не смог заплатить за нее, и даже голос, остановивший его.

Диото был мертв, как и многие другие города, накрытые ураганом войны. Возможно, в глубинах озера лежало тело Флории Ван Нелл, которая помимо своей воли ввела его в этот мир.

Старый урианин лгал. Его улыбка была фальшивой. Война кончилась, люди проиграли ее, их города обратились в руины.

Оставалось только надеяться, что Флория Ван Нелл погибла в неведении. Она не была готова к этой войне, впрочем, как и к любой другой. Если она прожила какое-то время, то только для того, чтобы стать игрушкой в руках наемников Верана или, что еще хуже, добычей безжалостных преемников Нгала Р'нда.

А он, Корсон, проиграл.

Ему пришлось сделать усилие, чтобы сразу не вернуться в прошлое. Он вспомнил сон об уничтоженном у него на глазах городе, о крике людей, которые слишком поздно осознали свою судьбу. Пот выступил у него на лбу. Он не вернется туда — во всяком случае сейчас. Ему назначена встреча в будущем, от нее не отвертеться. Там вместе с Советом, если он выжил, нужно будет подумать и посмотреть, можно ли еще столкнуть тяжелую повозку истории на другую дорогу. А потом будет время вернуться.

Даже если он ничего больше не сможет сделать, он вернется и убьет Верана. Впрочем, нет, если он убьет Верана, то умрет и сам. Обруч вонзит в него свое ядовитое жало. Он не должен даже думать о Веране, иначе убьет себя. А сейчас он не мог себе этого позволить.

Корсон столкнул жажду мести в подсознание, добрал до гипрона и двинулся вперед.

Они двигались медленно, и он впервые заметил, что время — седое. В непроницаемом тумане перепутанных дней и ночей он чувствовал, что теряет власть над гипроном. Он перебирал пальцами отростки гривы, но безрезультатно. Животное, может, уставшее, а может, ведомое чужой волей, стремилось к синхронизации. Сдавшись, Корсон позволил ему выйти в современность.

Шум моря. Медленный и ритмичный шум. Он оказался на длинном пляже, который золотило заходящее солнце. Этот факт поразил Корсона. Обычно гипроны синхронизировались днем, причиной этому был их вечный энергетический голод. Однако сейчас Архи выбрал сумерки.

Корсон широко открыл глаза. Перед ним на песке неподвижно лежали три нагих тела. Он снял шлем и почувствовал тепло воздуха.

Три нагих, может, мертвых тела — вот и все, что осталось от Совета Урии. Один мужчина и две женщины на берегу моря. Выброшенные приливом жертвы страшной катастрофы.

33

Когда Корсон подошел ближе, мужчина шевельнулся. Приподнявшись на локте, он смотрел на пришельца, улыбался и вовсе не казался мертвым.

— А-а, — сказал он. — Вы человек с Эргистала. Я ждал вас.

Корсон с трудом выдавил:

— А Совет...

— Он здесь, — сказал мужчина. — Совет Урии на тысячу лет.

Корсон склонился над ним:

— Вам нужна помощь?

— Не думаю. Садитесь.

— Эти женщины... — сказал Корсон, опускаясь на песок.

— Они в контакте. Не нужно им мешать.

— В контакте?

— У нас много времени. Сейчас отличная погода, верно?

Он порылся в песке, достал хрустальный флакон, откупорил его и подал Корсону.

— Выпей глоток, старина, тебе станет лучше.

Корсон открыл было рот, но не стал возражать. Если этот мужчина считает, что время есть, незачем протестовать. Он глотнул.

Вино было холодное, и он едва не задохнулся.

— Не нравится? — спросил мужчина.

— Я никогда не пил лучшего вина.

— Ну так допивай бутылку. Есть еще другие.

Корсон снял перчатки, чтобы было удобнее пить. Второй глоток разогрел его. Потом он вспомнил, где находится и зачем.

— Вы не голодны? — спросил он. — У меня есть с собой несколько пайков.

— Спасибо, — ответил мужчина. — Я предпочитаю цыпленка, икру или тушеную телятину. Извините, что не предложил вам этого раньше. После такого путешествия вы наверняка проголодались.

Он присел, энергично разгреб песок, и под ним показался большой серебряный контейнер. Подняв крышку, он с удовольствием понюхал содержимое.

— Угощайтесь и ешьте прямо руками. Мы предпочитаем простоту.

— Я видел Диото, — начал Корсон.

— Прекрасный город, — сказал мужчина. — Правда, немного старомодный.

— Он лежит на дне озера. Война уничтожила его.

Мужчина удивленно поднялся на локте и сел.

— Какая война? — Он засмеялся тихо и необидно. — Ну конечно, вы же прибыли из беспокойного периода. Это было для вас шоком. Вы просто не знали.

— Что я должен был знать? — агрессивно спросил Корсон.

— Диото был покинут. Просто-напросто покинут, а вовсе не уничтожен. Он уже не отвечал нашему образу жизни.

Корсон попытался переварить это:

— А как вы живете?

— Как видите. Просто. Мы готовимся... — он заколебался, — к будущему.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь? — спросил Корсон, вытирая руки о песок.

— Нам нужны вы, Корсон. Но не здесь и не сейчас.

— Вы уверены, что у вас есть все? — недоверчиво спрашивал Корсон.

— Разве я похож на человека, которому чего-то не хватает? Одежда? Мы вообще ее не носим.

— Продукты, лекарства? Не думаю, чтобы весь пляж был набит бутылками вина и контейнерами с едой. Что вы будете делать, когда запас кончится?

Мужчина сосредоточенно смотрел на море.

— Действительно, — сказал он, — мне это никогда не приходило в голову. Думаю, что...

Корсон резко прервал его.

— Шевелитесь же! А может, вы спятили или больны? Должен быть какой-то способ, чтобы рыбачить в этом море и охотиться в лесах. Не хотите же вы умереть с голоду.

— Нет, конечно! — ответил мужчина.

Он взглянул на Корсона, потом рывком вскочил с песка. Он был хорошо сложен, мускулист, ростом выше Корсона. Длинные волосы обрамляли его лицо.

— А как по-вашему, откуда взялась эта бутылка? И контейнер с едой?

Корсон тоже встал и смущенно принялся чертить по песку носком ботинка.

— Не знаю.

— Когда у нас кончается вино, мы просим и нам дают еще.

— Ясно, — сказал Корсон. — Вы живете в дюнах, а ужинать приходите на пляж. А там вас ждет прислуга или роботы.

Мужчина покачал головой.

— В дюнах вы не найдете ни дворца, ни хижины, ни прислуги, ни роботов. Сомневаюсь, чтобы в радиусе сорока километров отсюда было хоть одно живое существо. Я вижу, вы не поняли нашего образа жизни. У нас нет другой крыши над головой, кроме неба, и другой постели, кроме песка. Может, вам слишком жарко или холодно? Я могу это исправить.

— Но откуда все это берете? — раздраженно спросил Корсон, отпихивая ногой пустую бутылку.

— Из другой эпохи. Из будущего или прошедшего века, не знаю. Мы решили оставить несколько десятилетий не тронутыми. Это очень приятное место отдыха. Конечно, мы контролируем климат, но в этой эпохе на планете нет ни одной машины. Все, что нам нужно, находится за кулисами времени. Когда мы чего-то хотим, один из нас входит в контакт и просит это. И нам присылают.

— А Диото?

— Какое-то время назад мы заметили, что идем неверным путем, и решили попробовать другой вариант.

— Именно этот? — сказал Корсон.

— Именно этот, — ответил мужчина.

Корсон взглянул на море. Перед ним был обычный закат, но в нем шевелилось нечто, искавшее выхода. В нескольких шагах от берега море плескалось о скалу, как прирученное животное. Невидимое солнце золотило тучи. Машинально Корсон поискал на небе месяц, но его не было. Звезд — их расположение он уже знал — было достаточно, чтобы освещать планету бледным светом.

— Разве это не прекрасно? — спросил мужчина.

— Да, это прекрасно, — признал Корсон.

Он посмотрел в сторону женщин, погруженных в транс, и ему показалось, что он узнает каштановые волосы, линию спины. Он сделал шаг к той, которую принял за Антонеллу. Мужчина удержал его.

— Не нужно им мешать. У них сейчас конференция по вашему вопросу. Они в контакте с Эргисталом.

— Антонелла... — сказал Корсон.

Мужчина повернулся.

— Антонеллы здесь нет. Вы увидите ее позднее.

— Она меня еще не знает, — сказал Корсон.

— Да. — Голос был мягкий и низкий, как будто мужчина жалел, что они коснулись этой темы. — Ей еще предстоит познакомиться с вами.

Воцарилась тишина.

— Не нужно обижаться на нас за это.

Потом он быстро добавил:

— Вы хотите спать или предпочитаете поговорить о наших делах?

— Спать я не хочу, — ответил Корсон. — Сейчас я хотел бы немного подумать.

— Как угодно, — сказал мужчина.

Корсон долго молчал, сидя на песке, уперев локти в колени. Солнце совсем исчезло, и над морем засияли звезды. Воздух был теплый, и вскоре Корсон снял скафандр и ботинки. Он не отважился раздеться полностью, хотя обстановка располагала к этому. Хотелось броситься в воду и плыть, забыв о богах войны. Приливы здесь, вероятно, были небольшие — сказывалось отсутствие спутника. Взволновать море могло только далекое солнце и легкий ветер.

Наконец он заговорил. Сначала еле слышно, будто боясь нарушить равновесие ночи или разбудить врага, но с каждым словом голос его обретал силу.

— Я посол, — сказал он, — посол особого рода. Я был солдатом, преодолел время и слышал богов Эргистала. Я знал, что спокойной жизни Урии угрожают три опасности. Первой было животное, такое же, как то, что принесло меня сюда, но дикое. Вторая заключалась в заговоре, составленном коренными жителями этой планеты против людей. Третья носила имя старого вояки, прибывшего ниоткуда. Он говорил, что я сам привел его на эту планету. Сейчас я представляю его. Кроме того, я свой собственный посол: я хочу очистить Урию от всех опасностей, но у меня нет для этого средств. Я надеялся найти здесь помощь, хотя на Эргистале мне сказали, чтобы я рассчитывал только на себя. По их мнению, ценой успеха я завоюю свободу, а может, и что-то большее. Но я вижу, что это невыполнимое задание.

— Все это я знаю, — сказал мужчина. — Задание уже наполовину выполнено. Для человека из прошлого, Корсон, вы неплохо справляетесь.

— Бестия сидит в клетке, — сказал Корсон, — а заговор уничтожен. Не знаю, смогу ли я сделать что-нибудь еще. Остается Веран, наемник, которого я сейчас представляю. Тот же Веран хочет завоевать Вселенную, — продолжал Корсон, глотнув из бутылки. — Он требует оружия, солдат или роботов, а взамен обещает оставить эту планету в покое. Но я ему не верю. Более того, если Служба безопасности попытается его задержать, начнется война. И вестись она будет на этой планете, поскольку Верана не так-то просто будет изгнать отсюда.

— Вы и есть та самая Служба безопасности, — мягко сказал мужчина, — а в нашем прошлом не было войны.

— Вы считаете, что я... — пробормотал Корсон.

— Вы представитель этой Службы в данном районе, и ваша обязанность — предотвратить грядущую войну.

— Войны не было, — медленно сказал Корсон, — поскольку вы здесь. Это значит, что мне все удалось. Но это противоречит закону нерегрессивной информации.

Мужчина пересыпал песок из ладони в ладонь.

— И да и нет. Это не так просто. Закон нерегрессивной информации — только частный случай.

— Значит, — сказал Корсон, — будущее может вмешиваться в прошлое?

— Одни вмешательства вызывают незначительные изменения, другие опасны, а третьи полезны, по крайней мере с точки зрения просвещенного наблюдателя. Вас, меня или Верана. Контроль времени немного напоминает экологию. Представьте планету, населенную насекомыми, птицами и травоядными животными. Насекомые разрыхляют землю и способствуют росту травы. Птицы поедают насекомых и опыляют растения. Травоядные кормятся травой, а их выделения и трупы служат пищей насекомым и удобряют почву. Так выглядит простейшая экологическая петля. Без всяких опасений вы можете изъять одно насекомое или даже дюжину — и ничего не случится. Вы можете перестрелять птичий выводок или съесть травоядное — и это не подорвет равновесия. Однако если вы уничтожите всех насекомых на достаточно большой площади, птицы покинут эту местность или погибнут от голода. Трава исчезнет в течение нескольких сезонов, и одновременно с ней исчезнут травоядные. Возникнет пустыня. То же самое произойдет, если вы серьезно ослабите любое другое звено цепи. Для каждой точки имеется предел, который может оказаться достаточно высоким. Допустим, мы выпустим на эту планету несколько стай хищников, настолько быстрых, что они смогут атаковать травоядных. Поначалу они потеряются на просторах планеты. Можно будет годами прочесывать равнины и не встретить даже их следа. Но через какое-то время, не встречая врагов, они размножатся до такой степени, что ограничат число травоядных. Первыми пострадают насекомые, потом птицы, потом растительность. Травоядным будет угрожать опасность с двух сторон одновременно. Даже хищники начнут умирать от голода. При благоприятных условиях сложится новое равновесие, весьма отличное от существовавшего вначале. Для обоих видов появятся периоды голода и периоды изобилия. Критический предел будет гораздо ниже, чем в первом случае. Может быть, хватит всего одной пары хищников, чтобы вызвать

непредвиденные последствия. В динамичной экологии значащее существо является не одним из элементов в цепи, а комплексом таких элементов. И процесс нельзя повернуть вспять, он вызывает небольшие, но решающие изменения. Спасаясь от хищников, травоядные увеличат скорость бега — длинные ноги помогут им выжить.

То же самое происходит во времени, с соблюдением всех пропорций. Однако экологические проблемы до смешного просты по сравнению с проблемами времени. Вы можете стереть с поверхности планеты гору или погасить звезду на небе — но в вашем будущем ничего не изменится. Возможно, в некоторых местах можно уничтожить целые цивилизации без особых последствий — с вашей точки зрения, а в другом месте вам достаточно наступить человеку на ногу, чтобы ваше небо и земля содрогнулись. У каждой точки Вселенной есть собственная экология. Абсолютной истории не бывает.

— Тогда как можно что-то предвидеть? — спросил Корсон.

— При помощи расчетов. Их помогает сделать интуиция и опыт. Лучше всего смотреть на вещи сверху, из возможно более удаленного будущего. Всегда легче рассматривать перекрестки, которые могут привести к современности, чем создавать тех, кто сделает будущее. Поэтому боги Эргистала и устанавливают с нами контакт. — Он указал на двух женщин. — Но всего они нам сказать не могут, как не могут вводить в историю пертурбации, которые бы им вредили. Они у заката времени. Все дороги ведут к ним. Для них история почти абсолютна, почти закончена. И потому мы должны сами выполнять свое предназначение.

— Понимаю, — сказал Корсон. — Я тоже чувствую себя пешкой на шахматной доске. Сначала я верил, что двигаюсь свободно, но по мере того, как все лучше видел игру, я понимал, что меня просто передвигают с одного поля на другое.

Поколебавшись немного, он произнес:

— Я думал даже, что игру ведете вы. Что это ваш план.

Мужчина покачал головой:

— Вы ошибались, не мы авторы этого плана.

— Но вы знаете, что случилось со мной.

— В некоторой степени. Для нас вы — неизвестная величина. Вы появились в определенной точке, чтобы разрешить кризис. Мы всегда думали, что это ваш план.

— Мой? — изумился Корсон.

— Ваш. И только ваш.

— Я еще даже не начал обдумывать свой план, — сказал Корсон.

— У вас еще много времени впереди, — ответил мужчина.

— Но он уже выполняется.

— Это значит, что план все-таки возникнет.

— А если мне не удастся? — спросил Корсон.

— Вы ничего не будете об этом знать. И мы — тоже.

Одна из женщин шевельнулась. Она протерла глаза, поднялась, взглянула на Корсона и улыбнулась. Ей было лет тридцать. Мысли ее блуждали где-то далеко.

— С трудом верится, — сказала она. — Знаменитый Корсон среди нас.

— Я еще ничем не прославился, — сухо сказал Корсон.

До последней секунды он еще продолжал надеяться, что это окажется Антонелла.

— Не так резко, Сельма, — вставил мужчина. — Перед ним еще дальняя дорога, и он слегка взволнован.

— Я же его не съем, — ответила Сельма.

— И он нужен всем нам, — добавил мужчина.

— В каком моменте вы находитесь? — спросила Сельма у Корсона.

— Я прибыл как посол... — начал было Корсон, но женщина прервала его:

— Это я знаю. Слышала ваш разговор с Сидом. Меня интересует, в каком месте вы сейчас находитесь.

— Я могу нейтрализовать Верана, не посылая ему того сообщения, поскольку все

считают, что я отвечаю за него. Но, честно говоря, я не смог бы его даже написать, не то что отправить.

— С помощью креодов это очень просто сделать, — сказала Сельма. — Я сделаю это в любое время. И мне кажется, Эргистал согласится на отправку этого сообщения.

— Допустим, вы его не отправите, — сказал мужчина, которого Сельма назвала Сидом. — Кто тогда займется Бестией и Князем Урии? Необходимо продумать все детали. Веран — часть плана, и вы не можете так просто исключить его.

— Этого я и боюсь, — сказал Корсон. — Я думаю, идея позвать его на помощь пришла мне в голову после встречи на Эргистале. Но я еще не уверен в этом. Эта мысль придет мне в голову позднее.

— Для примитива он быстро движется вперед, — заметила Сельма.

Сид нахмурился:

— Корсон не примитив. И он был на Эргистале. Контакта ему было мало.

— Верно, — сказала Сельма. — Я совсем забыла.

Она пустилась бежать вдоль берега.

Корсон подумал вслух:

— Так кто же займется Вераном?

— Вы, — ответил Сид.

— Я не могу напасть на него. Не могу даже задумать что-нибудь против него.

— Обруч!

У Корсона появилась слабая надежда.

— Вы поможете мне снять его?

— Нет, — сказал Сид. — Мы не можем. Веран родился в нашем будущем, и технология его времени превосходит нашу.

— Значит, — сказал Корсон, — выхода нет?

— Есть. Иначе бы вас там не было. Есть, по крайней мере, одна линия правдоподобия — креода, — согласно которой вы довели свой план до конца. Не знаю, осознаете ли вы всю трудность ситуации, но ваше будущее, Корсон, зависит от вас в прямом смысле этого слова.

— Мне кажется, что скорее я от него завишу.

— Это просто другой способ выражения того же самого. Так вот, долгое время люди думали над проблемой непрерывности существования. Является ли человек, проснувшись, тем же самым, который засыпал? Разве сон — не перерыв в непрерывном существовании? И почему некоторые мысли и воспоминания полностью исчезают из памяти, чтобы появиться когда-то потом? Имеем ли мы дело с единством или с наложением существования? Однажды кто-то открыл истину. С момента своего возникновения человек почти ничего не знал о самом себе. Сегодня мы задаем себе почти те же вопросы теми же словами. Сколько возможностей наложилось друг на друга? Что соединяет прошлое, настоящее и будущее каждого существа? Порождает ли детство зрелость или зрелость выковывает детство? Мы не знаем смысла нашего существования, Корсон, и долго еще не будем знать, но должны жить с тем, что знаем.

Вернулась Сельма, вся в водяных брызгах.

— Вам нужно поспать, Корсон, — сказал Сид. — Вы очень устали. И пусть вам приснится ваше будущее.

— Попробую его увидеть, — ответил Корсон.

И лег на песок.

34

Он почувствовал рядом чье-то присутствие, открыл глаза и тут же закрыл их, ослепленный высоко стоящим солнцем. Потом повернулся на бок и попробовал снова заснуть. Однако мешали два назойливых звука: долгие вздохи моря и чье-то легкое дыхание. Он вновь открыл глаза, окончательно проснулся и сел. Рядом с ним на коленях стояла

молодая женщина.

— Антонелла, — сказал он.

Она была в короткой красной тунике.

— Жорж Корсон, — сказала она голосом, в котором слышалось недоверие.

Корсон окинул взглядом пляж. Сид, Сельма и вторая женщина исчезли. Антонелла поднялась и отошла на несколько шагов, как бы смущенная тем, что смотрела на него, пока он спал.

— Вы меня знаете? — спросил он.

— Я никогда вас не видела, но слышала о вас. Это вы должны спасти Урию.

Он взглянул на нее повнимательнее. Она была одета, тогда как те трое ходили нагишом. Несомненно, она прибыла из другой эпохи, где обычаи были еще не такими простыми. Она была моложе Антонеллы из воспоминаний, гораздо моложе, почти ребенок. Он не знал, сколько лет прошло между двумя их встречами. Для него эти годы сократились до нескольких месяцев. Корсон отлично помнил ту Антонеллу. Странно встретить человека, с которым пережил столько приключений, когда он тебя еще не знает. Ему казалось, что женщина, стоящая перед ним, страдает амнезией.

— Вы воевали? — спросила она с ноткой осуждения и в то же время с интересом.

— Да, — ответил Корсон. — Это было неприятно.

Она задумалась.

— Я хотела бы вас спросить... можно?

— Конечно.

Она покраснела.

— Вы уже кого-нибудь убили, Корсон?

«Глупая девчонка!»

— Нет, — ответил он. — Я был инженером и никогда никого не удушил и никому не перерезал горла своими руками, если это вас интересует.

— Я была в этом уверена.

— Но я нажимал кнопки, — продолжал Корсон.

Она не поняла.

— Хотите сигарету? — спросила она, вынув коробочку из складок туники. Он узнал ее.

— Нет, спасибо, — сказал он, хотя и испытывал огромное желание закурить. — Я давно не курю.

Она стала его уговаривать.

— Это настоящий табак, не синтетический.

— Не хочу, — сказал он. — Я бросил курить.

— Как и все люди. Я осталась одна со своей привычкой.

Однако она отложила коробочку в сторону.

«Как я мог ее любить? — задумался Корсон. — Она кажется такой поверхностной, такой пустой. Вопрос возраста, а может, обстоятельств. Когда я начал ее любить?» Он порылся в памяти, и перипетии их совместного приключения поднялись на поверхность сознания, словно пузырьки газа. Шар, попытка вербовки, планета-мавзолей, бегство, короткое пребывание в лагере Верана...

Нет, это было гораздо раньше. Он задумался. Это было, когда он ее поцеловал. Нет, за мгновение до этого. Он подумал тогда, что она одна из самых привлекательных женщин, которых он встречал в своей жизни.

Он полюбил ее, когда из зажигалки выскочил язычок пламени. Он почувствовал гипнотическую ловушку и подумал, что она хочет заставить его говорить, а она хотела только, чтобы он полюбил ее. И это ей удалось. Теперь его не удивлял лукавый ответ, полученный на вопрос, почему она не предвидела, что маневр не удастся. Было ли это обычаем жительниц Диото? Корсон ощутил нарастающий гнев, но быстро успокоился. Во все времена женщины расставляли ловушки мужчинам. Это было одним из законов вида, и женщины не могли нести за это ответственность. «Я мог бы оставить ее в лагере Верана, —

подумал он, — чтобы показать, что у мужчин тоже есть свои методы. Но я этого не сделал». Именно там он по-настоящему полюбил ее: когда она удивила его своим хладнокровием. И потом, на планете-мавзоле, когда она была так ранима и испуганна.

Кроме того, у него не было выбора. Он будет вытаскивать ее — и самого себя — из когтей Верана, а на планете-мавзоле подбросит для них мешок с продуктами. До того момента его роль была определена. Но что дальше? Придется ли ему после отправки сообщения поставлять Верану рекрутов и оборудование, как требовал беглец с Эргистала?

Все это не имело смысла. Почему другой Корсон привел их после бегства на планету-мавзолей? Может, это обязательный контактный пункт, место временного узла? Но Корсон уже начинал ориентироваться в дорогах времени и был почти уверен, что ничего похожего не существует. Когда он проводил спасательную операцию, то с тем же успехом мог привести беглецов сюда, на этот пляж, где заседал Совет Урии, а сам готов был вернуться на Эргистал в любой момент, если бы его пребывание оказалось там необходимым. Он знал, что был там, — и изменился. И научился многим вещам, необходимым для осуществления плана.

Он вспомнил металлическую табличку с текстом, лежавшую на мешке с продуктами перед дверями мавзоля. В тот момент письмо показалось ему непонятным. Он осмотрел карманы скафандра и нашел плакетку, хотя много раз менял одежду. Видимо, он автоматически перекладывал содержимое из кармана в карман.

Буквы были глубоко врезаны в металл:

«Даже пустая упаковка может еще пригодиться. Есть много способов вести войну. Запомни это».

Он тихо свистнул сквозь зубы. Пустые упаковки, пустые оболочки? Разумеется, тут имелись в виду те женщины из мавзоля. Он подумал, что их должны снабжать искусственными индивидуальностями и использовать как роботов. Он думал даже, что они андромиды, но пупок на животе у каждой не оставлял никаких сомнений, что они люди. Они жили — и в то же время не жили, хотя замедленная активность их тел могла создавать видимость жизни. Корсон насчитал их больше миллиона, хотя и не дошел до конца мавзоля. Он его даже не увидел. Это была великолепная потенциальная армия, удовлетворившая бы самые безумные желания Верана. Но это были женщины. Когда Антонелла вошла в лагерь, полковник счел необходимым усилить дисциплину. Он не был до конца уверен в своих людях. Веран не боялся измены из тщеславия или из-за денег, но у физиологии свои законы, и он не рискнул с ними шутить.

Корсон поднес руки к шее. На ней по-прежнему был обруч, такой легкий, что он порой забывал о нем. Крепкий и холодный. Мертвый и более опасный, чем гремучая змея. Однако пока змея спала. Идея воспользоваться полуживыми рекрутами, вероятно, не содержала намека на враждебные намерения.

В этой идее было что-то от методов богов Эргистала. Чтобы избежать неразберихи, следует пользоваться военными преступниками или жертвами какого-либо конфликта. Эти казуисты выбирали меньшее зло. Точнее, они были абсолютными реалистами. Эти женщины были неживыми, как пустые упаковки. Они не могли уже мыслить, творить, действовать, даже просто чувствовать иначе, чем в чисто биологическом смысле. Впрочем, они еще могли рожать, и на это ему еще придется обратить внимание. Снабжение их искусственными индивидуальностями было гораздо меньшим преступлением, чем уничтожение одним нажатием кнопки города, населенного разумными существами. В принципе это не было преступлением, как не была преступлением пересадка органов. Земные хирурги давно разрешили эту проблему, и мертвый продлевал жизнь живому.

— Все хорошо, — сказал он, глядя на Антонеллу.

Она не шевельнулась.

«Слишком молода, — подумал он. — Он как прекрасный цветок, распустившийся в мире, где нет ни болезней, ни страданий. Ничего, она повзрослеет, и тогда я смогу ее полюбить. О Боже, чтобы ее найти, я разберу Эргистал на кусочки. Они не могут держать ее

там вечно, ведь она не совершила никакого преступления».

И это объясняло присутствие Корсона. Антонелла не смогла бы сделать ни того, что сделал он, ни того, что еще нужно было сделать. Этого не смог бы сделать никто из их эпохи: у них не было нужной решимости, они принадлежали другому миру и сражались на другом фронте. К несчастью для них, опасность все еще могла угрожать им, и ликвидацией ее занимались люди, подобные Корсону. «Мы уборщики истории, — подумал он, — ее мусорщики. Мы ходим по колено в крови, чтобы под ногами у наших потомков была чистая земля».

— Вы будете купаться? — спросила девушка.

Он кивнул. Море его отмое. А может, не хватит и целого моря.

35

Когда он вышел из воды, Сид уже вернулся. Корсон под первым подвернувшимся предложением отослал Антонеллу и изложил свой план. Идея была хорошей, хотя некоторые детали следовало еще обдумать. Например, ошейник. Он не знал, как от него избавиться. Может быть, на Эргистале или во время одного из путешествий в будущее. Однако пока это небольшое неудобство оставалось.

Бегство не представляло никакой проблемы. Кроме ошейника Веран снабдил его целым арсеналом разного оружия. Он считал, что может ничего не бояться, и полагал, что каждый свободный мужчина необходим на войне. Один из аппаратов создавал поле, гасившее свет. Модифицировав его, Корсон надеялся расширить радиус действия, кроме того, в аппарат был вмонтирован ультразвуковой локатор, позволявший видеть в темноте. Мешок с продуктами, оставленный на планете-мавзоле, был частью экипировки гипрона. Оставались два скафандра, которые должны были надеть второй Корсон и Антонелла. Корсон считал, что в суматохе, вызванной его вторжением, ему удастся похитить их без особого труда.

Вопреки ожиданиям, Сид совсем не удивился, когда Корсон подошел к самой деликатной детали плана: реанимации полуживых на планете-мавзоле. Или он был бесчувственным человеком, или у него был закаленный характер. Вероятнее всего — второе.

— У меня есть некоторые представления о технике реанимации, — сказал Корсон, — и пересадке искусственной личности, но мне нужна аппаратура и помощь специалиста.

— Думаю, вы найдете все, что нужно, на планете-мавзоле, — сказал Сид. — Ваши коллекционеры наверняка все предусмотрели. А если вам нужен совет, то лучше всего связаться с Эргисталом.

— Как? Кричать во все горло? Может, они постоянно следят за мной?

Сид улыбнулся.

— Вероятно. Но кричать не обязательно. Вы можете связаться с ними с помощью гипрона. Вы совершили путешествие на Эргистал, и дорога эта навсегда осталась в вашей нервной системе. Кроме того, это не столько дорога, сколько способ смотреть на вещи. Эргистал занимает поверхность Вселенной, то есть он повсюду. Поверхность гиперпространства — пространство, число измерений которого на единицу меньше измерений гиперпространства. Это не совсем точно, поскольку число измерений этой Вселенной, возможно, лишь абстракция, но для практических нужд вам ничего другого и не требуется.

— Но как я это сделаю? — беспомощно спросил Корсон.

— Я знаю гипронов хуже вас и никогда не был на Эргистале, но, полагаю, достаточно установить эмпатический контакт, который позволит вам управлять гипроном. Вспомните свое путешествие, а гипрон инстинктивно внесет нужные коррективы. Не забывайте, что у него есть доступ в ваше подсознание.

Сид потер подбородок.

— Заметьте, — продолжал он, — что все началось с гипронов, по крайней мере на этой планете. В эту цепь вероятностей или в иную, соседнюю, вы ввели первого гипрона. Ученые

Урии изучили его потомство и поняли принцип временной трансляции. Затем им удалось привить это свойство людям, сначала в незначительной степени. Я сказал вам, что это не столько способности, сколько способ смотреть на вещи. Нервная система человека не имеет особых свойств, зато обладает способностью приобретать их, а это гораздо важнее. Несколько веков назад, в начале контролируемого нами отрезка времени, люди с Урии могли предвидеть лишь несколько секунд из своего будущего. По непонятным причинам у старых уриан — птиц — это вызывало гораздо большие трудности.

— Это понятно, — сказал Корсон, вспомнив Нгала Р'нда. — Но люди, которых я встретил после прибытия сюда, уже умели это делать. А изучение гипронов началось не так давно.

Сид снова улыбнулся:

— Сколько человек вы встретили?

Корсон задумался.

— Двух, — сказал он, — только двух. Флорию Ван Нелл и Антонеллу.

— Они прибыли из вашего будущего, — сказал Сид. — Затем те, кто обладал необходимыми качествами, вошли в контакт с Эргисталом. Это облегчило нам жизнь.

Он выпрямился и глубоко вздохнул.

— Мы начали передвигаться во времени без гипронов и машин, Корсон. Сейчас нам еще нужен небольшой аппаратик — своего рода карманная память, — но скоро мы научимся обходиться и без него.

— Скоро?

— Завтра — или через сто лет. Не это самое главное. Для того, кто им овладел, время уже не играет роли.

— До того времени умрет много людей.

— Вы тоже однажды уже умерли, не так ли, Корсон? Но это не мешает вам выполнять свое задание.

Корсон замолчал и сосредоточился на своем плане. Подсказки Сида устраняли две трудности: дрессировку гипрона, чтобы он забрал Антонеллу и второго Корсона на Эргистал, и информацию о планете-мавзоле. Раз он был там однажды, то сможет вернуться снова. Для человека было явно невозможно познать положение миллиардов небесных тел, заполняющих этот район Вселенной, не говоря уже об изменении их положения с течением времени. Но он всегда сможет найти дорогу, по которой уже прошел. Точно так же, как не нужно перечитывать все книги, чтобы уметь читать несколько из них.

— Мы могли бы потренировать вас, Корсон, — сказал Сид, роясь в песке, — но это заняло бы много времени, а кроме того, эта линия вероятности довольно зыбка. Лучше вам использовать гипрона. Правда, мы стараемся обходиться без них.

Он вытащил контейнер из гравированного серебра и сказал:

— Вы наверняка проголодались.

36

Корсон провел на пляже три декады, но большую часть времени посвятил разработке плана. По памяти он нарисовал подробный план лагеря Верана. У него будет очень мало времени, чтобы провести двух беглецов к гипронам, и не может быть речи о блуждании в лабиринте палаток. Он также выбрал основные черты искусственной личности, которой снабдит полуживых. Пока он не знал, как доставить их с планеты-мавзолея на Урию, но, когда будут выполнены предыдущие этапы программы, он найдет время подумать и об этом.

Он купался, разговаривал или играл с Антонеллой, принимал участие в заседаниях Совета. На первый взгляд эта работа казалась не слишком тяжелой, но постепенно Корсон осознал всю ответственность, лежащую на Сиде, Сельме и второй женщине, по имени Ана. Случалось, они исчезали то на несколько часов, то на многие дни. Много раз он видел их такими усталыми, что у них не было сил даже разговаривать. Иногда из небытия появлялись

какие-то незнакомцы, просили совета или приносили сообщения. Почти каждый день хотя бы один из членов Совета на долгие часы устанавливал контакт с Эргисталом. Чаще всего это делали женщины. Может, они опередили Сиду в овладении временем? А может, существа с Эргистала предпочитали иметь дело именно с женщинами? Некоторые из этих сеансов производили ужасное впечатление. Однажды Корсон проснулся от воя: это Ана корчилась на песке, похоже, в припадке эпилепсии. Прежде чем он успел что-либо сделать, Сид и Сельма легли по обе стороны Аны и тоже вошли в контакт. Стоны и судороги Аны прекратились через несколько минут. На следующий день Корсон не отважился спросить, что это было.

Поскольку у него было время для размышлений, он думал, какова была история тех шести тысяч лет, которые он перепрыгнул. Однако полученные ответы не слишком его удовлетворяли. Шесть тысяч лет — это огромный отрезок времени, его почти невозможно представить. Столько времени не прошло даже с момента первого выхода человека в космос, еще до рождения Корсона. Наука продвинулась далеко вперед, а жизненное пространство человека увеличилось на целую энциклопедию новых планет. Может, первооткрыватели установили контакт с древними расами из легенд, в миллионы раз более развитыми, чем люди? Ответ на этот вопрос мог быть скорее всего отрицательным. Корсон сомневался, что человечество в состоянии перенести этот шок. Если такие развитые виды воздействовали на эволюцию человечества, то это не были наивные формы агрессии или «мирного сосуществования». Воздействие могло происходить в любой точке реки времени. Что больше всего удивляло Корсона, так это «провинциальный» характер ответов Сиды, Сельмы и Аны. Они немного знали историю Урии и десятка ближайших звезд, однако ничего не могли сказать об истории в масштабах всей Галактики. Даже само понятие галактическая история было им чуждо. Сначала Корсон думал, что эти понятия слишком грандиозны и один человеческий разум не может их охватить. Потом он понял, что понятие «история» означает для них нечто другое. Они понимали ее как наложение ситуаций и кризисов, ни один из которых не был неизбежен, а ход истории повиновался определенным законам. Каталог всех возможных кризисов интересовал их в такой же степени, в какой каталог технических решений интересовал инженера времен Корсона или атлас возможных вирусных изменений клетки — врача, а таблица затмений — астронома. Имелись принципы, объясняющие большую часть конкретных ситуаций. Появление ситуаций, не объяснимых этими принципами, раньше или позже приводило к созданию новой системы принципов. Единственной признаваемой ими историей была История следующих друг за другом наук об истории. Никто из них не специализировался в этой области, а разнородность человеческих и чужих миров в данный момент — если это выражение еще имело смысл — составляла почти полную гамму возможных ситуаций. Галактическая цивилизация была островной цивилизацией. Каждый остров имел собственную историю, собственные правила общественной жизни, а интерференции были относительно малочисленны. Корсон понял, что война была связующим звеном тех планет, которые назывались Солнечной Державой, и тех, что образовывали Империю Урии, а также всех более поздних конфедераций.

Однако оставалась проблема Урии. Корсон хотел знать, была ли Урия ключевой, стратегической планетой, которая благодаря этому привлекла внимание богов Эргистала. Для Сиды проблема эта была лишена смысла, Ана считала, что уриане призваны сыграть особую роль во Вселенной по причине их власти над временем, а по мнению Сельмы, все планеты были одинаково важны, а власть над временем давалась достаточно развитым видам богами Эргистала в тот момент, какой они считали наиболее подходящим. Получив эту информацию, Корсон понял, что не продвинулся вперед ни на шаг.

У него то и дело возникали вопросы. Глядя на Сиду и женщин, Корсон порой задумывался, не сошел ли он с ума. У него было только одно доказательство их власти над временем — частое отсутствие. Они могли обманывать его, сознательно или нет. Но они знали о нем слишком много, знали о его прошлом, об Эргистале. А еще умели перехватывать гипронов, в этом Корсон не сомневался. С его точки зрения, в свободные минуты они вели

себя как нормальные люди. Даже более спокойно, чем те, кого Корсон знал во время войны. Это тоже удивляло его. Люди, принадлежащие к обществу, которое старше твоего на шесть тысяч лет, должны чем-то отличаться. Потом он вспомнил Туре, вырванного из легендарных времен Земли, из стародавнего мира, в котором люди только начали осваивать космос. И тогда он тоже не заметил разницы. А Туре удивительно хорошо приспособился к жизни на Эргистале, который будет создан через миллион или даже миллиард лет после его рождения. Корсон подумал, что миллиард даже более вероятен. Тут Корсон вдруг сделал вывод, что его союзники были разными. Они были сплоченной группой, тогда как его общество знало только индивидуализм и профессиональный коллектив. Особенно тесная связь объединяла Сиду и Сельму, но это не означало, что Ана была лишней, скорее наоборот. Все трое старались щадить Корсона. Жизнь на пляже казалась идиллией, но в то же время исключала интимность.

Интересно, что Антонелла, казалось, оставалась в стороне. Она играла роль гостя в еще большей степени, чем Корсон. Троица не исключала ее из группы и даже поддерживала с ней теплые отношения, однако она казалась инородным телом: у нее не было ни пикантной непосредственности Сельмы, ни беззаботной чувственности Аны. Она была совсем молоденькой и кружила вокруг Корсона, как пчела вокруг куска хлеба с вареньем. Она была с ним реже, чем две остальные женщины, но, нужно отдать ей должное, не устраивала из-за этого сцен ревности. Почти неуловимую, но реальную дистанцию между ней и остальной тройкой Корсон приписывал небольшому жизненному опыту, более ограниченной образованности и факту ее прибытия из другой эпохи. Из какой — он никогда не спрашивал. Ответ был бы ему непонятен из-за отсутствия точки отсчета. Каждый раз, когда он выпрашивал, что она делала прежде, в ответ он получал лишь общие фразы. Казалось, у нее нет воспоминаний, о которых стоит говорить. Корсону было интересно, почему в будущем, встретив его второй раз, она ничего ему не скажет о Сиде, Сельме и Ане, об этой спокойной жизни на пляже. Ответа он не знал. Может, она боялась темпорального столкновения или просто не видела причин говорить об этом. В то время Сид, Сельма и Ана были для нее только именами.

Но сейчас это были настоящие друзья. Корсон не помнил, чтобы в прошлом испытывал к людям такую симпатию. Особенно он любил вечера, когда все собирались и обменивались мнениями. В такие минуты ему казалось, что все трудности позади и они обсуждают события далекого прошлого.

— Не забудь отправить то сообщение, Сельма.

— Можешь считать, что уже отправила, — говорила Сельма.

— И подпиши его моим именем: Жорж Корсон. Этот старый лис Веран знал его, прежде чем меня ему представили. И скажи ему, что на Урии он найдет оружие, рекрутов и гипронов.

— Судя по твоему беспокойству, Корсон, можно подумать, что речь идет о любовном послании.

— Последний раз я видел его на краю большого океана Эргистала, там, где море соединяется с пространством. Надеюсь, этого адреса хватит. Сейчас, когда я об этом думаю, мне кажется, что Веран был в опале. Полагаю, он просто бежал.

— Мы отправим ему на Эргистал сообщение до востребования.

Однажды он объяснил Сельме войсковую систему почтовых секторов, которой пользовались в его время, и склады посылок до востребования, ждущие эскадру год, два или десять, а иногда и вечность. Это были автоматические корабли, они самостоятельно шли в назначенную точку, где и оставались на время, необходимое для приемки корреспонденции. Сельма сочла эту систему абсурдной и комичной одновременно. Она начала злиться, и Корсону пришло в голову, что ожидание сообщения было для нее понятием совершенно неприемлемым. Каждый день она получала вести из эпохи, в которой сама давно уже не существовала.

Потом Корсон обратился к Сиду:

— Ты уверен, что паники в лагере Верана будет достаточно? Что граждане Урии справятся с солдатами и гипронами?

— Абсолютно уверен, — ответил Сид. — Кроме того, ни у кого из солдат Верана нет офицерского звания выше капитана. Как только он будет нейтрализован, остальные прекратят сопротивление.

— Может, все вместе, но не поодиночке. Каждый из них будет сражаться до конца, в каких бы условиях им ни пришлось оказаться.

— Вряд ли они захотят умирать, если ты им предложишь другой вариант. Кроме того, ты недооцениваешь жителей Урии. Конечно, это не ветераны, но, думаю, Веран проиграл бы и без твоего плана. Погибло бы много людей, чего мы и хотим избежать, но в конце концов Веран был бы побежден. Но это уже наше дело.

Мысль об этом наполнила Корсона страхом. Он знал, что люди Верана будут деморализованы исчезновением боевой дисциплины, к которой они были приучены. Однако у них было грозное оружие, и они умели им пользоваться.

— Я хотел бы на это посмотреть, — сказал Корсон.

— Нет, у тебя будет другая миссия, а там тебя могут убить или ранить. Это привело бы к серьезным изменениям.

Сид с самого начала настаивал, чтобы Корсон держался в стороне от возможного поля битвы. Корсон согласился, хотя ничего и не понимал. Он не мог привыкнуть к мысли, что эта битва уже произошла и в каком-то смысле уже выиграна.

Однажды вечером Сид не стал приводить свои обычные аргументы, а просто сказал:

— Надеюсь, ты уже закончил подготовку, дружище. Время идет. Завтра ты должен отправляться.

Корсон задумчиво кивнул.

В тот же вечер он увел Антонеллу в конец пляжа. Она вела себя пассивно, а Корсон помнил ее другой. Она не была ни испуганна, ни страстна, просто уступила ему, хотя триста лет назад на этом же пляже продемонстрировала пылкий темперамент. В одном он был уверен: она не была девушкой. Впрочем, для него это не имело значения. Прижав ее к себе, Корсон заснул.

Наутро он запряг гипрона. Корсону редко удавалось уделять ему внимание, но, к счастью, животное было спокойным и почти не требовало опеки. Корсон много думал, что хорошо бы научиться вступать в контакт с Эргисталом, однако так и не нашел времени заняться этим. Он спросит Антонеллу, если будет нужно. Ему становилось плохо при одном воспоминании о голосе, который он слышал под пурпурными небесами.

Сид был на пляже один. Он подошел к Корсону, когда тот уже готовился сесть в седло.

— Удачи, дружище, — сказал Сид.

Корсон не собирался произносить ответную речь, но и не хотел исчезать молча. Утром, когда он проснулся, Антонеллы не было. Может, она хотела избавить его от прощальной сцены?

— Спасибо, — сказал он. — Желаю вам жить до конца вечности.

Он облизнул губы. Столько нужно сказать, столько спросить! Но время шло. Наконец он задал главный вопрос:

— В тот вечер, когда я появился здесь, ты сказал, что вам нужна медитация. Это для того, чтобы править веками?

— Нет, — сказал Сид. — Путешествие во времени — наименее важный аспект этой проблемы. Мы пробуем привыкнуть к концепции другой жизни, которую называем сверхжизнью. Это... как бы тебе сказать... жить одновременно многими возможностями, может, даже всеми. Существовать одновременно на многих линиях вероятности. Быть сразу многими, оставаясь одним. Подумай, что случится, если каждое существо введет свои модификации в историю. Эти модификации начнут воздействовать друг на друга, породят интерференции, одни — выгодные, другие — нет. Ни один человек не может в одиночку достичь сверхжизни, Корсон! Но чтобы пойти на риск и воздействовать на свою и его

судьбу, нужно этого другого очень хорошо знать. К этому мы и готовимся — Сельма, Ана и я. Перед нами дальняя дорога.

— Вы станете такими же, как те, с Эргистала, — сказал Корсон.

Сид покачал головой:

— Они будут другими, Корсон. Они не будут ни людьми, ни птицами, ни ящерами, ни потомками существующих видов. Они будут всем этим одновременно, точнее, БЫЛИ всем этим. Корсон, мы ничего не знаем об Эргистале. Мы знаем только то, что можем увидеть. Не потому, что нам позволяют увидеть только это, а потому, что больше мы не в состоянии разглядеть. Мы раскрашиваем Эргистал в свои цвета. Они там владеют чем-то, чего мы боимся.

— Смертью? — спросил Корсон.

— О нет, — ответил Сид. — Смерть не пугает тех, кто овладел сверхжизнью. Не страшно умереть один раз, когда остается бесконечность параллельных существований. Но есть нечто такое, что мы называем сверхсмертью. Она заключается в перенесении существования на плоскость теоретической возможности, на исключении со всех линий вероятности. Нужно контролировать все креоды Вселенной, чтобы избежать этого. Нужно перемешать собственные возможности с возможностями целого континуума.

— Ага, — сказал Корсон, — так вот почему они боятся того, что находится ИЗВНЕ, вот почему окружают свой мир защитной стеной войн.

— Возможно, — ответил Сид. — Я никогда там не был. Но мои слова не должны тебя пугать. Возвращайся сюда, как только закончишь.

— Вернусь, — сказал Корсон. — Надеюсь снова увидеть вас.

Сид грустно улыбнулся:

— Корсон, дружище, не очень на это надейся. Но возвращайся скорее. Твое место в Совете Урии. Удачи.

— Прощай! — крикнул Корсон.

И пришпорил гипрона.

Чтобы забрать два космических скафандра, он сделал первый прыжок. Следовало разбить бегство на два этапа. Он решил действовать за минуту до времени, назначенного для бегства. Это позволило ему определить линию обороны и вызвать суматоху, нужную для проведения второго этапа.

Забраться в одну из палаток интендантства не составило большого труда. Как он и ожидал, ночь не ослабила бдительности в лагере Верана. Едва он забрал два скафандра и вернулся к своему гипрону, как зазвучал сигнал тревоги. Палатка, которую он ограбил, находилась на другой стороне сектора, в котором стояла палатка с Антонеллой и вторым Корсоном. Первым делом охрана будет осматривать место происшествия, и у них не останется времени, чтобы вернуться.

Он прыгнул на несколько дней в прошлое, выбрал уединенное место и внимательно осмотрел скафандры. Можно было приступить ко второму этапу. Корсон синхронизировался в нужном месте и поставил гипрона в загородке, предназначенной для животных. В суматохе никто не обратил на него внимания. Одет он был по уставу и вполне мог, например, возвращаться с патрулирования. Корсон включил глушитель света и побежал между палатками лагеря так быстро, как позволяло зыбкое изображение окружающего, создаваемое ультразвуковым локатором. Он прикинул, что должно пройти секунд десять, прежде чем охрана вспомнит о своих приборах. Впрочем, это им мало поможет, ведь они не знают, откуда началась атака. Радиус действия локаторов был ограничен, а интерференция значительно ухудшала картину. Офицеры потратили бы, по крайней мере, минуту, чтобы заставить своих людей выключить лишние аппараты. Этого вполне хватало, если только Антонелла, используя дар ясновидения, убедит Корсона в необходимости сотрудничества. А он уже знал, что это ей удалось.

Все прошло так, как он и предвидел. Он постарался закоптить свой шлем, чтобы ТОТ

Корсон его не узнал и объяснялся только знаками. Ни к чему было вводить в разум того Корсона дополнительные усложняющие сведения.

Сначала они мчались в пространстве, потом прыгнули во времени. Корсон приказал своему гипрону совершить несколько быстрых маневров, чтобы сбить со следа погоню. Второй гипрон следовал за ним как привязанный. Солдаты Верана не знали их цели и могли бесконечно обшаривать континуум, не находя планеты-мавзолея. Кроме того, Веран отзовет погоню, как только патруль сообщит, что Корсон вернулся.

Планета-мавзолей. «Интересно, — подумал Корсон, — когда я открыл ее впервые?»

Он сам себе показал дорогу, проделав брешь в законе нерегрессивной информации. Информация здесь кружила по кругу. Но ведь у всего есть свое начало. Может, это была только иллюзия? Может, гораздо позднее он найдет планету-мавзолей впервые и постарается придать информации круговое движение? Может быть, неведомая дорога, о которой он узнает позднее, соединяет все возможности Корсона? Пока он не мог разрешить этой загадки, просто не было данных.

Над определенной точкой планеты, передав точные инструкции, он отпустил гипрона, уносящего Антонеллу и второго Корсона, а сам сделал новый прыжок в будущее. Он не нашел ни малейших следов своего пребывания здесь. Это был хороший знак — сначала Корсон боялся, что окажется лицом к лицу с самим собой или найдет два побелевших скелета.

Он спустился с гипрона и вошел в мавзолей. Здесь ничего не изменилось, и Корсон взялся за дело. Время для него словно остановилось.

Догадка Сида оказалась верной. Оборудование, нужное для реанимации и пересадки искусственного сознания, находилось в подземном этаже огромного здания, но вход ему удалось найти, только зондируя фундамент с помощью гипрона. Все оказалось даже проще, чем он предполагал: основную работу делали автоматы. Боги войны, собравшие эту гигантскую коллекцию, любили быструю работу и в то же время, несомненно, еще меньше Корсона разбирались в принципах реанимации тел.

У него дрожали руки, когда он приступил к первой пробе. Для начала Корсон спроектировал искусственную индивидуальность с пятисекундным периодом существования. Женщина открыла глаза, издала какой-то звук и вновь замерла.

Результат первой серьезной пробы поверг его в шоковое состояние. Огромная блондинка с классическими формами, почти на голову выше его, соскочила со стола, что-то крикнула, бросилась на него и заключила в объятия, едва не задушив при этом. Пришлось ее оглушить. Диагноз гласил: слишком много фолликулина.

Чтобы прийти в себя, он решил пока подложить мешок с продуктами и табличкой под двери мавзолея. Маленькая металлическая пластинка была теперь почти гладкой. Несколько опытов убедили Корсона, что образующие ее кристаллы реагируют на течение времени. Деформированные, они сохраняли «память» о первоначальной конфигурации. Таким образом, нужно было лишь достаточно глубоко нацарапать буквы. Он сделал несколько расчетов и начал выписывать сообщение. Интересно, что произойдет, если он заменит какое-нибудь слово? Вероятно, ничего. Однако Корсон решил довериться своей памяти. Ставка в этой игре была слишком высока.

Оставалось решить вопрос с обучением гипрона, который заберет Антонеллу и того Корсона на Эргистал. Тут он решил воспользоваться подменой и как умел передавал свои воспоминания животному, пока не убедился, что оно доставит пассажиров не только на поля битв Эргистала, но точно на то место, где оказался когда-то он сам. Дальше он уже не мог контролировать поведение гипрона, однако полагал, что, оказавшись в тех же самых условиях, животное будет вести себя таким же образом. Возможность ошибки была невелика. Кроме того, он вполне мог доверять тем, с Эргистала, и детали его не беспокоили. Корсон обучил гипрона реагировать на слово «Эргистал», произнесенное громким голосом.

Взамен он получил множество сведений, касающихся обычаев, воспоминаний и поступков гипрона. Видовая память животного, хотя и ослабленная в неволе, была

достаточно сильна, чтобы Корсон создал себе образ его родного мира. Его изумило, что гипрон, которого он всегда боялся, во всяком случае в диком виде, был пуглив как кролик. Хотя образ его первых, конечно, давно не существующих хозяев гипрон не мог передать отчетливо, было очевидно, что он восторгался ими и одновременно побаивался их.

Подмена прошла успешно. Корсон заменил даже упряжь гипрона. Он не хотел, чтобы внимание того Корсона привлекла какая-нибудь царапина на ремнях. Мешок с продуктами он оставил на видном месте у дороги.

Потом он вернулся к моменту, когда приступил к оживлению пленниц богов войны. Корсон не знал, что случится, окажись он лицом к лицу с самим собой, но память гипрона избавила его от этого. Животное отказывалось пользоваться дорогами, на которые уже ступало. Видимо, оно чувствовало свое присутствие через секундный экран времени и инстинктивно передвигалось в другое место. В каком-то смысле оно слепо подчинялось закону нерегрессивной информации.

Корсон вновь взялся за подготовку рекрутов для Верана. Теперь он работал торопливо, чтобы быстрее со всем покончить. Он слегка опасался, что боги войны застанут его врасплох и придется с ними рассчитываться, но несколько путешествий в будущее и близкое прошлое немного его успокоили.

Он создал три разные модификации искусственной личности. Одинаковое поведение женщин могло сразу насторожить Верана. С той же целью он выбрал «образцы» разных типов, стараясь, чтобы они не были похожи друг на друга. После первого опыта он собирался наделить реанимированных женщин сексуальной холодностью, но, посмотрев на результаты, ввел в матрицу несколько женственных черт. Он не мог решить, стабильны ли искусственные личности. Слишком короткая жизнь матриц могла провалить весь план, но в то же время Корсон не хотел наделять этих кукол долголетием. Хотя он считал их только манекенами, его начинало тошнить при мысли о том, как с ними могут обойтись люди Верана. В конце концов он решил отвести им сорок восемь часов плюс-минус два-три часа. Когда это время закончится, рекруты Верана просто умрут из-за отсутствия необходимого оборудования. Если ситуация будет развиваться так, как он надеется, все произойдет в течение нескольких часов или даже минут. Если он ошибся в расчетах — его план рухнет. Веран сможет заставить своих солдат безжалостно уничтожить новых «рекрутов».

Корсон пребывал в растерянности, он не знал, сколько тел надо оживить. Слишком малое их число грозило вызвать ссоры между солдатами, а этого он совсем не хотел. С другой стороны, слишком большое их количество создаст проблему с транспортировкой и вызовет недоверие солдат Верана к его «рекрутам». Корсон поначалу подумал, что шестисот человек вполне хватит, но потом решил оживить две тысячи женщин. Сделать это одному было практически невозможно, и он наделил двадцать тел такими способностями, чтобы они могли ему ассистировать. Это были точные и неутомимые инструменты. Ему стоило немалого труда сдерживаться и не кричать на них: постоянное молчание и вечные улыбки манекенов действовали ему на нервы.

Когда Корсон убедился, что может оживить две тысячи рекрутов за несколько часов, перед ним встала проблема одежды и транспорта. В мавзолее ничего этого не было. «Незачем одевать мотыльков?» — с горечью подумал Корсон. Он совершил несколько путешествий в соседнюю планетную систему, нашел войсковой склад и бессовестно его ограбил. Оставалось только надеяться, что эта кража не вызовет серьезного катаклизма в истории планеты. По опыту он знал, что, несмотря на автоматизированные системы учета, из интендантств всех армий Вселенной порой исчезали большие партии амуниции, и это не вызывало серьезных изменений в ходе истории. Какой-нибудь чиновник, чтобы оправдать погрешности в накладных, проведет несколько бессонных ночей, придумывая более-менее правдоподобную историю. В худшем случае — его просто уволят. Не эти люди творят историю.

С транспортом было сложнее. Еще немного, и Корсон вызвал бы Эргистал. Но эту возможность он решил приберечь на самый крайний случай: он не мог заставить себя

просить помощи у богов Эргистала. Он слишком хорошо помнил презрение, звучавшее в Голосе. Корсон предпочитал быть пешкой, но не роботом. Может, это не слишком умная позиция, зато его собственная. В конце концов он нашел решение. С помощью своих ассистенток он демонтировал несколько перегородок мавзолея и таким образом получил большие металлические плиты, из которых начал строить огромную герметичную кабину. В конце концов, он же путешествовал в чем-то похожем на гроб между Эргисталом и Урией. Один гипрон мог забрать с собой в пространство и время значительный груз, если расстояние было не слишком велико. Веран таким же способом переправил снаряжение. Несколько попыток убедили Корсона, что так можно перевозить одновременно двести человек.

Он пробыл на планете-мавзолее больше двух недель, армейские пайки давно закончились, но он основательно запаса провизией на складах ближайшей планеты. Своих ассистенток, за неимением лучшего, он кормил сывороткой и глюкозой — им вполне хватало. Он устал до смерти. Конечно, можно было отдохнуть, но он не собирался оставаться в этом мрачном мире ни одной лишней минуты.

Он внимательно проследил за реанимацией первой группы и подсадкой искусственной личности. Наконец он увидел, как двести женщин покидают свои гнезда и разрывают асептическую оболочку, направляясь гуськом к центральной аллее, и устало улыбнулся. Потом в глазах у него потемнело и накатила тошнота.

Одна из ассистенток удивленно повернулась к нему. Он слабо отмахнулся.

— Ничего, — сказал он. — Ничего страшного.

Как будто обращался к живому человеку.

Но в устремленных на него великолепных фиалковых глазах не отражалось ни беспокойства, ни жалости. Они понимали его, слушались, владели речью в определенных им самим пределах, но не более того. Они не существовали. Каждый раз, когда он пытался забыть о происхождении этих женщин, их глаза напоминали ему об этом. Они были всего лишь грубым, искаженным отражением его собственного разума.

Дверь мавзолея не хотела открываться перед женщинами, и Корсону пришлось стоять на пороге все время, пока они проходили перед ним, поднимали с травы одежду и одевались. Послушные его приказам, они натянули капюшоны и вошли в кабину, а затем погрузились в гипнотический транс. Корсон закрыл дверь кабины, подозвал гипрона, приладил упряжь, сел в седло и нырнул во время.

Они приземлились на Урии, вблизи лагеря Верана, вскоре после того как он покинул планету, чтобы отправиться в будущее. Он отсутствовал на поляне всего несколько секунд, хотя его возвращение, реанимация второй группы и еще одно путешествие заняли не один час. Он путешествовал так десять раз, и это заняло несколько полных суток его собственного времени. На третий день он, чуть не плача от усталости, повалился на землю и заснул. На пятый день даже гипрон начал выказывать признаки утомления, и Корсону пришлось ждать, пока животное отдохнет. Прощаясь с планетой-мавзолеем, он освободил ассистенток. Сказал слово, и они упали, все так же молча улыбаясь.

На Урии он разбудил своих «рекрутов», и выстроил в длинную колонну. Когда показался лагерь, он остановил их на видном месте, недалеко от линии обороны, построил в несколько рядов, а сам окликнул охрану. Через минуту появился Веран.

— Ты выглядишь усталым, Корсон, — сказал он. — Кого ты нам привел?

— Рекрутов, — ответил Корсон.

Веран сделал знак. Артиллеристы навели замаскированные орудия, остальные направили на него детекторы.

— Надеюсь, это не ловушка, Корсон. Хотя твое украшение...

— Никто из них не вооружен, — осторожно сказал Корсон. — За исключением меня.

— Точно, — подтвердил солдат с детектором.

— Хорошо, — решил Веран. — Ты сумел убедить тех, из будущего. Я люблю действовать, Корсон. Вели приблизиться первой шеренге и скажи, чтобы сняли

капюшоны, — я хочу увидеть их лица.

Весь лагерь, кроме охраны, собрался за спиной Верана. Корсон с удовлетворением заметил, что солдаты вели себя более свободно, чем раньше. Несколько недель отдыха на Урии сделали свое дело. Дисциплина не ослабла, но некоторые незначительные детали говорили о многом. Один из солдат засунул руки в карманы брюк, второй спокойно посасывал короткую металлическую трубку. Корсон попробовал сосчитать телохранителей Верана, определяя их по обручам, и насчитал двенадцать человек.

Он тихо что-то сказал, и первая шеренга шагнула вперед. Веран сделал знак, и защитная линия погасла. Двое солдат смотали часть провода. Казалось, Веран избавился от подозрений, но Корсон хорошо знал хитрость этого человека. Он никому не позволит войти в лагерь, если не будет уверен в своей безопасности.

Первая шеренга прошла, за ней с некоторым интервалом следовала вторая, третья, четвертая...

Корсон крикнул. Он был уверен, что никто в лагере Верана не заподозрил обмана. Женщины были высокими, а свободная одежда скрывала их формы.

Повинуясь его голосу, первая шеренга одним движением сбросила с голов капюшоны.

Наступила полная тишина. Не было слышно ничего — ни звука шагов, ни шелеста материи, казалось, солдаты перестали дышать, и лишь вдали слышалось посвистывание спящего гипрона.

В лагере кто-то сдавленно охнул. Кто-то рассмеялся. Потом кто-то крикнул:

— Женщины! Одни женщины!

— Их две тысячи, — медленно сказал Корсон. — Они сильны и послушны.

Веран не шелохнулся и не повернул головы. Только глаза его бегали. Он внимательно разглядывал женщин, потом перевел взгляд на Корсона.

— Сильны и послушны, — как эхо повторил он.

В лагере началась суматоха: солдаты наклонялись вперед, топтались на месте, вытягивали шеи. Казалось, их глаза вот-вот выскочат из орбит.

— Хорошо, — сказал Веран, не повышая голоса. — А теперь забирай их обратно.

Какой-то солдат без оружия перескочил линию обороны и побежал к женщинам. Один из телохранителей Верана взял его на мушку, но полковник приказал опустить оружие. Корсон понял: Веран боится, но старается не показать этого. Он считает, что за всем этим кроется какая-то ловушка. Пусть в нее попадет этот солдат, чтобы остальным неповадно было.

Но ловушки не было, по крайней мере такой, как он ожидал. Когда бегущий преодолел половину расстояния, отделявшего его от женщин, Корсон произнес слово-ключ — тихо, но выразительно. Он не хотел, чтобы люди в лагере приняли его приказ за сигнал к атаке.

Первая шеренга расстегнула свою одежду и сделала полшага вперед. Плащи упали на землю — под ними не было ничего. Женщины стояли в высокой траве, окруженные сверкающим ореолом. Волосы у них спускались до плеч, а иногда и ниже. Они почти не шевелились, дышали медленно и глубоко, их руки были пусты и вытянуты ладонями вперед.

Над лагерем повис странный звук, словно задышали мехи в кузнице. Двадцать солдат ринулись вперед, другие бросили оружие и побежали за ними, не зная еще, то ли затем, чтобы вернуть беглецов, то ли чтобы не оказаться последними. Один из телохранителей Верана хотел было открыть огонь, но его толкнул сосед. Из осторожности солдаты охраны поотключали свои батареи и сами поспешили к женщинам.

Первые в нерешительности ходили от одной к другой, не решаясь их коснуться. Наконец один взял за руку великолепную блондинку. Она улыбнулась и пошла за ним. Корсон хотел сказать солдатам несколько слов, но это оказалось ненужным. Лагерь опустел. Однако Веран не хотел сдаваться. Вокруг падали люди, кто-то пытался включить линию обороны. Видимо, Веран еще надеялся избежать большого кровопролития, еще думал, что сможет заставить людей подчиниться. Но с ним остались только телохранители, да и те сражались без особой охоты.

Наконец Веран поднял руку, и стрельба прекратилась. Потом воцарилась ночь.

Она затопила лагерь, женщин, солдат. Корсон нерешительно отступил на шаг, потом лег на землю. Веран поставил на свою лучшую карту — глушитель света. Быть может, он наугад откроет огонь из своих батарей, целясь по периметру лагеря. Корсон попробовал ползти, потом перекатился на бок, собрался и крикнул, молотя руками загустевший воздух. Чья-то рука схватила его и повернула, а затем сжала шею и вздернула голову. У самого уха он услышал свистящий голос Верана:

— Ты достал меня, Корсон. Ты силен... сильнее, чем я думал. Я мог бы тебя убить, но не люблю хаоса. Оставляю тебе ключ... ключ от ошейника. Позаботься о других.

Что-то упало у ног Корсона, рука отпустила его горло. Он упал на четвереньки, пытаясь отдышаться. Где-то за его спиной Веран бежал к гипрону, которого Корсон не потрудился спрятать. На бегу он кричал: «Я еще рассчитаюсь с тобой, Корсон! Обязательно рассчитаюсь!»

Послышалось агрессивное шипение термического луча. Корсон вжался в землю и закрыл глаза. До него донесся запах паленого дерева и мяса.

Когда он открыл глаза, было светло. Все еще лежа, он осмотрелся. Более ста женщин и около двадцати солдат были убиты, больше дюжины — тяжело ранены, часть лагеря сгорела.

Корсон встал, повернулся, взглянул в направлении леса и увидел то, что осталось от Верана. Он сыграл своей последней картой — и проиграл. Ему повезло быть убитым двумя разными способами. Термический луч, возможно направленный в Корсона, настиг его, когда он был уже рядом с гипроном, а тот, осознав опасность, на долю секунды раньше переместился во времени, не обращая внимания на окружающее. Он забрал с собой половину Верана и глушитель света.

«Где-то во Вселенной, — подумал Корсон, — бедняга гипрон мечется в непроницаемом мраке, в глубине колодца, куда не может проникнуть никакая энергия, и будет метаться, пока не кончится энергия в батареях глушителя или пока он не потеряет аппарат в одном из панических прыжков. Однако почему Веран выбрал именно этого гипрона? В лагере их полно». Потом он понял: его толкнуло к этому любопытство. Он умел проникать в память гипрона и хотел знать, кем и как он был приручен.

Корсон наступил на что-то, наклонился и поднял маленький плоский кусочек потемневшего металла, на одном конце которого был вырезан квадратный желобок. Он поднес его к шее и приложил желобок к обручу. Никакого результата. Тогда он начал медленно вращать обруч. Руки у него тряслись, пот заливал глаза, поглотители скафандра не успевали осушать пот, стекавший по его спине.

Когда обруч сделал полный оборот, он вдруг распался на две части. Корсон схватил их, осмотрел — края были гладкие, как будто все время были только приложены друг к другу, — а потом отбросил подальше.

Он не мог понять смысла поступка Верана. Может, он надеялся бежать так далеко, что Корсон никогда уже не смог бы ему угрожать? А может, он испытывал к нему симпатию? Одна мысль не давала ему покоя: Веран хотел добраться до гипрона, чтобы вернуться на Эргистал. Что ж, если Эргистал был адом, ему это удалось.

Корсон направился в лагерь, надеясь найти хоть какого-нибудь гипрона. Сражение прекратилось. Максимум через несколько часов граждане Урии возьмут дело в свои руки, не встретив никакого сопротивления. Умиравшие были добиты, легко раненные перевязаны. Тут и там валялось оружие. Однако то, чего больше всего боялся Корсон, не произошло: солдаты не глумились над женщинами. Одни несмело ходили по лагерю, провожаемые эскортом из трех-четырех красавиц, другие, сидя на траве, пытались завести с ними разговор. Они казались удивленными и даже испуганными таким слабым сопротивлением. Через сорок восемь часов, подумал Корсон, они удивятся еще больше. На лафете орудия он заметил солдата, уткнувшего голову в ладони. Корсон коснулся его плеча.

— Ключ, — сказал Корсон, тронув его за плечо. — Ключ от ошейника.

Мужчина поднял голову. В его глазах Корсон увидел непонимание и беспокойство.

— Это ключ от ошейника, — повторил он.

Наклонившись, он расстегнул обруч и подал две его половинки солдату. Тот устало улыбнулся.

— Возьми ключ, — сказал Корсон. — Помоги другим снять обручи.

Солдат коротко кивнул, но выражение его лица не изменилось. Никакой ключ не мог избавить его от воспоминаний о Веране, о призраке погибшего вождя.

Никто не протестовал, когда Корсон выбрал себе гипрона и оседлал его. Он выполнил свою задачу — замкнул кольцо. Оставалось только прыгнуть на пляж, где, он надеялся, его ждала Антонелла.

А также Совет Урии. Сид, Сельма и Ана. Его друзья.

37

На пляже лежала на животе нагая женщина, блондинка. Она то ли спала, то ли была в контакте. На песке рядом с ней не было никаких следов. Корсон сел рядом и стал ждать, когда она проснется. Время у него было.

Наконец-то он добрался до конца дороги и мог теперь наслаждаться морем и пересыпать песок с ладони на ладонь. Потом он тоже научится владеть временем, уже сейчас у него есть некоторый опыт.

Женщина шевельнулась, потянулась, перевернулась на спину и села, протирая глаза. Корсон узнал ее.

— Флория Ван Нелл, — сказал он.

Она кивнула и улыбнулась, но улыбка была печальной.

— Где они? — спросил Корсон, а поскольку женщина, казалось, не поняла, добавил: — Сид, Сельма и Ана. Я должен доложить обо всем Совету Урии этого тысячелетия.

— Произошло расхождение, — тихо сказала Флория. — Благодаря тебе оно не распространилось на большое расстояние, но на этой линии вероятности их не существует.

— Умерли? — спросил Корсон.

— Просто никогда не существовали.

— Я ошибся, — сказал он. — Перепутал место, время, а может, и Вселенную.

— Ты их стер. Твое вмешательство вычеркнуло их.

Корсон почувствовал, что бледнеет, и конвульсивно сжал кулаки.

— Это были мои друзья, а я их убил.

Флория покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Они принадлежали к другой возможной современности, а ты сделал так, чтобы появилась эта, лучшая. Они знали, что с ними произойдет, если тебе повезет, и искренне надеялись, что тебе повезет.

Корсон вздохнул. У него были друзья, и они исчезли, стали тенями, не оставив после себя ни следа, ни царапины на камне, ни даже имени в этой Вселенной, которая была закрыта для них. Они просто не родились. «Все, чего я ни коснусь, — подумал Корсон, — исчезает». Он вспомнил Туре, хорошего товарища, попавшего на Эргистал из-за бессмысленных войн. Вспомнил Нгала Р'нда, последнего Князя Урии, уничтоженного собственными соратниками, и Верана, ловкого наемника, убитого своими товарищами. Со страхом вспомнил он Антонеллу, хотел задать вопрос, но не нашел слов.

— Я должна была принять тебя на Урии. Думаешь, я оказалась там случайно? — спросила Флория.

— Значит, — с горечью сказал Корсон, — живые существа — только морщины на поверхности событий, дуновение ветра изменяет или распрямляет их согласно воле богов. Для тех, с Эргистала, я был игрушкой. Боги-марионетки, исправляющие историю.

— Они не боги, хотя и много сильнее нас. Они не могут делать только то, что им нравится.

— Знаю, — грубо оборвал ее Корсон. — Они хотят делать добро. Исключают войны и

так формируют историю, чтобы она привела к ним. Все это я слышал на Эргистале. Искоренить войну, познать войну, спасти войну. Засели, как крысы, на дне времени и бояться всего, что снаружи.

— Это только половина истории, — терпеливо объяснила Флория. — Они — это мы.

— Они — наши потомки и презирают нас с высоты своего миллиарда лет.

— Они — это мы, — повторила Флория. — А мы — это те, с Эргистала. Мы должны это открыть и понять. Они — это все возможности нашей расы и всех других рас, даже таких, которых ты не можешь себе представить, как и они тебя. Они — все частицы Вселенной и все ее аспекты. Ни мы не являемся их предками, ни они — нашими потомками, но мы их часть, отрезанная от целого. Каждый из нас — это одна из их возможностей, деталь, которая неуверенно стремится к объединению и борется за то, чтобы существовать отдельно. Когда-то и где-то произошло нечто такое, чего я сама не понимаю. Но не в начале и не в конце времени. Нет ни до, ни после; для них и в какой-то степени для нас время стало расстоянием, на котором события сосуществуют как объекты, обладающие непрерывностью. Мы всего лишь мгновение долгого марша, который ведет к Эргисталу, к объединению и осознанию всех возможных событий, а те, с Эргистала, управляют этим маршем.

— Боги-шизофреники, — сказал Корсон.

— Да, если хочешь. Иногда я думаю, что они отправились на поиски всех возможностей, потерялись и стали нами, и это явилось причиной войны, той трещины, того разлома и сминания истории, которую они теперь выравнивают. И трещина эта сделала невозможным немедленное исправление. Война — это частица их самих, а мы должны на ощупь найти длинную, очень длинную дорогу, которая ведет к ним, то есть к нам самим. Они родились из войны, Корсон, из этой ужасной неразберихи, сотрясающей нас, и будут существовать, только уничтожив ее. Тут и там они заделывают бреши и таким образом соединяют цепь. Иногда и мы делаем это с их помощью. Ты тоже это делал, Корсон. Ты жалеешь об этом?

— Нет, — ответил Корсон.

— Чтобы стереть войну, они пользуются теми, кто воевал, — продолжала Флория. — У них есть военный опыт, и со временем они начинают ненавидеть войну достаточно сильно, чтобы страшиться уничтожить ее любой ценой. Те, кто доходят до этого не сразу, на некоторое время остаются на Эргистале и в конце концов тоже начинают понимать. И в конце концов поймут все, до единого.

— Даже Веран? — скептически спросил Корсон.

— Даже Веран. В данный момент он гасит пожар в созвездии Лиры.

— Он мертв, — сказал Корсон.

— Никто не умирает, — ответила Флория. — Жизнь похожа на страницу книги — рядом с ней всегда находится другая.

Корсон поднялся, сделал несколько шагов к морю и остановился на границе земли и воды.

— Это длинная история. Кто мне докажет, что это правда?

— Никто. Постепенно ты сам придешь к этому. Может, история, которую ты откроешь, будет несколько другой, потому что никому не дано познать абсолютную правду.

Не поворачиваясь, Корсон резко сказал:

— Я вернулся, чтобы научиться владеть временем и связаться с Эргисталом. И...

— Ты научишься. Нам нужны люди вроде тебя. В мире еще много пожаров.

— Я надеялся найти здесь покой, — сказал Корсон. — И Антонеллу.

Флория подошла и положила руки на плечи Корсону.

— Прошу тебя... — сказала она.

— Я люблю ее... или любил. Она тоже исчезла, правда?

— Она не существовала... уже давно была мертва. Мы забрали ее с планеты-мавзолея, из коллекции богов войны, и снабдили синтетической личностью так же, как ты сделал это с «рекрутами» Верана. Без нее ты не совершил бы того, что требовалось, а настоящий человек

не смог бы проникнуть на Эргистал.

— Разве что будучи военным преступником, — сказал Корсон.

— Она была только машиной.

— Приманкой, — заметил Корсон.

— Мне очень жаль, и я сделаю все, что ты захочешь. Буду тебя любить, Корсон, если это тебе угодно.

— Это не так просто.

Он вспомнил слова Сиды: «Не нужно обижаться на нас за это». Сид знал, что будет стерт, и сочувствовал Корсону.

— Никто не умирает, — сказал Корсон. — Может, я найду ее в другом существовании.

— Возможно, — прошептала Флория.

Корсон шагнул к морю.

— У меня ничего не осталось — ни друзей, ни любви. Моя Вселенная исчезла шесть тысяч лет назад, а сам я был обманут.

— Ты еще можешь выбрать. Можешь все зачеркнуть и вернуться к нулю. Вспомни, ты должен был погибнуть на «Архимеде».

— Могу выбрать... — недоверчиво повторил Корсон.

Он услышал, что она уходит, повернулся и увидел, как она разгребает песок там, где остался след ее тела. Потом она вернулась, держа в руке опалесцирующую ампулу размером с голубиное яйцо.

— Чтобы остаться с нами навсегда, тебе нужно выполнить еще одно задание. Дикие гипроны не умеют путешествовать во времени, как первобытный человек не умеет оперировать матрицей. В лучшем случае гипрону удастся переместиться на несколько секунд. Ампула содержит акселератор, в миллиарды раз усиливающий эти зачаточные способности. В нужный момент, Корсон, ты должен дать это ему. Доза рассчитана с большой точностью. С твоей точки зрения, введение ее в прошлое не вызовет больших изменений. Гипрон в момент прыжка переносит с собой ближайшее окружение. Теперь ты знаешь все, что нужно, Жорж Корсон, и решение зависит от тебя.

Корсон понял.

— Спасибо, — сказал он. — Пока я ничего не решил.

Он взял ампулу и направился к гипрону.

38

Корсон совершил шеститысячелетний прыжок назад, осмотрелся и ввел пространственные поправки.

Гипрон синхронизировался. Какое-то время планета кружилась вокруг него, потом ему удалось стабилизироваться, и он занял место на сильно вытянутой орбите, такой же, какую выбрал бы военный корабль, желающий только коснуться атмосферы планеты и выгрузить какой-то предмет в наиболее благоприятных условиях, имея при этом солнце за спиной.

Корсон ждал и думал. Перед ним раскинулась Вселенная, которой он почти не видел. Вселенная была колодцем, и каждый взгляд пробивал в ней новый колодец, и все эти трубы переплетались, устремляясь к оболочке Вселенной, к ее последней точке, где наконец-то соединялись. Эргистал... Каждая точка Вселенной, говорил Сид, имеет собственную экологическую Вселенную. Для данного наблюдателя или актера. Каждый пробует прочесть свое предназначение на стене колодца и, если возможно, старается улучшить его. Как крот, не знающий о том, что разрушает жилище соседа. Но только не на Эргистале, не на поверхности Вселенной. Для богов Эргистала экологическая Вселенная объединилась с космосом. Они не могли ничего и никого проглядеть.

Внизу детекторы уриан прочесывали небо, выдавая страны этого фрагмента запутанной истории. Однако на таком расстоянии общая масса гипрона и всадника была слишком мала, чтобы вызвать огонь батарей.

Корсон колебался. Он мог удалиться и тогда, несомненно, погибнет при взрыве корабля. Или упадет на землю вместе с Бестией и умрет или попадет в руки уриан. Немногие из взятых в плен вернулись с Урии, и ни один не вернулся здоровым. Корсон мог бросить лейтенанта Жоржа Корсона, солдата поневоле, специалиста по бестиям, о которых он почти ничего не знал, на произвол судьбы. Тогда он — Корсон-путешественник во времени — перестанет существовать. Стоило ли трудиться, чтобы в самом конце испытать горечь поражения и одиночества? Он задумался, что сделал бы тот Корсон в конце своего путешествия, но потом вспомнил, что он сам и был им.

Стоило ли все это таких усилий?

Ночь и страх рядом с рыдающей Бестией. Флория Ван Нелл, зная, что он нападет на нее. Обреченный город Диото и короткая прогулка по вертикальным улицам. Вынырнувшая из ничто Антонелла, Веран и неволя. Дом мертвых на травянистой планете. Эргистал, военный водоворот, где смерть была только Перемирием. И дьявольская сеть интриг, идиотские выходы фанатиков и милитаристов, где время разрывалось на куски.

А если он ничего не сделает, если просто уйдет? Бестия доберется до места назначения. Она уже доказала свою стойкость и произведет на свет потомство. Через некоторое время Земля выиграет войну, залечит свои раны и расширит границы своей империи. Силой или хитростью она будет контролировать зарождающуюся Конфедерацию, а потом начнутся новые войны.

Но все это было старой историей. Разыгранной старой историей шеститысячелетней давности. В будущем, где он побывал, война между Солнечной Державой и Князьями Урии была давно закончена. Никто ее не выиграл, скорее и те и другие проиграли. Так и будет, независимо от того, что он сделает. Для него это уже не имело значения. Он уже не был лейтенантом Корсоном на борту «Архимеда», беспокоящимся о будущем местного конфликта и о собственной шкуре.

Он стал другим.

Это был долгий процесс. Он смотрел на звезды — золотые зерна, прикрепленные к стенкам колодца, более многочисленные, чем те, что светили на земном небе. Через шесть тысяч лет они будут занимать почти те же места. У каждой из них была своя загадка, обещание, кусочек Истории. Для лейтенанта Корсона они были только блестками и остриями страха, казались ступенями лестницы, приставленной к стене времени.

Он мог позволить лейтенанту Корсону прожить еще небольшой отрезок времени, который ему остался, а потом — совершить идеальнейшее самоубийство. Но Корсон в черном корпусе «Архимеда» не хотел умирать.

«Могу ли я от него отделаться? — подумал Корсон, и ему пришло в голову, что Флория сказала ему только половину правды. — Может, война была результатом разрыва единства всех возможностей тех, с Эргистала. Но почему они... Почему их должно быть много? Может, те, с Эргистала, существовали как возможность одного? И этому одному стало скучно, и он пожелал стать каждым человеком и всеми людьми, каждым существом и всеми существами? Скалой и червяком, звездой и волной, пространством и временем?»

«Сплю я, что ли? — думал Корсон. — Или это просто мои воспоминания?» Если тот Корсон умрет, он никогда не узнает этого. Он потеряет и жизнь и память о том, что когда-то жил.

Но кроме жизни имела еще сверхжизнь. Страницы книги, как говорила Флория Ван Нелл. Гиперкуб содержит бесчисленное количество кубов, и все же его объем ограничен в четырехмерном пространстве. «Наши жизни не бесконечны, а неограниченны, — сказал голос на Эргистале. — Ты научишься владеть временем и станешь как мы».

Имелось, по крайней мере, три уровня существования. Уровень виртуального существования, такого, как у Сиды и Сельмы, где человек был только вероятностью, вписанной в призрачный реестр Эргистала; уровень линейной жизни, жизни того Корсона, где человек оставался заключенным между рождением и смертью, и, наконец, уровень сверхжизни, который символически развивался в пространстве, перпендикулярном к оси

времени.

Это напоминало уровни возбуждения элементарных частиц в примитивной физике, как будто ученые прежних времен прозревали великую правду. Частица — атом, нуклон, мезон или кварк, — однажды возбужденная, переносится на высший энергетический уровень. Она становится чем-то другим, не переставая быть собой, и может спонтанно вернуться в начальное состояние, излучая частицы низшего порядка: фотоны, электроны, нейтрино, мезоны...

Корсон достиг уровня сверхжизни. Он мог вернуться на уровень линейного существования, выделив что-то вроде нейтрино, и его жизнь в последние недели стала бы виртуальной, почти лишенной возможности реализации. Он не исчезнет совершенно, но будет избавлен от реальности. Ни массы, ни заряда, как у нейтрино. Кто-нибудь в лаборатории Эргистала зафиксирует появление пучка искр, а регистрационная камера отметит исчезновение одной сверхжизни.

Корсон принял решение.

Над ним черный корпус «Архимеда» заслонял группу звезд. Корсон перевел гипрона в другую фазу, приблизился и без труда преодолел защиту и панцирь корабля. Не опасаясь, что его заметят, нашел трюм. Переход в другую фазу почти полностью лишил его реальности для наблюдателя, находящегося на борту корабля.

Он почувствовал колебание своего скакуна, тот боялся приближаться к дикому собрату. Корсон успокоил гипрона и сунул ампулу в клубок отростков гривы. Отросток, несущий ампулу, проскользнул через энергетическую клетку, удерживавшую Бестию. Когда ампула оказалась перед мордой Бестии, Корсон на миллиардную долю секунды синхронизировал гипрона с кораблем. Вспышка, сухой шлепок... и энергетический экран отсека отросток гипрона, который уже отскочил в пространстве и во времени.

Корсон ждал в пространстве, вглядываясь в почти невидимый корпус корабля. К нему вдруг вернулось старое воспоминание: перед самой катастрофой он видел яркую вспышку, но такую короткую, что усомнился в ее реальности.

На это слабое воспоминание наложилась молния: «Архимед» взорвался. А батареи Урии по-прежнему молчали. Орбита, выбранная капитаном «Архимеда», сыграла свою роль — приближение корабля не было замечено.

Авария генераторов, думал он. Но это было маловероятно. Он сам вызвал катастрофу. Акселератор многократно усилил способности Бестии, она не покинула свою клетку, и генераторы не выдержали.

Разорванный корпус «Архимеда» падал в джунгли Урии. Корсону показалось, что из него что-то вывалилось. Иллюзия... Он еще не умел смотреть сквозь время.

Но это придет, подумал он, вспомнив о своих мертвых товарищах. Он мог вернуться назад и начать борьбу с самим собой, чтобы удержать себя от передачи ампулы.

«Архимед» вошел в атмосферу Урии и вспыхнул. С земли открыли огонь батареи Урии, и пространство зареяло вспышками. Корсон пытался убедить себя, что корабль все равно был бы уничтожен, но это была очередная иллюзия.

Где-то на Урии, через шесть тысяч лет, тот Корсон будет изо всех сил пытаться выжить. Он еще не знает, что под холодным взглядом веков ликвидирует какой-то конфликт, он еще услышит на Эргистале голос богов и, возможно, достигнет сверхжизни.

«Почему я?» — подумал Корсон, вступая на дорогу к будущему.

— Я... — эхом ответили Корсоны, размещенные по всей длине его жизни и рядом, вдоль других его существований. Ему показалось, что он слышит, как сознание заполняется шепотом, и почувствовал, что еще установит контакт с неисчислимыми Корсонами, разбегающимися в будущее, и будет знать их переживания, видеть их глазами и думать вместе с ними. Но пока он стоял на пороге, колеблясь, поскольку время еще не пришло да и опыта было маловато, а у тех Корсонов только появилась тень шанса...